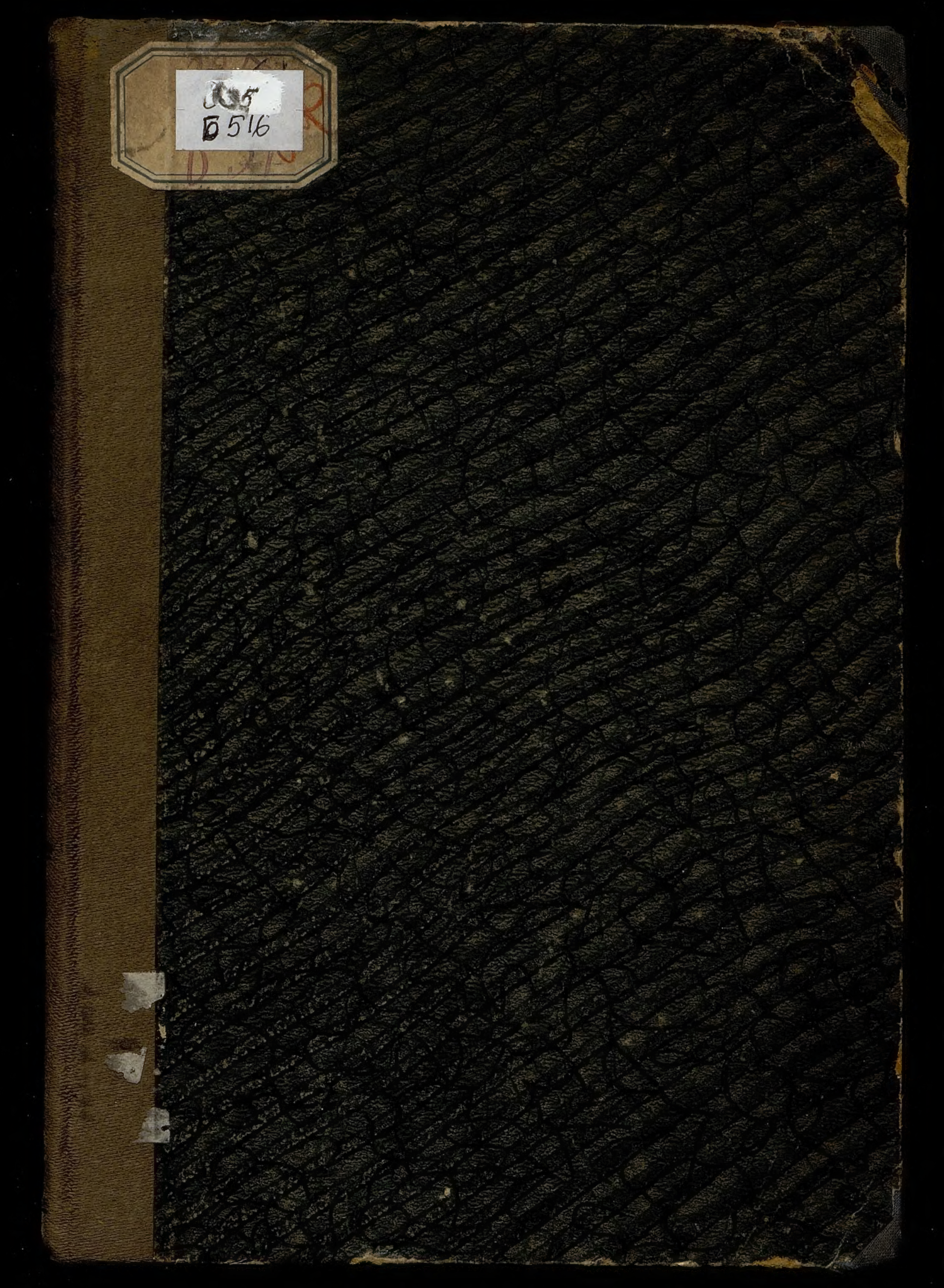
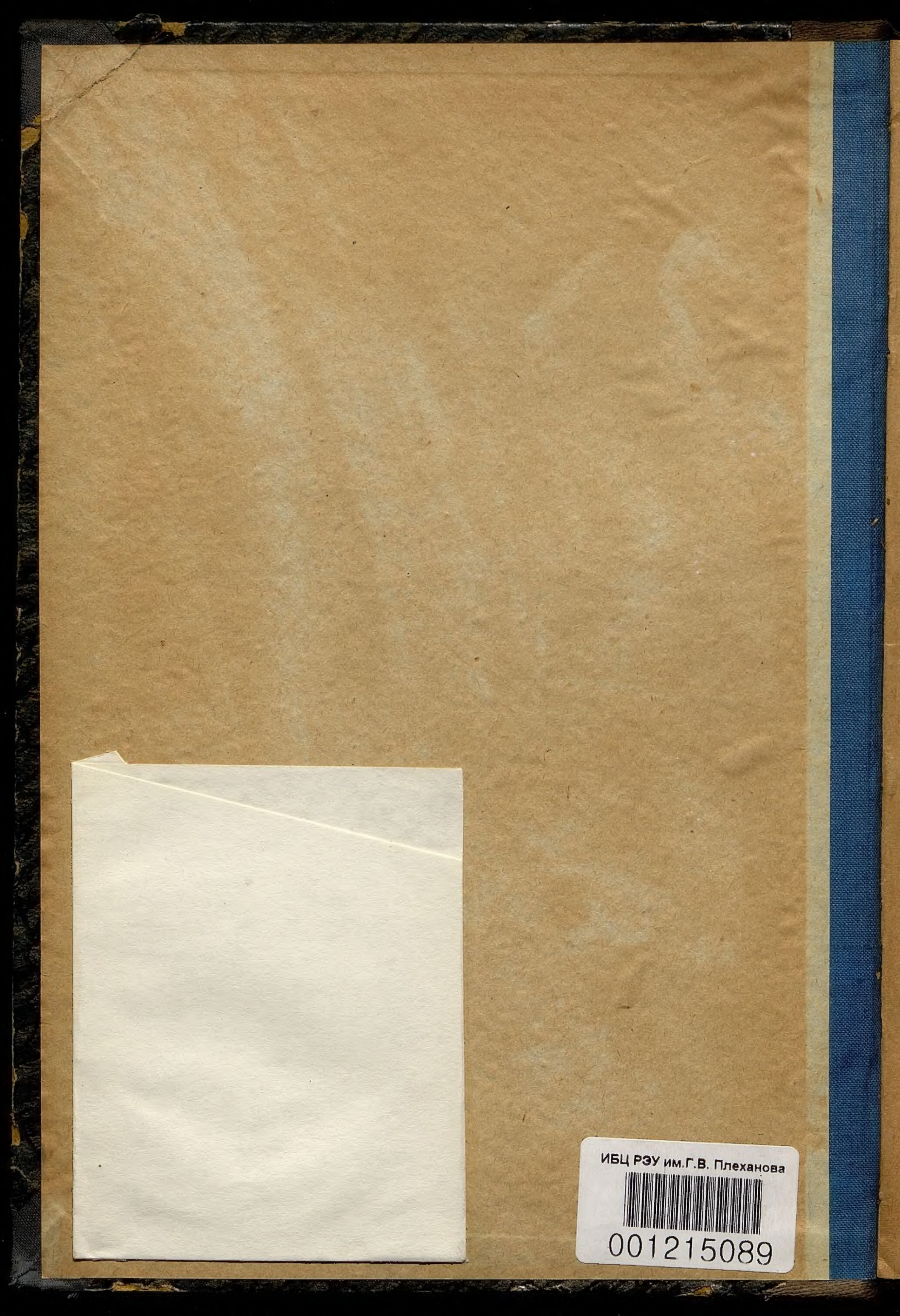

ИБЦ РЭУ им.Г.В. Плеханова
001215089

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИЗМА В МОНОГРАФИЯХ

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ НОВЕЙШЕГО СОЦИАЛИЗМА

«ОСНОВА»
1924

ЭДУАРД БЕРНШТЕЙН

АНГЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 17 ВЕКА

Книгоиздательское Т-во
«ОСНОВА»
Иваново-Вознесенск
1924

Напечатано в типо-литографии ,,Красный Октябрь''
Книгоизд. Т-ва ,,ОСНОВА'' Ив.-Вознесенск.
Гублит № 509. Тираж 4000 экз.

№ 30

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящий труд Эдуарда Бернштейна представляет собою часть известного коллективного труда по истории социалистических идей и движений,—труда, выполненного К. Каутским, П. Лафаргом, Эдуардом Бернштейном и К. Гуго.

Эта история социалистических идей и движений, доходящая до великой французской революции, в то же время является «историей социализма в монографиях», ибо отдельные части этого коллективного произведения представляют собою законченные, цельные монографии.

Книга Эдуарда Бернштейна является превосходной самостоятельной работой об одном из важнейших событий, через которое перешагнуло человечество, переходя от феодализма к буржуазному строю—об английской революции XVII века.

Английская революция—это буржуазная революция против неограниченной королевской власти.

Английская революция—не первая буржуазная революция: ей предшествует знаменитая борьба Нидерланды против Испании (XVI-XVII в. в.), борьба, являющаяся началом эпохи буржуазных революций.

Английская революция—не последняя буржуазная революция, ибо лишь больше чем через сто лет наступает очередь для французской буржуазии восстать против пут феодализма.

Несмотря на большие промежутки, отделяющие эти три революции друг от друга—сходство между ними совершенно очевидно.

«В обеих революциях,— говорит К. Маркс (он говорит здесь о французской и английской революциях, но то же можно сказать и о нидерландском взрыве),—буржуазия

являлась классом, действительно стоявшим во главе движения. Пролетариат и не принадлежащие к пролетариату группы населения либо не имели никаких отдельных от буржуазии интересов, либо не представляли еще самостоятельно развившихся классов или подклассов. Поэтому в тех случаях, когда они выступали против буржуазии, как например, во Франции в 1793-1794 г. г., они все-таки боролись только за интересы буржуазии, хотя и не из буржуазных побуждений...

Революции 1648 г. и 1789 г. были не английской и французской революциями, но европейскими... В той и в другой победила буржуазия; но победа буржуазии была тогда победой нового общественного строя, победа буржуазной собственности над феодальной... Они были провозглашением политического строя над новым европейским обществом...»

Это не мешает тому, чтобы английская революция имела свои отличительные черты, объясняемые различием во времени и в развитии общественных отношений.

Книга Эдуарда Бернштейна лучшее произведение об английской революции. На русском языке это единственная книга, освещающая с выдержанно—марксистской точки зрения борьбу английского «3-го сословия» против феодальной знати.

Книги буржуазных историков только коверкают и искажают суть дела, выдвигая в качестве основных пружин революции религиозные мотивы, лучшие же из них стоят на всеспасающей эклектической точке зрения (Н. Кареев).

Поэтому книга Бернштейна, в полном смысле этого слова, является пока незаменимой книгой.

Январь 1924 г., г. Иваново-Вознесенск.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ВВЕДЕНИЕ.

Свою буржуазную революцию против абсолютной монархии Англия произвела на полтора столетия раньше Франции, при условиях, значительно отличающихся от условий, господствовавших в эпоху великой французской революции. Тем не менее положение дел и ход обеих революций представляют вполне очевидную аналогию. В статье, по поводу прусской мартовской революции, помещенной в «Новой Рейнской Газете» в декабре 1848 года, Маркс проводит следующую параллель между английской революцией XVII века и французской XVIII.

«В 1648 году (год, в который, во время английской революции, партия индепендентов завладела властью. Э. Б.) буржуазия заключила союз с новым дворянством против короля, феодалов и господствующей церкви; в 1789 году также буржуазия соединилась с народом против короля, дворянства и господствующей церкви.

«Прообразом революции 1789 года служит революция 1648 года, а прообразом этой последней—восстание Нидерландов против Испании. Таким образом обе революции опередили на сто лет своих предшественников не только по времени, но и по внутреннему содержанию.

«В обеих революциях буржуазия являлась классом, действительно стоявшим во главе движения. Пролетариат и не принадлежащие к буржуазии группы населения либо не имели никаких отдельных от буржуазии интересов, либо не представляли еще самостоятельно развившихся классов или подклассов. Поэтому в тех случаях, когда они выступали против буржуазии, как напр. во Франции в 1793—1794 гг., они все-таки боролись только за интересы буржуазии, хотя и не из буржуазных побуждений. Весь французский террор не что иное, как плебейский прием расправляться с врагами буржуазии, с абсолютизмом, феодализмом и мещанством.

«Революции 1648 и 1789 гг. были не английской и французской революциями, но европейскими. Они не были победой одного определенного общественного класса над старым политическим порядком; они были провозглашением политического строя для нового европейского общества. В той и в другой победила буржуазия: но победа буржуазии была тогда победой нового общественного строя, победой буржуазной собственности над феодальной, национальности над провинциализмом, конкуренции над цехом, дробления земельной собственности над майоратом, господства собственника земли над господством земли над собственником, просвещения над суеверием, семьи над фамилией, промышленности над героической ленью, гражданского права над средневековыми привилегиями». («Neue-Rhein. Zeitung» от 15 декабря 1848 года).

Разумеется в отношении сказанного сейчас должна быть принята во внимание разница во времени для обеих революций. Говоря вообще, Англия, во время своей революции, в общем развитии стояла на сто-

лет позади Франции 1789 года и ее общественные подразделения в значительной степени отличались от французских. Однако расстояние между ними во всех отношениях было одинакового характера и не всегда выражало собою большую отсталость в развитии.

В Англии сохранилась лишь часть старого феодального дворянства; владетельные титулы массы ее земельной аристократии были новейшего происхождения и в ведении хозяйства она придерживалась буржуазных принципов. Англия располагала многочисленным свободным крестьянством, и жители ее городов представляли собой уже значительную экономическую силу. Конечно эти последние еще в значительной степени состояли из цеховых элементов, жизненные условия которых еще грубы и умственный горизонт сильно ограничен, во всяком случае ограничен более, чем умственный уровень части общества, группирующейся вокруг двора. Но духовная ограниченность совсем не мешала могучему развитию торговли; в односторонности часто заключается тайна политического успеха, и наконец буржуазия и обуржуазившийся класс землевладельцев Англии XVII века имели место с королевской властью, которая не достигла такого блестящего самодержавия, какого достигли Бурбоны в лице Людовика XIV.

Подробнее о социальном строе Англии накануне революции мы поговорим в другом месте. Несмотря на различие, существующее в этом отношении между нею и Францией, несмотря на разницу в политическом строе обеих стран к началу их революций и на различие исходных точек последних,—можно провести между ними параллель, как в смысле исторических результатов этих революций, так и в смысле форм, в которых они протекали. Английская революция, которую оффициальные английские историки, до сих пор, в противоположность «славной революции» вигов 1688 года, называли «мятежом», но которая с каждым днем все более завоевывает всеобщее признание, подобно великой французской революции, пошла в своем течении гораздо дальше провозглашенных в начале целей. Вдохновляемая в общем не столько греческой и римской литературой, сколько Ветхим Заветом, она также как и французская, ведет к обезглавлению противящегося ей помазанника Божия; во время ее также различные партии и стоявшие за ними различные слои общества одни за другими выступают на первый план и берут на себя, смотря по обстоятельствам, либо руководящую роль, либо, если они, на это не способны, роль двигательной силы. После эпохи военной диктатуры английская революция тоже приходит к временной реставрации, которая, также как французская, неспособна восстановить положение, существовавшее до начала восстания, и в конце концов заключается слабым сколком с последнего—уже упомянутой выше революцией вигов 1688 года, «реставрирующей» то, что в политическом смысле послужило исходной точкой ее. У английской революции есть свои жирондисты—пресвитериане, свои якобинцы или монтаньяры—индепенденты, свои гебертисты и бабувисты—левеллеры. Кромвель был ее Робеспьером и Бонапартом в одном лице, Маратом и Гебером был левеллер Джон Лильбурн.

Все эти сравнения могут быть приняты, само собой разумеется, лишь условно. Если, напр., индепенденты значительно превосходили пресвитериан революционной энергией, то в отношении церкви они были децентралистами, в то время как пресвитериане стояли за централизацию кальвинистской церкви. Левеллеров, в свою очередь, лишь в том смысле можно сравнить с гебертистами, что они, не достигнув никогда господства, являются партией, представляющей самый радикальный элемент в революционном движении, и что этот радикализм, несмотря на коммунистические тенденции отдельных вождей, на практике проявляется почти исключительно в форме политических требований и таким образом со-

храняст политический характер. Лишь на высшей точке своего развития движение левеллеров в секте или группе «истинных левеллеров» порождает действительно коммунистическое направление, которое не только предприняло очень оригинальную попытку коммунистической самопомощи, но также оставило нам замечательный проект полного плана коммунистической реорганизации общества, который, повидимому, странным образом, остался неизвестным всем историкам английской революции. В религиозном смысле большинство левеллеров лишь слабо отличается от массы индепендентов; как и последние, они по существу своему пуритане, но через все их движение проходит черта, обнаруживающая довольно сильное внимание анабаптистской пропаганды, а известная часть их вождей, были, повидимому, даже представителями несомненно атеистически-рационалистических идей. Хотя личность, около которой группировалось движение левеллеров, в смысле духовного значения, далеко отставала от Марата, все же «свободно рожденный Джон» —«freeborn John», как часто называет себя Джон Лильбурн в своих памфлетах,—в смысле здорового демократического инстинкта, бесстрашия и резкости при защите плебейских интересов, может быть назван достойным предшественником «Ami du peuple» Можно было бы также сказать «Pèr Duchesne'a», но памфлеты Лильбурна совсем не носят преувеличенно вульгарного характера словоизлияний Гебера.

Однако буржуазная историография долго обращалась с Лильбурном не лучше, чем с редактором «Père Duchesne'a». Карлейль говорит о нем, всегда, как о существе вечно вызывающем неприятности и шум, и даже Вильям Годвин в своей истории английской республики во многих отношениях безусловно неверно понимал Лильбурна, хотя именно от автора «Политической справедливости» можно было бы ожидать лучшего понимания такого политического деятеля, как Лильбурн; впрочем Годвин не отрицает ни твердости его убеждений, ни его замечательных способностей*). Во всяком случае Годвин, по крайней мере, так подробно занимается деятельностью Лильбурна и левеллеров, что влияние их на ход политической борьбы до провозглашения республики — «Commonwealth» — в его книге обнаруживается довольно ясно. После Годвина историки собрали массу материала об этом эпизоде революции. Самому обстоятельному разбору он подвергнут в новейшем сочинении по истории той эпохи, прекрасной книге Самуила Равсона Гардинера: «History of the Great Civil War». Но это выдающееся сочинение доведено только до начала 1649 г.**) и потому не дает полной картины этого движения. К тому же от автора ускользнули некоторые замечательные особенности его: у него можно найти материлы для оценки влияния левеллеров, но не самую оценку. Недавно английский социалист Г. Г. Спарлинг, сделавший движение левеллеров предметом особого изучения, в качестве первого ре-

---

*) Не лучше суждения Годвина о Лильбурне, но зато картиннее суждение о нем биографа Мильтона, Массона: «Вообще я люблю его и рад, что он принадлежит истории Англии, но я думаю, что он был осел». (M a s s o n, Life of John Milton. IV, стр. 120). Массон полагает, что Мильтон, получивший 26 марта 1649 г. от государственного совета поручение написать возражение на памфлет Лильбурна, намеренно тянул с выполнением этого поручения до тех пор, пока сами обстоятельства сделали его ненужным. Такого же взгляда держится и С. Р. Гардинер. «Он (Мильтон) вероятно слишком симпатизировал лильбурновой защите личной свободы, для того, чтобы мог чувствовать склонность выступать его противником». (History of the Commonwealth and the Protectorate. I, стр. 41). О Лильбурне подробнее будет сказано в девятой главе.

**) Перед самым окончанием настоящего труда появился еще 1 том сочинения Гардинера «History of the Commonwealth and the Protectorate, которое доведено до конца 1651 года. В некоторых случаях я еще имел возможность воспользоваться им.

зультата своих трудов, опубликовал в лондонском еженедельнике «Weekly Times and Echo» биографию Джона Лильбурна, которая значительно помогла нам в нашей работе. У Спарлинга однако замечается недостаток, противоположный недостатку Карлейля: он идеализирует Лильбурна и слишком низко ценит Кромвеля, против которого Лильбурн выступал; только в Лильбурне он признает хорошие стороны, в Кромвеле же видит лишь карьериста, а иногда и попросту «мошенника крупного калибра». Это через чур суб'ективное отношение к действующим лицам сильно понижает ценность труда Спарлинга, которому впрочем принадлежит немаловажная заслуга, заключающаяся в том, что он спас от забвенья или, вернее, воскресил из гроба с трудом проникающих в народ исторических сочинений одну из интереснейших личностей в истории новейших народных движений. Связного, систематического изложения всего движения левеллеров, а также разыгравшихся одновременно с ним или вытекавших из него движений в пользу низших классов народа, до сих пор еще не было. Материал для истории его чрезвычайно разбросан и еще совершенно не тронут. Причиной этого является главным образом то обстоятельство, что эти материалы заключаются в сочинениях религиозного характера, благодаря этому светские и церковные историки смотрят на эти движения просто как на уродливые видоизменения реформационных религиозных движений и поэтому, каждый со своей точки зрения, осуждают их. Бывало даже, что религиозная оболочка движения левеллеров отталкивала от изучения его и социалистов. Они забывали, что одна и та же религиозная форма в различные времена имеет и различное значение. Мы впрочем увидим ниже, что эта религиозная оболочка была очень тонка.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

АНГЛИЯ ДО СРЕДИНЫ XVII ВЕКА.

I. Экономическое и социальное развитие.

Англия в XVII столетии еще в очень значительной степени была земледельческой страной. Население ее около средины этого столетия равнялось приблизительно пяти миллионам, и сельское население составляло по крайней мере ¾ из них. Кроме Лондона, тогда уже сильно процветавшего, английские города были не особенно многолюдны. Очень внимательный наблюдатель, Григорий Кинг, писавший в конце того века, предполагает, что в ту эпоху, при населении в пять с половиной миллионов, приходилось на:

Лондон	530.000	жителей
Большие города и торговые местечки . .	870.000	»
Деревни и села	4.100.000	»
Всего . .	5.500.000	жителей.

Подобное же отношение между Лондоном и всем вообще королевством приводится также в опубликованном в 1687 году «Essays on Political Arithmetic» Вильяма Петти. Петти считает население Лондона с предместьями равным 696.000, а население всей Англии и Уэльса равным семи миллионам. По его мнению, в средине XVII столетия в Лондоне было около полумиллиона жителей. Его оценка приблизительно верна, так как он знал Лондон времен революции. Кроме Лондона Петти называл британской столицей Бристоль, население которого, по его мнению, состояло из 48.000 человек. Бристоль в XVII столетии был действительно довольно значительным портом; он поддерживал оживленную морскую торговлю с Испанией и Португалией и был центром шерстяной

промышленности юго-западной Англии. С Бристолем соперничал Норвич, центр шерстяной промышленности восточных графств. Затем в числе более значительных городов назван Соутварк, к югу от Лондона (теперь он составляет часть последнего), Глочестер, Экзетер, Ковентри, Честер, Соутгамптон, Гулль, Ньюкестль-на-Тайне и Iорк.

Промышленность в общем была еще мало развита и во всех почти отраслях отставала от промышленности континента. Еще в XVI веке в самой Англии изготовлялись только самые грубые продукты, все же более тонкие привозились из-за границы. Англия производила самую тонкую шерсть, но обрабатывала она в течение очень долгого времени только самые грубые сорта, а более тонкие обрабатывались за границей, главным образом во Фландрии. Дело совершенно изменилось, когда религиозные войны и религиозные преследования в Нидерландах заставили уйти в Англию целые толпы фламандских ткачей. С их появлением во второй половине XVI века начался под'ем английского шерстяного ткачества. Сначало оно сосредоточивалось главным образом в Норфольке и нескольких соседних графствах, а затем распространилось на запад, где оно в ту эпоху, о которой мы говорим, было уже сильно развито. Подобным же образом протестантские выходцы из Нидерландов принесли в Англию искусство перерабатывать хлопчатую бумагу в ткани. Первыми центрами этой отрасли промышленности были города Манчестер и Больтон в Ланкаширском графстве.

Только в XVII столетии началась более широкая эксплуатация минеральных богатств Англии, но в рассматриваемую нами эпоху она еще не играла особенно значительной роли. Значение каменного угля для доменных печей только что было открыто, и прошли целые десятилетия, прежде чем Англия сама стала производить нужное для нее железо. Еще в 1720 г. по Макферсону (Annals of Commerce, III, стр. 114) Англия получала из-за границы две трети—20.000 из 30.000 тонн потребляемого ею сырого железа.

По рассчетам Григория Кинга в 1688 году в Англии жило:

Земледелием	4.265.000	человек.
Обрабатывающей промышленностью	240.000	»
Торговлей	246.000	»

При составлении этой таблицы не принята, конечно, в рассчет весьма значительная в то время домашняя промышленность (производство для собственных потребностей); кроме того, при составлении ее совсем не входили в разбор тех многочисленных случаев, когда занятие сельским хозяйством и промышленностью совмещалось. Таким образом таблица вообще не дает достоверной картины тогдашнего производства. Тем не менее она показывает, в какой незначительной степени, даже в конце XVII века, промышленность обособилась от домашнего и сельского хозяйства. Поэтому она представляет довольно значительный интерес для оценки социальных явлений той эпохи.

Живущее земледелием население распадалось на классы: крупную аристократию, сельское дворянство, земледельческих поденщиков, а также на большую массу бедных «пауперов». Крупная земельная аристократия, даже феодального происхождения, уже успела совсем почти освободиться от всех феодальных обязанностей и хозяйничала, как полный собственник унаследованной земли, которая обрабатывалась либо через управляющих, либо арендаторами. Сельское дворянство состояло из землевладельцев средней руки, потомков покупщиков феодальных и монастырских имений, из разбогатевших арендаторов и т. д. Многочисленный класс мелких землевладельцев составляли отчасти крестьяне, отчасти мелкие арендаторы. Первые страдали от постоянно повторяв-

шихся захватов земли крупными землевладельцами, от расхищения общинной земли и т. д., а последние от повышения арендной платы жадными к деньгам лэнд-лордами.

«Ренты (арендная плата) XVII столетия, хотя и кажутся нам весьма незначительными, первоначально были установлены конкуренцией, а затем очень быстро превратились в голодные ренты. Под голодною я подразумеваю такую ренту, которая едва дает возможность существовать земледельцу, так что он не может ни скопить что-либо, ни произвести какие бы то ни было улучшения»,—пишет известный историк-экономист Торольд Роджерс*). «Однако в некоторых частях Англии,—добавляет он,—особенно в восточных графствах, на западе и севере существовал побочный промысел, настолько значительный, что крестьянин-арендатор мог сравнительно равнодушно относиться к возрастанию арендной платы». Этим побочным промыслом было шерстяное и льняное ткачество, которым во многих округах занималось большинство крестьян. «Таким же побочным промыслом было шерстяное ткачество в известных частях Ланкашира и Йоркшира; это помнит еще если не все, то во всяком случае часть живущего теперь поколения». (ibid). Но в Йоркшире и Ланкашире в XVII веке шерстяная промышленность играла далеко не такую важную роль, как в восточных графствах, где мы и должны искать в ту эпоху сравнительно независимого от лэндлорда мелкого арендатора**).

Сельскохозяйственные рабочие были уже подчинены прелестному рабочему статуту Елизаветы, цель которого по Торольду Роджерсу была троякая: «1) уничтожить союзы рабочих; 2) создать хорошо действующий механизм для контроля; 3) ограничением права ученичества в промышленности сделать земледельческих батраков низшим слоем наемных рабочих, иными словами, значительно увеличить предложение труда (ibid., стр. 40). Как известно, рабочий статут устанавливал семилетний срок ученичества, кроме того, купцы и мастера известных ремесл могли принимать в ученье только сыновей крестьян, владеющих землей, дающей определенный минимальный доход. Вознаграждение сельско-хозяйственных рабочих и рабочих в некоторых отраслях промышленности устанавливалось ежегодно мировыми судьями, и почтенные «Догберри» так успешно выполняли свои обязанности, что Торольд Роджерс, просмотревший массу счетов, такс и т. д., нашел, что несмотря на угрожавшие

---

*) Th. Rogers, The Economic Interpretation of History, Лондон. Фишер, Унвин. 1891 г., стр. 171.

**) Может показаться странным, что, несмотря на начавшуюся в конце XV века и продолжавшуюся в течение всего XVI-го эксплуатацию земли капиталистическими арендаторами, несмотря на массовое изгнание крестьян с целью превращения пахотной земли в пастбище, в Англии все-таки существовало такое большое число крестьян и мелких арендаторов. Однако земледельческая революция протекала далеко не беспрерывно и не беспрепятственно. При Генрихе VII и его преемниках издавались всевозможные законы, имевшие целью сохранение крепкого крестьянства; и хотя эти законы перед земельной жадностью крупной аристократии оказывались обыкновенно не крепче ниток, все же они кое-где замедлили процесс. Важно однако другое обстоятельство, которому Маркс в своем «Капитале» придает значение главной причины явления. «Англия,—говорит он,—является попеременно то страной преимущественно земледельческой, то страной преимущественно скотоводческой; и в связи с этими колебаниями изменяются также и размеры крестьянского хозяйства». Маркс, «Капитал», I, изд. О. Поповой. стр. 633. Так, напр., во время религиозных войн в Нидерландах сбыт английской шерсти в эту страну понизился, а вместе с ним уменьшилось и скотоводство. Но, с другой стороны, благодаря тому же обстоятельству, ткачество распространилось в деревнях в виде домашней промышленности и, как нами было указано выше, помешало разорению занимавшихся им мелких арендаторов лэндлордами, увеличивавшими арендную плату. За ткачеством позднее последовали и другие отрасли мануфактуры.

штрафы, уплачиваемое фактически вознаграждение всегда было выше установленного судьями. Для восьми различных категорий рабочих— пять из них обученные ремесленники, а три необученные или сельскохозяйственные рабочие,--Роджерс сравнил установленные судьями и действительно уплаченные вознаграждения с 1593 до 1684 года: при этом он нашел, что в среднем первые составляли 5 шиллингов 1 пенни в неделю, а последние 6 шил. 6 пенсов, т.-е. почти на 30 процентов больше первых. «Хозяин был великодушнее судьи» (ст. 44). Нередко, вероятно, нарушение бумажного закона вызывалось железной необходимостью*).

Торольд Роджерс указывает еще на один факт из эпохи, когда закон еще применялся на практике (в XVIII столетии он сделался излишним и поэтому не применялся), и этот факт имеет особое значение для нас. Во время республики «Commonwealth», устанавливаемые судьями таксы заработной платы выше, чем до этого и после этого, при монархии. В 1651 году они были ниже фактически уплачиваемых вознаграждений на 4½ пенса, в 1655 году—только на 2¼ пенса: но как только монархия была восстановлена, судьи стали действовать попрежнему и понизили вознаграждения так, что они стали на 3 шиллинга ниже фактически уплачиваемых. «Пуритане были, может быть, строгими людьми, но у них было известное чувство долга. Кавалеры были, может быть вежливыми людьми, но у них повидимому не было иной добродетели, кроме той, которую они называли лойяльностью. Если бы в XVII веке я был деревенским жителем, то, думается мне, предпочел бы пуритан» (Роджерс. ibid., стр. 45 **).

Общие условия деревенской жизни не допускали развития сильного классового противоречия между мелким крестьянством и сельскохозяйственными поденщиками. По самому своему образу жизни и по роду труда эти классы, за исключением пролетариев, превратившихся в бродяг,

---

*) В. Каннингам утверждает в своем сочинении: The Growth of English industry and Commerce» (Кембридж 1890—92 гг.), в противоположность Роджерсу, что при Іакове I статут был изменен в том смысле, что штраф назначался только за уплату более низкого вознаграждения, чем установленное мировыми судьями. Поэтому статут со времен Іакова едва ли мог влиять неблагоприятно на заработную плату. Верно, что рабочий статут 1604 года предписывает штрафы лишь для тех, кто платит «не столько, сколько» установлено, но во введении к закону ничего не говорится о том, что эта новая формулировка должна выражать новые принципы. Наоборот, целью этого акта называется только распространение закона Елизаветы на сукощиков и т. д. и измерение правил о процедуре установления такс. Вообще же закон полностью повторяет прежние правила и поэтому писавший их вероятно считал выражение «не столько» равнозначущим с выражением «больше или меньше»; впрочем там, где были упразднены гильдии, не было инстанции, которая могла бы считать своей задачей доносить о тех случаях, когда мастера по добровольному соглашению платили больше, чем было установлено. Но там, где более высокие вознаграждения достигались путем комбинаций, можно было сослаться на гораздо более суровые наказания за эти последние.

По Каннингаму вознаграждение сельскохозяйственного рабочего в описываемую эпоху составляло обыкновенно 6 пенсов в день летом и 4 пенса зимой. Кроме того, три раза в день давалась пища, в состав которой непременно должны были входить масло, молоко, яйца или сало. Если принять во внимание разницу между стоимостью денег и общими условиями жизни тогда и теперь, то окажется что сельскохозяйственный рабочий в то время экономически был поставлен безусловно в лучшие условия, чем теперь.

**) «Пока существовала республика, все слои английской народной массы поднялись из того состояния принижения, в которое они опустились при Тюдорах» (Маркс, «Капитал», I, изд. О. Поповой, стр. 633, примеч.). Почему «известное» пуританское чувство долга, о котором говорит Роджерс, вдруг обуяло судей—об'ясняется тем, что влияние рабочего класса увеличилось, благодаря борьбе между королем и парламентом. Впрочем данные Роджерса относятся к сравнительно маленькой группе констатированных им самим примеров, которые, однако, можно считать типичными.

стояли слишком близко друг к другу, для того, чтобы среди них могли происходить иные конфликты, кроме чисто личных или случайных. Настоящее и во многих местах сильно чувствовавшееся классовое противоречие существовало только между мелкими арендаторами, мелкими крестьянами и солидарными с ними земледельческими рабочими с одной стороны, и крупными землевладельцами с другой; тем более, что последние были большею частью новейшего происхождения.

Положение дела в ремесле как в городах, так и в селах, было аналогично этому. Вопрос о заработной плате в такой степени был урегулирован законом или установленными последним таксами вознаграждения, что оставалась возможность только вступать в личные соглашения. Конфликты конечно случались, но ни одному подмастерью и в голову не приходило сомневаться в праве на существование мастеров, как «сословия». Не могли они также чувствовать себя «солидарными» с подмастерьями других ремесл. Кроме того, благодаря продолжительному сроку ученичества в главных отраслях промышленности, число подмастерьев было очень ограничено. Но к этому мы еще вернемся ниже. Более сильный антагонизм существовал зато между рабочими ремесл, развивавшихся в мануфактуры, с одной стороны, и торгующими их произведениями купцами с другой. Уже в 1555 г. ткачи жалуются, что «богатые и состоятельные торговцы сукнами всячески утесняют их», давая работу на собственных ткацких станках необученным рабочим, отдавая в наем за известную плату ткацкие станки и, кроме того, «некоторые из них платят также гораздо меньше вознаграждения за тканье и изготовление сукна, чем прежде». Так говорится во введении к «закону, касающемуся ткачей», изданному при католической Марии. Удовлетворяя цитированную выше жалобу, этот закон ограничивает число ткацких станков, которым могло владеть одно лицо, двумя в городах и одним в селах, и запрещает сдачу их в наем. Этим способом развитие мануфактуры, повидимому, довольно долгое время в значительной степени задерживалось, но в конце концов «дух времени» оказался сильнее, и неудобное предписание обходилось всевозможными путями, о чем свидетельствуют постоянно возобновляющиеся жалобы мастеров на купцов. Однако известно, что запретительные предписания этого рода в XVIII столетии повели к тому, что громадные технические революции в процессе тканья и пряденья совершились не в старой, шерстяной, а в сравнительно молодой еще хлопчатобумажной промышленности. Во всяком случае в рассматриваемую нами эпоху между ткацкими мастерами и купцами существовало весьма ощутительное, настоящее классовое противоречие. Так было и во всех остальных отраслях промышленности, в которых между производителем и потребителем становился купец. Большую ненависть к себе вызывали также продаваемые или сдаваемые на откуп нуждающимся в деньгах правительствами монополии, благодаря которым во многих отраслях промышленности цены на сырые материалы страшно возросли.

Это последнее обстоятельство приводит нас к обзору политического строя страны при вступлении на престол Карла I.

II. Политические и религиозные условия. Восстание Кета.

Мы должны теперь вернуться несколько назад. До Тюдоров Англия была феодальным государством, с более или менее сильною, смотря по обстоятельствам, центральной властью. Дворянство в 1215 году вынудило у короля Иоанна Великую Хартию (Magna Charta), запрещавшую королям взимать какие бы то ни было налоги за исключением немногих постоянных податей, без разрешения парламента, не спросившись «совета» духовных и светских лордов. Пятьдесят лет спустя, в 1265 году, Симон

де Монтфор, граф Лейчестер, чтобы еще более увеличить влияние парламента, издал от имени находившегося у него в плену короля (Генриха III) распоряжение, чтобы от каждого графства в парламент избирались два рыцаря *) и от каждого города два гражданина. Это представительство «общин» впоследствии развилось в представительное учреждение, заседающее отдельно от лордов. Короли при случае старались пользоваться им против последних. Но с другой стороны, вместе с ростом городов и возрастающим значением мелкого сельского дворянства, это представительное учреждение стало приобретать все большее влияние на королей, а также на их чиновников и советников. В общем парламент, конечно, долгое время оставался машиной, соглашающейся на отпуск денег, к которой короли прибегали, когда им нужны были деньги, и которая, при удобном случае, за свое согласие выговаривала себе всякого рода уступки. Так как суточное вознаграждение депутатам выдавалось от графств и городов, пославших их, то нередко случалось, что города вносили петиции об освобождении их от права представительства, которое только обременяло их. Самое право избрания также не было вовсе одинаково ценимой всеми привилегией. В городах им, повидимому, долгое время пользовались только старшины городских корпораций, а в графствах нередко лишь незначительное число рыцарей и крестьян из ближайших окрестностей того места, где производились выборы, происходившие публично. Причиной индифферентного отношения к выборам было то обстоятельство, что до XVI столетия еще не существовало партий в вопросах, разбираемых парламентом. Только в 1430 году, при Генрихе VI, право голосования в графствах ограничивается владельцами свободной земли, дающей не менее 40 шиллингов годового дохода, потому что «выборы представителей от графства производились последнее время большими шумными толпами неумеющих вести себя прилично людей, из которых большинство были люди с малыми доходами и незначительным положением» (Statute 8, Henry VI, cap. 7, цитировано в книге Галлама «The constitutional History of England»), что доказывает, как сильно было чувство самоуверенности в «людях с небольшими доходами». При том же короле парламент добился важного права подавать вместо петиций о законах, законопроекты. При Ричарде III парламент сделал постановление, что король не имеет права взимать никакие принудительные налоги, делать принудительные займы и принимать подарки («Benevolences»).

Но война Алой и Белой розы и войны с Францией настолько опустошили ряды дворянства и так ослабили его, что при наследнике Ричарда, «законном» короле Генрихе Тюдоре, а еще более при его сыне Генрихе VIII, парламент сделался просто безвольным орудием в руках короля. При этих королях Benevolences,—буквально —дары любви—и другие обязательства из феодальной эпохи, сильно в ходу, «займы» короля нередко об'являются недействительными, распоряжения короля получают силу законодательных актов, создаются новые государственные преступления и особенная государственая судебная палата для неудобных государственных преступников (суд «звездной палаты»); к этому присоединяется при Елизавете еще учреждение, об'явленное в 1583 году постоянным, а именно исключительная судебная палата («High Commission Court») для суда над теми, кто отрицает верховную власть короля над церковью и над церковными делами. Провозглашение верховной власти короля над церковью было венцом «реформации» Генриха VIII.

---

*) Рыцарем должен был считаться всякий, кто получал ежегодно не менее 20 фунтов стерлингов чистого дохода (при теперешней ценности денег, конечно, гораздо больше).

Оно имело целью, во-первых, положить конец вмешательству папы в английские государственные дела, а во-вторых, и это было гораздо важнее, потому что влияние папы в Англии было чрезвычайно незначительным,—превратить духовенство в орудие абсолютной королевской власти. В-третьих, после провозглашения верховного главенства, последовало разрушение монастырей и конфискация громадных состояний их, которые расточительный король в скором времени израсходовал. Весьма понятно, что такого рода реформация не пользовалась единодушным одобрением даже тех, кто вообще то был противником римской церкви, тем более, что Генрих сохранил большинство догматов и обрядов последней. Как католики, так и искренние сторонники реформации были одинаково недовольны; произошло несколько мятежей, в которых принимало особенно деятельное участие сельское население. При Генрихе VIII и его несовершеннолетнем сыне Эдуарде VI мятежи успешно подавлялись, но когда последний в 1553 году умер, победоносное восстание низвергло продолжателей реформации и возвело на престол католичку Марию.

Большая часть этих мятежей происходила в царствование Эдуарда VI, вступившего на престол в 1547 году. Так как он был несовершеннолетний, то вместо него правил сначала его дядя и опекун, герцог Сомерсетский. В июне 1549 года восстали девонширские крестьяне и потребовали возвращения к старой вере. Они заставили священников служить обедню по латыни и в конце концов направились к столице графства, к богатому Экзетеру, который и осаждали в течение нескольких недель, пока предводительствуемое лордом Росселем и состоявшее большею частью из чужеземных наемников войско не перебило их. В этом восстании обнаружилась главным образом религиозная сторона оппозиции, но зато возникшее в том же месяце восстание сельского населения Норфолька под предводительством Роберта Кета носило ясно выраженный социально-политический характер и было направлено против сельской аристократии. Кет сам был довольно состоятелен *), и мотивы, заставившие его стать во главе движения, не вполне ясны. Он два раза со своим мятежным войском брал Норвич и в своем лагере под громадным дубом открыто творил суд. Народ массами стекался к нему, но неопытные в военном деле крестьяне и рабочие не в состоянии были бороться с регулярным войском. Когда 28 августа 1549 года между повстанцами, под предводительством Кета, и правительственным войском, под начальством Джона Дуллея, графа Варвикского, дело дошло до сражения в открытом поле, повстанцы потерпели страшное поражение. Кет и его барт были взяты в плен и после чисто формального допроса—повешены, а в мятежных округах с обычным зверством был восстановлен порядок.

Как все почти восстания беднейших классов, так и это с самого начала и в течение долгого времени изображалось исключительно в том освещении, какое ему давали его победоносные враги. Главным источником «классического» историка этого движения Александра Невилля было сочинение Николая Сотертона, по собственному его признанию, ненавистного мятежникам и трусливо спрятавшегося от них норвичского гражданина, который, конечно, был заинтересован в том, чтобы изобразить все движение в самых мрачных красках **). Но несмотря на то, что его сочинение безусловно враждебно Кету и предводительствуемым им мятежным крестьянам, все же оно, помимо воли, свидетельствует об умеренности

*) Он происходил из древнего норманского рода и принадлежал к мелкому сельскому дворянству. Между прочим он был владельцем скорняжного заведения.

**) Сочинение это озаглавлено: «The commoyson (commotion— восстание) in Norfolk». Заглавие труда Невилля следующее: «De furoribus Norfolciensium Duce Ketto».

пред'явленных ими требований и об их бережном отношении к человеческой жизни. В том же роде описано восстание в «Chronicles» Голлиншеда, который также опирался преимущественно на Соттертоново сочинение. Заслуга собирания рассеенного в государственных актах, в частных и местных хрониках материала об этом восстании и правильного освещения его принадлежит появившемуся в 1859 году в Лондоне этюду Ф. В. Росселя «Восстание Кета в Норфольке». Он только составлен несколько бессвязно и в нем проглядывают мелко-буржуазные взгляды автора. Систематическое, но зато и более холодное изображение общих черт восстания и связи его с событиями того времени дано в V томе книги И. А. Фруде, «History of England from the Fall of Wolsey to the Defeat of the Spanish Armada».

Связанные с проведением «реформации» в Англии крестьянские восстания имеют такое большое значение для нашей темы, что им можно было бы отвести отдельную главу. Но мы вынуждены ограничиться при изложении восстания Кета лишь указанием на некоторые отдельные важные обстоятельства.

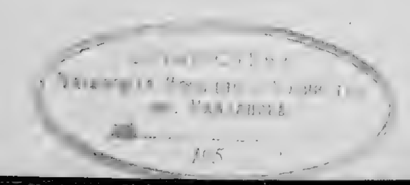
Названный по имени Кета мятеж, как мы уже говорили выше, не представлял собою единичного явления. Среди сельского населения и его друзей повсюду происходило глухое брожение, то там, то здесь обнаруживавшееся яркими вспышками. Так, в 1537 году, в то время как на севере в (Йоркшире) народ восстает за католическую веру, в Вальсингаме (Норфольк) преждевременно раскрывается заговор против дворян и главари заговорщиков подвергаются казни. Вскоре после этого государственному совету доносят, будто одна женщина, Елизавета Вуд из Эльсгама (Норфольк), сказала: «жаль, что этих вальсингамцев отрыли: ибо у нас никогда не будет хороших порядков, пока мы не соединимся и по словам песни, не

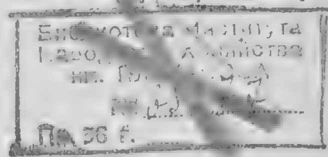
Сделаем дела при помощи дубин
И сапог с гвоздями,

ибо нам никогда не жилось хорошо, с тех пор как царствует этот король» (Генрих VIII). В отчете говорится, что она упрямая и противная (ungracious) женщина. Гораздо свирепее и ужаснее звучат слова, приписываемые некоему Джону Валькеру из Гристона, произнесенные в 1540 году *). Но крупные земельные хищники не обращали внимания на эти предостережения. Они полагались на драконовские мероприятия Генриха против всяких восстаний и продолжали изгонять крестьян, увеличивать арендную плату, присваивать себе монастырские имущества за невероятно дешевые цены и огораживать общинные земли или захватывать их под пастбища.

Сомерсет, опекун Эдуарда VI, какими бы он ни отличался вообще пороками, повидимому чувствовал известную симпатию к беднейшим классам, ибо вскоре после того, как он взял на себя опеку, суровые законы против лоллардов были отменены, и в парламент был внесен законопроект против огораживания. Однако, обе палаты и слышать ничего не

*) «Если бы три или четыре хороших парня, снабженных каждый колокольчиком, выехали ночью и кричали в каждой попутной деревушке: в Свафгам, в Свафгам! (местечко, находящееся на расстоянии около шести миль от Норвича) то на следующее утро собралось бы по крайней мере десять тысяч человек, и тогда следовало бы выступить какому-нибудь смелому парню и сказать: люди добрые! вот мы здесь собрались; вы знаете, как поступают с нами все эти господа и как мало они выказывают нам доброжелательства. Пойдемте к ним в дома; там мы найдем оружие, деньги и с'естные припасы. Тех из них, которые не присоединятся к нам, мы убьем—да, мы убьем даже детей их в колыбелях, ибо было бы очень хорошо, если бы в Норфольке было столько господ, сколько там есть белых быков». («For yt were a good thinge if ther were so manu gentylmen in Norfolk as ther by whyt bulles»).

хотели о последнем и внесение его приписывали просто желанию заслужить популярность. Впоследствии Сомерсет прямо был обвинен в том, что он своим мягким отношением поддержал восстание Кета *). Дело в том, что Сомерсет в 1548 году предписал созыв комиссии, которая должна была проверять законность всех произведенных после известного срока огораживаний, а в случае незаконности их, должна была распорядиться снесением изгородей. Сельское же население, узнав об этом распоряжении, взяло дело в свои руки и начало по своему «ревизовать» изгороди. Тогда Сомерсет—в мае 1549 года—якобы открыто сказал, что «действия народа ему чрезвычайно нравятся и корыстолюбие господ оправдывает движение» (Фруде, ibid. стр. 168). Разумеется власти везде приняли меры, но они действовали без особенной энергии, между тем как с другой стороны комиссия существовала, повидимому, только на бумаге. Вследствие этого, в течение лета 1549 года среди сельского населения происходили всевозможные тайные сборища, на которых говорились озлобленные речи против аристократов. Невилль снабжает их риторическими украшениями, но содержание их по существу вероятно не особенно отличалось от того, которое он передает.

Вот образец этих речей: «Мы не можем дольше переносить такие большие и жестокие несправедливости. Мы не можем дольше сложа руки допускать претензии аристократии и сельского дворянства; лучше нам взяться за оружие, лучше привести в движение небо и землю, чем терпеть такие ужасы. Если природа создает для них те же плоды, как и для нас, если она дала нам такую же душу и тело, то мы желали бы знать, все ли это, чего мы можем ожидать от нее. Посмотрите на них и затем взгляните на нас: разве у всех нас не одинаковое тело, разве все мы не родимся одинаковым образом? Почему же их образ жизни, их судьба совсем иные, чем наши? Мы ясно видим, что безобразия достигли крайнего предела, и решили принять крайние меры. Мы снесем изгороди и заборы, засыплем канавы, вернем общинные земли и сравняем с землей все без исключения загородки, возведенные с позорной низостью и бесчувственностью». Еще раньше говорилось: «Они высосали у нас кровь из жил и мозг из костей, общинные земли, оставленные нашими предками для пользования нам и нашим семьям, отняты у нас. Земли, которые на памяти наших отцов были открыты, теперь окружены рвами и изгородями, пастбища тщательно огорожены, так что никто не может попастать на них» (Russel, Life of Ket, стр. 23, 24).

В начале июля 1549 г. дело дошло до открытого восстания. Устроенное в честь Томаса Бекета празднество в месте жительства Кета, Уаймонтгаме, на которое собралось множество сельских жителей, было использовано для привлечения новых приверженцев, и тут же был дан сигнал к восстанию. С празднества все отправились в расположенные в окрестностях поместья одного особенно ненавистного лэнд-лорда и снесли там

---

*) В названном выше сочинении Невилль повторяет эти обвинения. «Лорд протектор в то время жестоким обращением со своим братом вызвал враждебные отношения со стороны простого народа. Чтобы вернуть себе его расположение, он в начале мая выпустил прокламацию, в которой говорилось, что все лица, огородившие землю, принадлежавшую раньше общинам, должны были к известному дню уничтожить изгороди, под угрозой известного штрафа за невыполнение указа. Благодаря этому простонародье во многих частях государства до того осмелилось, что не дожидаясь установленного прокламацией срока, стало сходиться на мятежные сборища, вырывало колья, раскапывало земляные валы, засыпало канавы и таким образом привело загороженную в последнее время землю в такой вид, какой она имела прежде». (Стр. 1 опубликованного в 1750 году в Норвиче английского издания). Очень сомнительно, чтобы «простонародье» стало заботиться о судьбе честолюбивого брата Сомерсета, Сеймура.

изгороди; когда питавший за что-то злобу против Кета, благородный дворянин увидел, что всякое противодействие будет бесплодно, он предложил мятежникам денег, если они снесут изгороди также и у Кета. Они конечно охотно согласились на это, но когда они пришли к Кету и на его вопрос: что им нужно? сказали, что хотят у него, как и всюду, снести изгороди, он будто бы ответил им, что это справедливо и что он не только не станет противодействовать им, но наоборот первый примется за дело. Но для того, чтобы они могли довести свое дело до благополучного конца,—говорил он,—они должны организоваться и выбрать себе вождя. Если они желают,—добавил он,—то он готов встать во главе их. После недолгих совещаний они приняли его предложение, и энергичный, очень талантливый, несомненно честный человек, с помощью своего брата Вильяма, сделал все от него зависящее, чтобы превратить беспорядочную толпу в способное к борьбе и противодействию мятежное войско. На холме, под Норвичем—«Mousehold Hill»—он разбил свой лагерь, куда вскоре собралось свыше 10.000 человек, да и впоследствии не переставали стекаться все новые люди. Под громадным дубом, окрещенным им *дубом реформ*, он держал совет и творил суд. Он делал распоряжения, какие именно изгороди должны быть снесены, рассылал «от имени короля» вызовы в суд, приказывал производить реквизиции и т. д., и т. д. Затем он составил петицию на имя правительства, в которой перечислял жалобы и требования сельского населения, и заставил подписать ее норвичского мэра и его предшественника.

Требования эти в общем очень умерены и в них нет никаких следов коммунизма. Кроме жалоб на огораживанье общинных земель, они содержат протест против целого ряда феодальных злоупотреблений, против повышения арендной платы и т. д. Последняя должна была быть ограничена законом теми размерами, какие она имела в первый год царствования Генриха VII. Замечательно требование, *чтобы священникам было запрещено покупать землю*, потому что оно опровергает поднятое тогда против священников обвинение, будто они затеяли восстание *). Кет, повидимому, вообще считал религию частным делом каждого. Он позаботился о привлечении священников, совершавших в лагере богослужения, но позволял проповедывать кроме них и другим. Этим правом, между прочим, воспользовался некий Матью Паркер, сделавшийся впоследствии архиепископом Кентерберийским. Под дубом реформ позволялось также говорить всяким людям как друзьям, так и противникам восстания.

К числу первых принадлежало несколько почетных граждан Норвича, из которых, впрочем, большинство впоследствии либо вели себя очень двусмысленно, либо прямо оказались изменниками. Таким был в особенности подписавший петицию Т. Альдрих. Но зато полную симпатию повстанцам выказывали на словах и на деле *мелкие ремес-*

*) Католический историк *Лингард* поддерживает это обвинение в том смысле, что причиной этого восстания, так же как и девонширского, считает стремление восстановить старую (католическую) церковь. Что жадности к деньгам новых ленд-лордов противопоставляется относительная снисходительность монастырских управлений,—это совершенно верно; но вообще то в этом восстании гораздо большую роль, чем католические симпатии, играло влияние лоллардских и анабаптистских учений. «Посмотрите внимательно, есть ли у вас в стране закон и религия,—писал член государственного совета, *сер Вильям Паджет*, Сомерсету 7 июля.—Боюсь, что вы не найдете ни того, ни другого. Культ старой религии запрещен законом, а культ новой в 11/12 империи еще не внедрился в души, хотя люди изо всех сил стараются выполнять его внешним образом, чтобы поправиться тем, в чьих руках находится власть». Ссылаясь на пример германской крестьянской войны, Паджет, один из известнейших расхитителей церковного имущества, настаивал на быстром подавлении восстания.

леңники и рабочие Норвича. Они предупредили многие мероприятия городских властей против мятежников и при столкновениях не раз оказывали им серьезную помощь *).

Мы не можем говорить здесь о подробностях борьбы, о победоносном отражении мятежниками первого посланного против них под предводительством графа Нортгамптона войска. Первого посланного к ним лордом протектором герольда, обещавшего при добровольном подчинении рассмотрение жалоб и помилование королем преступивших закон, Кет отослал назад, сказав ему, что короли милуют преступников, а не невинных и справедливых людей. Они (крестьяне и их вожди) не заслужили никакого наказания. Кет не хотел слагать оружия, пока не будут сделаны известные определенные уступки, потому что он отлично знал цену обещаниям, выраженным в общей форме. Но если бы даже сам Сомерсет был согласен сделать такие уступки, этого не допустили бы остальные власть имущие. Все настаивали на энергичном подавлении восстания и в конце концов ему, как было уже сказано выше, 26 августа был нанесен решительный удар военной силой. Немецкие ландскнехты,—признаемся в этом с прискорбием,—нанесли мятежникам поражение. Кет в последнюю минуту проявил будто бы трусость, но бегство его, когда он увидел, что сражение проиграно, простительно. Повидимому он уже раньше оценил превосходство войск Варвика и, по предложению последнего, был готов вступить с ним в переговоры, но одна из частных во всемирной истории неприятных случайностей помешала этому.

В качестве «народного судьи» Кет проявил необычную для того времени мягкость. Хотя о насилиях творящихся в лагере Кета, говорилось очень много, но никто из обвиняющих его не называет имени ни одного пленника или заложника, убитого подчиненными Кета. Все пленники и заложники, названные по имени, целыми и невредимыми вернулись домой, а Кет и его брат, в качестве мятежников и изменников, были подвергнуты жестокой и позорной казни. 7 декабря, — Сомерсет в это время уже пал и очутился в Тоуэре,—Кет, за несколько дней до этого перевезенный на телеге для преступников из Лондона, где его подвергли допросу, в Норвич, был повешен на одной из высоких башен города и должен был висеть там «пока тело не упадет само собой». Тем не менее народ вспоминал его с уважением, и государственному совету постоянно доносили о проявлениях этого уважения **.)

После решительного сражения Варвик еще две недели оставался в Норвиче и творил суд над пленными крестьянами. Несмотря на всю свою жестокость, он показался лэнд-лордам недостаточно кровожадным. Они требовали все более жертв ***), так что, наконец, Варвик стал убеждать их быть умереннее. Если убийства будут продолжаться,—говорил он этим господам,—вам придется скоро самим итти за плугом. Этот аргумент подействовал. Так рассказывают противники — враги мятежников. Эксплуататоры-победители всех стран удивительно похожи друг на друга; повсюду они проявляют одно и то же зверство.

---

*) Впоследствии городские власти оправдывали свою временную уступчивость по отношению к мятежникам указанием на безвыходное положение, в какое они были поставлены решительным поведением беднейших классов города. (Подробнее об этом см. книгу Blomenfeld'a History of Norfolk).

**) Потомки Кэта, повидимому, не были недостойны его .Сын его предупреждает заговор против эмигрировавших из Голландии беглецов; один из его внуков, Френсис Кет, Master of Arts, в 1588 году умирает на костре, как еретик, а когда в следующем столетии квакерство, представлявшее собою в то время радикальное движение, пустило корни в Уаймонтгаме, Вествуд-Чапель, собственность семьи Кет, делается домом для собраний «друзей».

***)У них вырезывали внутренности и сжигали их у них же перед глазами.

Сомерсет был обезглавлен 22 января 1552 года. Варвик, сделавшийся после него лордом-протектором и заставивший назначить себя герцогом Нортумберлендским, уже в следующем году кончил свою жизнь также на эшафоте, после того как народ возвел на престол католичку Марию. Однако весь ход дел в царствование последней показывал, что целью народного восстания вовсе не была церковно-католическая реакционная политика. Предпринятые при Марии кровавые меры против всех некатоликов-еретиков повели только к тому, что различные движения протестантского характера сблизились, так что после смерти Марии, последовавшей уже в 1558 году, дело католичества было настолько же непопулярным, насколько оно было популярным в 1553 году.

При Елизавете (1558—1603 г.г.) правительство снова принялось за реформацию и формально довело ее до конца, при чем дело снова не обошлось без мятежей. Их однако подавляли жестокими кровавыми мероприятиями, и со стороны католиков противодействие было окончательно сломлено, но зато все больше организовывалось и укреплялось протестантское движение,—оппозиция «пуритан» против новой государственной церкви.

Кто были пуритане? («Purits» или «Puritans» от pure—чистый). Этим именем обозначается не определенная церковная секта, а целое религиозно-социальное течение. Это имя являлось собирательным прежде всего для тех, по мнению кого реформация пошла не достаточно далеко в смысле о ч и щ е н и я ц е р к в и от римских обычаев и римских установлений, а затем и для тех, которые с требованием очищения религии соединяли требование очищения о б ы ч а е в о б щ е с т в е н н о й жизни. Впоследствии под этим же именем проявилось и политическое течение, оппозиция против абсолютизма в государстве и церкви. Пуританизм не был движением отдельного класса; у него были последователи в высшем и низшем дворянстве, в духовенстве, буржуазии, среди ремесленников и крестьян. В качестве социального или нравственного движения он соответствовал духу своего времени, когда под влиянием усиливавшихся мировых сношений промышленная жизнь становилась все менее обеспеченной, когда все больше развивалась страсть, а подчас и необходимость собирать, «сберегать» д е н ь г и—средство обмена par excellence. Характерным признаком производства для собственного потребления является правило: сегодня нужда, завтра изобилие. Первая переносится, худо ли, хорошо ли, но терпеливо, как нечто неизбежное, как «закон природы»; вторым наслаждаются радостно, безудержно. Но с распространением торговли и денежного обращения, избыток, который не может быть потреблен на месте, можно использовать другим образом, превратить его в д е н ь г и, а деньги не ржавеют. Потреблять больше чем нужно, потреблять то, что может быть превращено в деньги и сохранено в таком виде, теперь начинает казаться грехом, неразумием. Таким образом бережливость, воздержность делается социальной добродетелью. Священники лоллардов проповедывали христианский аскетизм, как возвращение к древнему христианству, аскетические учения которого явились реакцией против безумной роскоши упадочной римской аристократии. Крестьяне и ремесленники жадно воспринимали более или менее коммунистические проповеди лоллардов, нашедших очень влиятельного, хотя и временного защитника и вдохновителя в Иоанне Виклефе *), потому

---

*) Сочинение В и к л е ф а «De dominio civili» заключает в себе толкование евангелия в очень коммунистическом духе, также как и другое его сочинение «De domino divino». В «English Historical Review» (часть VI, стр. 762 и след.) говорится, что их характеризует «их глубоко укоренившийся коммунизм и антагонизм ко всякому обществу». Но это очень неверное изображение вещей. Если, напр., Виклеф, соглашаясь со своим предшественником, архиепископом Ричардом

что эти проповеди соответствовали их озлоблению и их борьбе с аристократами в государстве и церкви. Но от коммунизма они были также далеки, как и их противники. «Боллард, — пишет Торольд Роджерс,—несомненно, также как и пуританин, появившийся два века спустя, был сдержанным, скучным, упрямым, малоподвижным человеком. Но он копил деньги и накоплял их тем больше, что не хотел давать ни гроша священникам, или монахам, или торговцам отпущениями» (ibid., стр. 79 и 80). Все историки признают, что лоллардизм, о возникновении которого мы не будем говорить здесь подробно *), никогда не исчезал в Англии и что он постоянно существовал, главным образом, в восточных провинциях, среди ткачей. Не следует однако думать, что ткачам и мелкому крестьянству, почитавшим евангелие лоллардов, все время жилось плохо. Наоборот, в XV и XVI столетиях Норфольк, где движение было сильнее всего, принадлежал, как доказывают различные податные реестры, к числу богатейших графств Англии, хотя природа и не одарила его особыми богатствами. Констатирующий это Торольд Роджерс приписывает бережливость населения влиянию проповедей ведущих тайную агитацию священников лоллардов. Однако, будет, пожалуй, вернее предположить, что наоборот, евангелие бережливости среди этого населения имело успех, потому что соответствовало всему положению дел **). В приморских областях, где торговля и вообще сношения с заграницей были наиболее оживлены, деньги должны были цениться более всего; там наиболее ярко должно было обнаружиться стремление к наживе, и таким образом воображаемый «коммунист» сделался «собирателем сокровищ». Этим я конечно не хочу сказать, что каждый крестьянин или ткач, сделавшийся последователем лоллардизма, делался также капиталистом. Мы говорим здесь только о тенденции, а тенденции этих классов могли быть только буржуазными, хотя они вполне искренно могли мечтать о коммунистическом царстве божием и хотя они несомненно представляли собой ядро, цвет тогдашних трудящихся классов. С соответствующими изменениями и к ним можно применить слова «Коммунистического манифеста»: «Первые попытки пролетариата, имевшие непосредственной целью доставить торжество его классовым интересам, были произведены в период общего возбуждения, в период крушения феодального общества; они неизбежно должны были потерпеть фиаско, с одной стороны—вследствие крайне низкой степени развития самого пролетариата, с другой—вследствие отсутствия материальных условий его освобождения,—условий, которые могли быть созданы только в бур-

---

Фиц-Ральфом Армагом (четыре части его рассуждения о бедности Христа приложены к новому изданию цитированной нами Виклефовой книги), говорит, что источником собственности является грех, то это и все подобные ему рассуждения на практике направлены только против собственности монастырей и живущего эксплуатацией духовенства. То же можно сказать о его рассуждении, будто право на господство люди теряют благодаря грехам. О церковных и политических взглядах Виклефа см. V главу, III отдела, I части этой книги (стр. 195 и след.). Мы еще не были знакомы с этой главой при составлении настоящего труда. Замечательно, что найденный когда-то в венском государственном архиве экземпляр второго из названных сочинений Виклефа представляет из себя список, изготовленный богемскими еретиками, и что отдельные части, из которых состоит этот список, все помечены известными центрами лоллардского движения. Их подлинность доказывается современными им политическими сочинениями, направленными против них.

*) Эта тема уже использована Карлом Каутским в упомянутой выше главе.

**) Сравни с этим рассуждение Каутского на стран. 249, I т. Сходство этого и других мест, где автору предлагаемого труда приходилось говорить о явлениях, которые уже были изложены Каутским в I части этой книги, с рассуждениями последнего, об'ясняется одинаковостью применявшегося нами метода изучения истории.

жуазную эпоху. Революционная литература, сопутствовавшая этим первым движениям пролетариата, по необходимости носила реакционный характер. Она проповедывала общий аскетизм и равенство в самой грубой его форме». (К. Маркс и Фр. Энгельс. Буржуазия, пролетариат и коммунизм. Изд. Алексеевой, стр. 43).

По выражению одного английского писателя, лоллардизм был периодом детства пуританизма». (W. F. Collier, The History of England стр. 282). Более широкому распространению аскетической доктрины лоллардов не мало содействовали условия, сопровождавшие введение английской реформации и самые методы осуществления ее. Всякий не принадлежавший к римской церкви и в то же время относившийся враждебно к централистически-абсолютистскому режиму в государстве и церкви, после насильственного подавления всех вооруженных восстаний, неизбежно должен был притти к внутреннему религиозному углублению, к нравственному усовершенствованию. Таким путем должны были пойти даже члены тех классов, социальные условия жизни которых вообще не соответствовали аскетизму. Впрочем последний понимался всеми классами вовсе неодинаково и в нем вообще не видели евангелия голода. Аскетизм выражался в отказе от известных увеселений и прежде всего от нарушения святости субботы, от некоторых внешних обрядов богослужения и т. д. Народ с жадностью воспринимал кальвинистское евангелие, принесенное в Англию бежевшими от преследований католической Марии и вернувшимися после ее смерти англичанами и переселившимися из Голландии в царствование Елизаветы эмигрантами. Своим учением о благодати, по которому каждый просветившийся был избранным, предназначенным для блаженства воином господним,--о предопределении, об участии мирян в делах церкви, кальвинизм сильно питал дух оппозиции среди недовольных *). Наряду с этим, повидимому, в низших классах народа, среди ремесленников, рабочих и т.д. шла очевидно никогда не прекращавшаяся анабаптистская пропаганда. Так, напр., в 1575 году в Альдгате, тогда предместье Лондона, был открыт тайный союз баптистов, в 1580 году—союз фамилистов, родственной анабаптистам секты, появившейся также из Голландии.

При Елизавете, правда, пуританизм и родственные ему секты могли вербовать сторонников только тайком; правительство Елизаветы действовало так успешно, оно было так сильно и, можно даже сказать, разумно, что не могло вызвать всеобщего неудовольствия, настолько сильного, чтобы заставить массу населения стать под знамя сектантов.

*) Кальвинизм (названный так по Жану Кальвину или Кольвину, очень даровитому и отличавшемуся сильным характером французу, жившему с 1509 до 1564 года. Деятельность его протекала в Женеве, с коротким перерывом, с 1536 г. до его смерти) из всех так называемых реформированных церквей наиболее соответствовал стремлениям и потребностям окрепшей городской буржуазии и буржуазного землевладения. У Кальвина церковь поставлена рядом с государством, но в ней очень силен мирской элемент, и строгая церковная нравственность блюдется классом, из которого набирается мирской элемент церкви. Этим классом была, по самому положению вещей и по воле Кальвина, как в городах, так и в селах, широкая масса имущих. На своей родине, в Женеве, кальвинизм был проведен на практике республиканским (враждебным Пьемонту) крылом городской аристократии, крайне решительно подавлявшей все, что пыталось ей сопротивляться как с правой, так и с левой стороны. В Германии же и в Англии анти-папским движением овладел абсолютизм или, где ему это не удавалось, пользовался плодами этого движения. Где имущие классы были достаточно сильны для того, чтобы сопротивляться абсолютизму, там они, естественно, стали смотреть на Женеву, как на образцовое государство, где была восстановлена истинная религия. Поэтому кальвинизм быстро распространился в Нидерландах, где вражда к испанскому господству об'единила буржуазную аристократию с крупными патрицианскими родами. При аналогичных же условиях (только буржуазия была там менее развита) кальвинизм распространился в Богемии и Венгрии. Под его знаменем собирались протестантские промышленники и земле-

Но зато еще в ее царствование произошло отделение секты «сепаратистов» или «броунистов»—по их первому главе, священнику и учителю, Роберту Броуну, от кальвинистов. Между тем как последние желали государственно-организованной или централизованной церкви, в которой мирской элемент должен был фигурировать в общинах и церковных собраниях (синодах) в виде выборных представителей, старейших или пресвитеров,—почему они и названы были пресвитерианами,—Броун общины (конгрегации) благочестивых («godlu»). Еще решительнее решительно выступил сторонником полной независимости каждой Броуна настаивали на этом его преемники. Не подлежит никакому сомнению, что Броун, проживший год среди голландских беглецов в Норфольке, и в последствии довольно долго в самой Голландии, находился под влиянием анабаптистов, и «броунизм» вероятно с самого начала был сильно перемешан с политически-демократическими тенденциями *). Во всяком случае из него развилась религия политически-радикальных элементов, которые, соответственно своему требованию независимости для каждой общины, называли себя индепендентами. Впоследствии этим же именем обозначалась также политическая партия. Секта

владельцы Франции, а также английские протестанты. Политическое вероисповедание Кальвина исключало как абсолютизм, так и плебейскую демократию, но между этими двумя крайностями оно оставляло широкое поле компромиссу. Поэтому-то могли возникнуть весьма различные оттенки кальвинизма, поэтому же они могли идти под одним знаменем, пока все находились в оппозиции.

О значении кальвинистской, т.-е. с особенной последовательностью подчеркиваемой Кальвином догмы о благодати, для буржуазного класса той эпохи, Энгельс пишет: «Догма его была приноровлена к взглядам самых смелых из современных ему буржуа. Его «благодать» была религиозным выражением того факта, что в мире торговли и конкуренции успех или банкротство зависят не от деятельности или счастья отдельного лица, но от обстоятельств, над которыми это лицо не властно. «Не от чьей либо воли или деятельности все зависит, а от милости» высших, но неизвестных экономических сил. Это было особенно верно в эпоху экономического переворота, когда все старые торговые пути и центры были вытеснены новыми, когда были открыты миру Америка и Индия, когда даже самые древние и почтенные члены экономического символа веры—ценность золота и серебра—стали колебаться и давать трещины. К тому же устройство, данное Кальвином церкви, было насквозь демократичным и республиканским. Но там, где царство божие делается республиканским, могут ли царства мира сего оставаться в подчинении у королей, епископов и феодальных господ? Немецкое лютеранство сделалось послушным орудием в руках мелких немецких князей, кальвинизм же, напротив, основал в Голландии республику и создал сильные республиканские партии в Англии и особенно в Шотландии.

«В кальвинизме второе крупное восстание буржуазии нашло для себя готовую теорию борьбы. Восстание, о котором мы говорим, произошло в Англии; его начала городская буржуазия, а среднее крестьянство (yeomanry) добилось его победы. Странное дело: во всех трех больших буржуазных революциях крестьяне составляли боевую армию и именно крестьянство представляет собой тот класс, который, победив, больше всего разоряется от экономических последствий своей победы. Через сто лет после Кромвеля среднее крестьянство Англии совершенно почти исчезло. Во всяком случае только благодаря вмешательству этого крестьянства и плебейского элемента городов дело борьбы было тогда доведено до конца, и Карл I попал на эшафот. Но для того, чтобы буржуазия положила себе в карман те плоды, которые тогда созрели, было необходимо, чтобы революция пошла гораздо дальше своей первоначальной цели, совсем как в 1793 году во Франции и в 1848 году в Германии. Таков, повидимому, и в самом деле один из законов развития буржуазного общества».(Fr. Engels, Veber Historischen Materialismus, «Neue Zeit», 1892—93 г., т. I, стр. 43, 44).

*) Броун, отличавшийся весьма пылким характером, мог похвастаться знакомством с 32 тюрьмами. В некоторых из них было до такой степени темно, что он даже среди дня не мог разглядеть своей руки. Только благодаря родству с разными аристократами (между прочим с могущественным лордом казначейства Бурлеем) он избегнул худшего. Продолжатели его пропаганды, развившие дальше его доктрину, Барроу, Гринвуд и проч., умерли мученической смертью, но сам он перед концом жизни примирился с государственной церковью.

начала свою деятельность пропагандой возвращения к древнему христианству, и восстановления царствия Христа на земле. Каждая община признает только одного главу, Христа, наполняющего и освещающего сердца ее членов; для сохранения согласия в общине «святых» достаточно одного духовного влияния Христа, который делает излишним всякое внешнее принуждение—организованную кальвинистами церковную дисциплину. Индепенденты отвергают касту священников и главным образом всякую церковную иерархию. «Другая секта, или, лучше сказать, фракция,—говорится в сочинении индепендента Барроу: «Краткое разоблачение ложной церкви» о пресвитерианах кальвинистах, а именно эти реформисты, дают народу немного свободы, чтобы помазать его медом по губам и заставить поверить, будто он сам выбирает своих священников. Но даже при этих так называемых «выборах» они обманывают и надувают народ, оставляя только пустое название выборов и предписывая людям подавать голос за какого-нибудь университетского писаку. питомца их собственного заведения для высиживания умников. Когда же выборы производятся не по предписанию, они сейчас же созывают синод и об'являют выборы, каковы бы они ни были на самом деле, не действительными». (Цитировано по Benjamin Hanbury, Historical Memorials relating to the Independents, Лондон 1839). Не особенно ошибется тот, кто в этих словах найдет родство с анархизмом наших дней. Вся литература первых индепендентов носит анархистский характер, а в одном сочинении епископа Галля Экзетерского «Путь к истине», датированном 1622 годом, их называют даже: «эта анархистская фракция индепендетских общин»; но их «анархизм» относится только к религии и только к последователям христианского евангелия. Между тем как в государственной церкви эта последняя является органом государства. а иногда, смотря по обстоятельствам, и орудием его, между тем как в пресвитерианстве государство должно быть орудием церкви, исполнительным органом состоящего из мирян и священников церковного синода, учение индепендентов является предшественником доктрины отделения церкви от государства, провозглашением ограничивающегося вначале только последователями христианства требования автономности общины в религиозных вопросах.

При Иакове I, вступившем на английский престол после смерти Елизаветы в 1603 году, оппозиционные течения как в государстве, так и в церкви получили обильную пищу. Парламент с самого начала обнаружил строптивость по отношению к сыну Марии Стюарт, который был более шотландцем, чем англичанином, но власть Иакова была достаточно сильна для того, чтобы игнорировать иногда постановления парламента, однако она не была в состоянии заглушить его голос и помешать распространению в Англии крайне неприятного Иакову пуританизма, который в Шотландии был уже очень силен и очень тревожил короля. Уже в первом парламенте, созванном Иаковом, заседало много пуритан, и хотя этот парламент по обычаю вотировал королю пожизненный доход от пошлин (Tonnage and poundage), он, не входя в рассмотрение дальнейших предложений, касающихся содержания короля, стал требовать себе права проверять мандаты и выборы своих членов, вопреки некоторым мероприятиям короля. С того времени конфликты между королем и парламентом не прекращались, и хотя последний не пытался насильственно противодействовать незаконным деяниям короля, все же он не дал запугать себя ни угрозами, ни арестами парламентских лидеров. Парламент не раз энергично протестовал против нарушения своих прав и один из этих протестов настолько озлобил короля, что он в декабре 1621 года собственноручно вырвал из протокольной книги Палаты Общин лист, на котором

был написан этот протест. Затем он распустил парламент и велел арестовать некоторых членов его, между прочим Джона Пима, представителя Тавистока, впоследствии вождя оппозиции против Карла I. Другим членом тогдашней оппозиции в парламенте был Томас Вентворт, представитель графства Иорк, сделавшийся впоследствии, под именем лорда Страффорда, первым государственным советником Карла I и, по иронии судьбы, умершего на эшафоте за сына Иакова.

Последний всевозможными способами старался добыть себе денег: путем принудительных займов, торговлей титулами и чинами, продажей монополий. Последний парламент, созванный им, когда в 1624 году началась война с Испанией, вотировал, правда, средства для ведения войны, но в то же время добился того, что монополии были признаны незаконными; кроме того, он обвинил секретаря казначейства Иакова, графа Мидльсекса, во взяточничестве и Мидльсекс был осужден. В 1625 году Иаков умер и оставил своему сыну, Карлу, государство в крайне расстроенном состоянии.

III. Утопия государственного канцлера Бэкона.

Через год после смерти Иакова умер бывший его государственный канцлер, Френсис Бэкон, барон Веруламский, виконт Сент-Альбан. Бэкон в 1621 году по предложению парламента был обвинен во взяточничестве и подкупности и присужден к высокому денежному штрафу и тюремному заключению на срок, «какой угодно будет королю». Но последний, после двухдневного заключения, помиловал его. Лишенный своих должностей, знаменитый ученый посвятил себя литературной деятельности и научным опытам. Среди оставленных им бумаг нашелся написанный по-латыни отрывок утопии: «Nova Atlantis» Хотя она имеет очень мало общего с социализмом, все же не безинтересно узнать, каков был спустя сто лет после появления «Утопии» общественный идеал этого просвещенного философа имущих классов.

Заглавие сочинения намекает на мифическую Атлантиду древних, о которой говорит Платон в «Тимее» и, подобно тому, как легенда о большом континенте по ту сторону Геркулесовских Столбов наводит на мысль, будто древние знали о существовании Америки, так и бэконову «новую Атлантиду» истолковывали в смысле указания на австралийский континент. Однако описание его плохо соответствует действительности; впрочем о существовании материка между Африкой и Южной Америкой вообще уже догадывались.

«Новая Атлантида», поскольку Бэкон разработал ее, является скорее утопией научной деятельности и техники, нежели социальной утопией. В первом отношении она не безинтересна постольку, поскольку в ней заключаются фантазии в области технологии мыслителя, стоявшего на вершине современных ему знаний, но самые эти фантазии теперь, конечно, уже устарели. Что же касается социальной утопии, то сохранившиеся в «Новой Атлантиде» отрывочные сведения о ней не заставляют особенно жалеть о том, что сочинение это имеется только в виде фрагмента. Несмотря на то, что автор постоянно прибегает к помощи сверхестественного и чудесного, рассказ ужасно прозаичен и мелочен. Самая утопия нигде не выходит за пределы ближайшей действительности, нигде не достигает смелого размаха «Утопии» Мора. Общество в «Бенсалиме»— так называют Новую Атлантиду ее жители, — по своей структуре, насколько это явствует из рассказа, мало отличается от европейского общества XVII столетия. В нем существует собственность, различие в состояниях, классы, священники, чиновная иерархия и король, который необычайно мудр, но правит, повидимому, самодержавно. Единственное от-

личие представляет орден ученых, усиленно занимающийся промышленными экспериментами. Институт этого ордена, носящий название «Дом царя Соломона», является при этом и рассадником всевозможных полезных знаний, а в описании учреждений, приспособлений и изобретений дома, которое делает один из «отцов» ордена, дается научная утопия Бэкона. Орден считается многими первообразом возникавшего тогда франмассонства. Но он описан так поверхностно, что может изображать собой все что угодно. Имя Соломона намекает на Иакова I, которого льстецы сравнивали с царем иудейским.

Семейное празднество, на котором присутствует рассказывающий о Новой Атлантиде, показывает, что семья покоится на тех же основаниях, как и в Англии в эпоху Бэкона; она только несколько идеализирована в патриархальном духе, и кроме того мы узнаем, что в Бенсалиме царит строгое единобрачие и высшее целомудрие. Браки, заключенные без согласия родителей, не об'являются правда недействительными, но рождающиеся от таких браков дети получают не больше одной трети наследства своих родителей. Прекрасный пример буржуазной респектабельности той эпохи! Для удовлетворения этой респектабельности, к Мору вносятся поправки. «В книге одного из ваших, говорит рассказчику еврей (в Бенсалиме царит религиозная терпимость), я прочел о вымышленном обществе, в котором желающим вступать в брак разрешается видеть предварительно друг друга нагими. В них (жителях Атлантиды) этот обычай вызывает отвращение. Отказ после такого интимного знакомства друг с другом они считают издевательством. У них есть другой, более цивилизованный способ („a more civil way“,— говорится в оригинале) открывать различные скрытые физические недостатки у мужчин и женщин». Друг или родственник каждой из двух заинтересованных сторон могут видеть жениха и невесту, когда они купаются». Какой прогресс в сравнении с варваром Мором!

Более высокого качества замечания Бэкона о проституции, хотя рекомендуемое им средство против нее—безусловно запрещение проституции и строгое единобрачие, показывают только бессилие буржуазного моралиста. Мы приведем здесь несколько отрывков, бросающих свет на нравы и обычаи той эпохи.

«Знай же, что у них нет домов терпимости, ни проституток, ни чего либо подобного. Более того: они с отвращением думают о вас, европейцах, и удивляются, что вы позволяете подобные вещи. Они говорят, что вы лишили брак смысла, ибо брак установлен, как средство против незаконных половых наслаждений, а естественное стремление к половым наслаждениям является стимулом к заключению брака. Но когда у мужчин есть в руках средство, более соответствующее их извращенным склонностям, брак становится им не нужен. Поэтому-то у вас так бесконечно много мужчин, которые не женятся, а предпочитают оставаться холостяками и вести распутную и нечистую жизнь вместо того, чтобы взять на себя иго брака. Многие из тех, которые вступают в брак, женятся поздно, когда уже пройдет расцвет их силы (Бэкон сам женился только в 45 лет); а когда они наконец женятся, для них брак является простой сделкой, путем которой стараются приобрести себе связи, хорошее состояние или почетное положение. С этим бывает связано вялое желание иметь потомство. Похоже ли это на искренний брачный союз мужчины и женщины, как он был установлен первоначально?.. Пребывание в домах терпимости или в местностях, где процветает распутство (Европе) женатым воспрещается также мало, как и холостякам, а извращенная привычка к разнообразию и наслаждение лежать в об'ятьях блудниц (превративших грех в искусство) делают брак скучным ярмом, чем-то в роде повинности или принуждения. Они слышали, что вы оправ-

дываете все это тем, что это якобы предупреждает худшее зло, напр., прелюбодеяние, лишение молодых девушек невинности, противоестественные пороки и т. д. Но они говорят, что это глупое мудрствование и сравнивают это с жертвой Лота, который, чтобы избавить своих гостей от оскорблений, отдал дочерей, даже более того: они говорят, что ваше попустительство вовсе не достигает цели, ибо все пороки и вожделения не исчезают, а наоборот распространяются. Недозволенные наслаждения подобны растопленной печи: если ее закрыть—огонь погаснет, но стоит только впустить воздуха и он снова разгорится с бешеной силой. Что же касается педерастии, то у них нет и тени ее, а между тем нигде в мире нельзя встретить такой искренней и преданной дружбы, как у них... У них существует поговорка, что нецеломудренный человек не может сам уважать себя. При этом они полагают, что главной уздой всех пороков, на ряду с религией, является самоуважение»...

В «Новой Атлантиде» усердного защитника реалистически-индуктивного метода, Бэкона, религия играет гораздо более значительную и заметную роль, чем в «Утопии» католика Мора. Евангелие возвещено гражданам Бенсалима не людьми, а сверхестественным образом, благодаря чуду. Но вовсе не чудо это выдвигание религии на первый план Бэконом; подчеркиванье религии было вполне естественно в то время, когда церковная жизнь сама по себе перестала существовать, когда она стала просто делом п р и л и ч и я, хорошего тона порядочного общества. Утопия Бэкона носит чисто буржуазный характер; это заветная мечта буржуазного до мозга костей идеолога. Эта утопия представляет собой тщательно очищенную от всяких некрасивых пятен, искажавших ее в действительности, но в общем по возможности точную копию существовавшего в эпоху Бэкона общества; ее девиз: никаких переворотов, никаких непрактичных предложений.

Только в одном отношении Бэкон дает полную волю своей фантазии: богатство Новой Атлантиды, масса находящихся в ее распоряжении средств потребления достигают громадных размеров. В доме царя Соломона не философствуют ради философии только; там делаются опыты, расчеты, там п р о и з в о д я т. Утопия Бэкона, сообразно тенденциям самых просвещенных умов буржуазии той эпохи, является у т о п и е й п р о и з в о д с т в а. Но способы производства и потребления по существу своему не меняются. «Целью нашего учреждения является познание причин и тайных двигательных сил вещей, а также расширение границ царства человека с целью достижения всего возможного». Так начинается описание дома Соломонова. В эпоху открытий Бэкон является провозвестником эпохи изобретений. Это уже само по себе составляет немаловажную заслугу, но это суживает горизонт и делает лейт-мотивом непосредственую пользу. Отсюда изумительное убожество мысли в организации общества как целого. Утопия Бэкона показывает, какой силы достиг в его эпоху буржуазный образ мыслей. Она показывает, каков «идеал» буржуазной ограниченности.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ КАРЛА I, МОЛОДОСТЬ ДЖОНА ЛИЛЬБУРНА И НАЧАЛО ПРЕСЛЕДОВАНИЙ ЕГО.

В рамки настоящего труда не входит подробное изложение исторических событий, предшествовавших английской революции, а также и самого хода последней. Однако, всякое движение может быть понято только в связи с сопутствующими ему событиями, из изучения зависимости его от последних и причинной связи между ними. Поэтому-то, и потому что

история английской революции мало известна среди немецкого рабочего класса, мы считаем нужным дать здесь хотя бы беглый очерк по крайней мере тех ее сторон, которые находятся в непосредственной связи с нашей темой. Так как движение левеллеров представляет собой центр наиболее радикальных течений в революции и так как это движение, в свою очередь, как мы уже указывали во введении, группировалось вокруг личности Джона Лильбурна, то наше изложение будет тесно связано с биографией этого удивительного человека, тем более, что в личной судьбе Лильбурна, до известного периода, отражаются главные фазисы всей вообще революции.

Джон Лильбурн родился около 1615 года (по некоторым сведениям в 1617 году) в Гринвиче, вблизи Лондона. Отец его, Ричард Лильбурн, принадлежал к английской джентри, к классу, состоявшему преимущественно из зажиточных не-феодальных землевладельцев, которые в то время играли уже видную роль в палате общин. О нем говорят, что он был последним в Англии человеком, прибегшим для решения тяжбы к публичному единоборству. Возможно, что Джон от него и унаследовал свой воинственный характер. Родовое поместье семьи находилось в Дургаме (северная Англия); там и в соседнем Ньюкестле Лильбурн провел свое детство. Он был младшим сыном *) и поэтому, по окончании курса учения, должен был избрать себе приносящую доход карьеру. В 1630 году он поступил в Лондоне учеником к крупному купцу Сити, торговцу полотном, Томасу Гьюсону.

Положение было уже крайне напряженным. Карл I, как личность, не был таким отталкивающим, как его отец, который восстановил против себя всех не столько своим пьянством и отвратительными манерами, сколько высоким мнением о своей учености. И все-таки Карл I, пожалуй, еще лучше отца, сумел восстановить против себя всю массу нации. Он не был тупым человеком, но у него не хватало твердости характера, и этот недостаток он еще более усугублял упрямством и надменностью, проявлявшимися обыкновенно при самых неудобных случаях. Роль злого рока сыграла для него также его жена, Генриэта французская, пропитанная идеями абсолютизма еще больше, чем Карл, и только развивавшая его склонности в этом направлении. Уже в самом начале своего правления он восстановил против себя многих вполне лойяльных людей тем, что ради согласия выдать за него замуж Генриэту, обещал терпеть католиков в Англии и помог Ришелье в борьбе с гугенотами**). Все опасались католической реакции и первый же парламент, созванный Карлом летом 1625 года, оказался враждебно настроенным против него. Вместо того, чтобы вотировать королю пожизненное пользование пошлинами, парламент вотировал его только на один год и требовал рассмотрения многочисленных жалоб на мероприятия друзей и советников короля. Парламент был распущен, и Карл, нуждавшийся в деньгах, сделал заем. В начале 1625 года он созвал новый парламент, причем постарался улуч-

*) Его старший брат, Роберт Лильбурн, во время гражданской войны был одним из высших офицеров кромвелевой образцовой армии и членом чрезвычайного государственного суда, приговорившего Карла I к смертной казни. Один из младших братьев Джона, Генрих Лильбурн, также служил в парламентском войске и, по рекомендации Кромвеля (в 1648 году), был назначен губернатором Таймут-Кестля. Но, когда конфликт между парламентом и войском стал обостряться, он отпал от последнего и был убит в сражении собственными солдатами в то время, когда уже собирался сдать крепость шотландским пресвитерианам, спешившим в 1648 году на помощь к Карлу I.

**) Ради этого брака и вследствие его в царствование Карла I и протестанты в Германии, поскольку это зависело от Англии, были предоставлены самим себе (не следует забывать, что это происходило во время тридцатилетней войны!), что, конечно, еще удвоило озлобление многих английских протестантов.

шить свои шансы, передав некоторым из наиболее оппозиционно настроенных личностей обязанности шерифа, благодаря чему их нельзя было вновь избрать; а в иных случаях он просто не послал в некоторые графства вызова в парламент. Однако, это ни к чему ни повело. Оппозиционное настроение было настолько сильно, что новый парламент, едва успев собраться, назначил комиссии для установления привилегий парламента, для исследования религиозных дел и всего положения страны. Затем парламент выставил обвинение против советника и первого министра короля, герцога Букингамского. Взбешенный король велел арестовать двух внесших интерпеляцию депутатов, но парламент об'явил, что прекратит занятия до тех пор, пока не будут возвращены его члены, и Карл освободил их, не добившись отказа от обвинения. Затем этот парламент был также распущен, и Карл прибегнул к незаконному взиманию податей и к об'явлению большого принудительного займа, участие в котором со всех кафедр государственной церкви было об'явлено обязанностью каждого христианина.

Между тем влияние государственной церкви на платежеспособное население с каждым днем уменьшалось. Богатые купцы Сити были почти все пуритане, пуританами же были многие средней руки сельские дворяне и землевладельцы- буржуа. Даже представители высшей аристократии с каждым днем все больше отворачивались от государственной церкви. Карл сумел испортить свои отношения не только с палатой общин, но и с палатой лордов; впрочем, и тогда уже центр тяжести лежал в «нижней палате», далеко превосходившей палату пэров по представляемому ею богатству. В 1628 году, по словам Юма, имущество, представляемое палатой общин, было в три раза более имущества, представляемого палатой пэров *). Численностью пуритане в то время превосходили вместе взятых крайних сторонников государственной церкви, умеренных ее сторонников и католиков.

После двухлетнего противоконституционного взимания податей, после безконечных арестов лиц, отказывавшихся от уплаты пошлин, и травли противников короля военными постоями, Карл, потерпевший неудачи и в своих заграничных предприятиях, был вынужден в 1628 году созвать третий парламент. Пользуясь тем, что король крайне нуждался в деньгах, парламент вынудил у него согласие на знаменитую „Petition of Rights“, по которой: 1) ни один свободный гражданин не может быть принуждаем к поднесению каких-либо подарков, к займам, ко внесению беневоленций или податей, не вотированных парламентом. 2) Ни один свободный гражданин не может быть арестован или содержим под арестом противозаконно. 3) Солдаты сухопутные и морские не должны посылаться на постой в частные дома без согласия владельца. 4) Военносудные комиссии не должны более назначаться.

Лишь после того, как Карл удовлетворил эту петицию, парламент вотировал ему средства для продолжения войны с Испанией. Затем парламент прекратил заседания. Карл, давший свою подпись лишь после безчисленних уверток, истолковывал значение ее совсем иначе, чем парламент, и снова начал взимать подати, не вотированные парламентом, снова стал арестовывать лиц, откзывавшихся платить их. Он привлек на свою сторону прежнего вождя оппозиции, очень даровитого и энергичного Вентворта, а во всех вопросах, касающихся церкви, следовал советам не менее энергичного епископа Лауда. Лауд был известен, как покровитель священников, относившихся снисходительно к като-

---

*) При Карле I палата пэров состояла из 97 светских и 27 духовных лордов. Палата общин из 90 представителей графств, 4 представителей университетов и более чем из 400 представителей городов и местечек.

ликам, и как поклонник ритуала, смахивающего на католический. Назначение его пуритане сочли новым вызовом, и, когда в январе 1629 года заседания парламента возобновились, борьба между последним и королем возгорелась с новой силой. На правительство посыпался целый ряд обвинений. На требование короля прекратить заседания, парламент ответил прямым противодействием, а запуганный королем спикер парламента силой принужден был выслушать жалобу. Затем король распустил парламент, велел арестовать девять главных участников «мятежного» деяния и, несмотря на их ссылки на то, что они, в качестве членов парламента, пользуются неприкосновенностью, заставил судей Королевской Скамьи, при помощи всевозможных низких крючкотворных уловок, приговорить их к уплате высокого денежного штрафа и к заключению, впредь до из'явления покорности. Высшее наказание понес «коновод», сэр Джон Элиот. Его посадили в Тоуэр, где он и умер в 1632 году, измученный тяжелым заключением, но не согласившись выразить хотя бы только формальную покорность.

После распущения этого парламента, к которому, между прочим, принадлежал молодой, перешедший в пуританство гражданин и землевладелец Гентингтона, родственник вождя оппозиции, Джона Гампдена, Оливер Кромвель, в течение одиннадцати лет продолжалось абсолютно произвольное правление. Министерство короля, наряду с епископом Лаудом, составляли Вентворт и другие перебежчики. Перед этим приближенным его был Букингам, павший от руки мятежного Фельтона. Королевские министры взимали незаконные налоги, незаконно сдавали на откуп монополии, производили незаконную конфискацию имуществ, а также незаконно и жестоко преследовали отдельных лиц. Сначала Вентворт отправился в Иорк, чтобы, в качестве председателя северного совета, «основательно»—он даже подписывал так свои письма, основательно — «thorough», — искоренить мятежные стремления среди пуритан северных графств, занявших угрожающее положение. Однако все его преследования достигли той цели, что вооруженное восстание началось не сейчас же, а позднее. Пуритане там, как и повсюду, ограничивались некоторое время законными способами противодействия; с целью разсылки странствующих и постоянных проповедников в наиболее бедные округа, они образовали фонды для пропаганды, которые особенно усердно пополнялись лондонским Сити. Лауд велел конфисковать эти фонды; пропаганда, однако, из-за этого, повидимому, совсем не ослабела. Все эти незаконные поборы и другие, по существу своему часто даже вполне основательные фискальные мероприятия правительства, считавшиеся однако несправедливыми, потому что они были незаконны и предпринимались из явной вражды к противникам правительства, все больше востановляли народ и постоянно увеличивали лагерь церковной и политической оппозиции. Это относится прежде всего, к так называемому «корабельному сбору»,—налогу для возмещения фиктивных расходов на защиту побережья. Сначала Карл взимал его лишь с прибрежных графств, но впоследствии (в 1635 году), противно всем традициям, стал требовать его и с внутренних графств. Раболепные судьи об'явили эти действия законными на том основании, что король вообще не может действовать незаконно, и Джон Гампден, отказавшийся от уплаты корабельного сбора, был осужден. С массой населения дело, конечно, не доходило до таких крайностей, но все же она оказывала своего рода пассивное сопротивление, и взимание корабельного сбора было так затруднительно, что в конце концов расходы на него превзошли доход.

Большое возбуждение вызвали церковные новшества Лауда, назначенного в 1633 году кентерберийским епископом, а вместе с тем примасом государственной церкви. Благодаря этим новшествам ритуал государственной церкви все больше приближался к ритуалу римской. Не следует забывать, что все это происходило в ту эпоху, когда в Германии свирепствовала тридцатилетняя война и когда католическая реакция в Англии могла приобрести роковое значение для протестантов всей Европы. Печати в современном смысле слова тогда еще не существовало—в 1640 году появились первые листки с известиями—зато оппозиция выражалась в памфлетах, печатавшихся большею частью в Голландии, где в то время у кормила правления стояли кальвинисты и где их английские единоверцы находили приют и свободу.

Преследования, исходившие от епископов и направленные главным образом против духовенства, были еще более жестоки, чем преследования чисто политического характера. Эпоха сжигания еретиков миновала, но зато суд «звездной палаты» или государственная судебная комиссия приговаривали виновных к наказанию кнутом, к отрезанию носов, ушей и ко всевозможным, тому подобным, зверским телесным наказаниям. К тому же налагаемые ими денежные штрафы были настолько высоки, что приговоренные к ним редко бывали в состоянии уплатить их и поэтому надолго оставались в руках своих преследователей.

Таково было общее положение дел во время ученичества Лильбурна. Патрон будущего левеллера был строгим пуританином и Лильбурн, который, как он впоследствии выразился в одном из своих памфлетов, уже в Ньюкестле водил знакомство с «людьми влиятельными и просвещенными», а в первые годы своего пребывания в Лондоне все свободное время занимался чтением исторических и богословских сочинений,—еще будучи учеником принимал деятельное участие в религиозно-политической агитации. В этом не было ничего необычайного. В то время ученики играли вообще не маловажную роль в общественной жизни Лондона. История повествует о различных политических демонстрациях учеников, к которым относились вполне серьезно; а между тем рабочие и подмастерья, как таковые, в политическом смысле не имели никакого значения, и это вполне понятно. Ученики достопочтенного лондонского купечества в частности, были сыновьями «джетльменов» и умели владеть оружием. К тому же, благодаря семилетнему сроку ученичества как в торговле, так и в ремесле, учениками бывали молодые люди двадцати лет и старше. В рабочем статуте Эдуарда VI, изданном в 1547 году, между прочим говорится, что каждый имеет право отнимать у бродяг и отдавать в учение детей—мальчиков до двадцати четырех лет. В статуте Елизаветы, изданном в 1563 году, говорится, что на каждых трех учеников должен приходиться по крайней мере один подручный. Есть достаточно оснований думать, что на практике учеников бывало больше. Таким образом подручные, уже по своему числу, не могли играть значительной роли в ремесле; это доказывается еще тем, что английский язык, вообще очень точный и богатый, не имеет слова, вполне соответствующего понятию «подмастерья». Кто не «Master» и не «Apprentice», тот «Journeyman», а это слово скорее соответствует понятию поденщика или просто рабочего. Кончивший учение старался как можно скорее самостоятельно заняться своим ремеслом, и те, которым не удавалось сделать это, при публичных демонстрациях присоединялись повидимому к «ученикам».

Лильбурну было около двадцати лет, когда он, будучи еще учеником, в 1631 году настолько скомпрометировал себя организацией распространения запрещенных и привезенных контрабандой религиозно-

политических памфлетов, что был вынужден отправиться на некоторое время в Голландию, чтобы не попасть в руки епископских клевретов. Во время его отсутствия, авторов некоторых из этих памфлетов, доктора И. Баствика, с которым Лильбурн был дружен, адвоката В. Прина и священника Г. Буртона, по настоянию всемогущего архиепископа Лауда, подвергли жестокому наказанию: им отрезали или, вернее, отпилили уши. Кроме того Прину выжгли на щеках буквы S. L. (т.-е. Seditious Libeller—автор революционных памфлетов). Всех трех наказали розгами, заставили стоять у позорного столба, а затем отправили в отдаленные тюрьмы. На Прина был наложен денежный штраф в 20.000 фунтов, что при современной ценности денег равнялось бы 200.000 рублей *).

Конечно, Лильбурн в «свободной» Голландии не сидел сложа руки, и когда, в декабре 1637 года, он вернулся в Англию в твердой уверенности, что его успели забыть, его сейчас же после прибытия заманили в ловушку и арестовали. Выдал его, по всей вероятности, подкупленный слуга одного из его друзей, сидевшего тогда уже в тюрьме дегатировщика И. Вартона. По собственным словам Лильбурна, упомянутый предатель был задержан при распространении запрещенных изданий, а затем его убедили сделаться сыщиком, обещав ему полную безнаказанность, — метод, который применяется некоторыми любителями еще и в XIX столетии.

Поведение Лильбурна в этом его первом процессе характерно для его манеры держаться вообще при всех процессах. Он был идеальным борцом за право. Обвинение гласило, что он в голландском городе Дельфте отпечатал различные, «постыдные», т.-е. оппозиционные летучие листки и затем контрабандным путем отправил их в Англию. После предварительного заключения, продолжавшегося несколько недель, Лильбурн предстал пред адвокатом звездной палаты, т.-е. пред обвинителем. Он энергично утверждал, что различные действия, приписываемые ему обвинения, изложены совершенно неверно, и решительно отказался от всяких дальнейших показаний, не чувствуя в себе ни призвания, ни надобности быть своим собственным обвинителем. Само собою разумеется, ему пришлось вернуться в тюрьму. Десять или двенадцать дней спустя его снова хотели подвергнуть допросу в здании звездной палаты, но он выказал при этом только еще большую решимость не отступать ни на шаг. Он категорически отказался выполнить формальности, соблюдая которые, он признал бы законным суд звездной палаты, и ни угрозы, ни убеждения не могли заставить его дать установленную присягу, которая обязала бы его обвинить самого себя. Ему пришлось снова вернуться в тюрьму, а через пять недель, 9 февраля 1638 года, он предстал уже пред самим всевластным судилищем. Результат получился тот же; даже угрозы графа Дорсета и насмешки архиепископа Лауда не заставили его покинуть свою принципиальную точку зрения. «За непо-

*) Первое его преступление заключалось в написании об'емистого, в настоящее время уже почти неудобочитаемого сочинения против театра, под заглавием «Histriomastix»— бич актера, в котором он доказывает, что театральные представления, «греховные, языческие, безбожные и безнравственные зрелища». Он получил разрешение напечатать эту книгу от капеллана предшественника Лауда, архиепископа Аботта. Но так как книга появилась незадолго до одного спектакля в Соммерсет-Гоузе, в котором принимала участие и королева, и так как Прин давно уже вызывал всеобщую ненависть своим резким поведением, то напечатание книги всетаки послужило поводом к уголовному преследованию, и еще до приговора, о котором мы говорили выше, Прину пришлось перенести тяжелые наказания. Во время заключения он написал брошюру: «Новости из Ипсвича» (News from Ipswich), в которой, с непоколебимой смелостью фанатика, называет епископов государственной церкви жадными волками. Эта брошюра дала возможность подвергнуть Прина суду звездной палаты.

виновение суду» его три дня держали под строгим арестом, и 12 февраля, одновременно с Вартоном, также отказавшимся давать показания, приговорили к денежному штрафу в 500 фунтов стерлингов и к пребыванию в флитской тюрьме до тех пор, пока они согласятся подчиниться распоряжениям суда. Но для того, чтобы отбить у других охоту подражать строптивцам, Лильбурна далее приговорили к публичному наказанию кнутом и к позорному столбу, у которого он должен был стоять вместе с престарелым Вартоном.

18 апреля приговор над обоими был приведен в исполнение с большой жестокостью. Всю дорогу от Флитского моста, где теперь находится Людгат-цирк, до Вестминстера треххвостная плеть свистала над обнаженной спиной Лильбурна. Но хотя он, дойдя до Вестминстера, был близок к обмороку, на вопрос, не желает ли признать ошибочность своих поступков и избавиться, таким образом, по крайней мере от стояния у позорного столба, что, как известно, связано с физическими страданиями, он ответил: Ради правого дела, которое я защищаю, я не боюсь усилить свои страдания. Отверстие позорного столба для головы было слишком низко для Лильбурна; ему приходилось стоять с согнутой спиной, и это причиняло ему еще большие страдания. Но он бодро вынес и это наказание, бросил в толпу три подсунутых ему экземпляра одного из преступных «постыдных» сочинений упомянутого выше доктора Баствика, об'яснил толпе незаконность суда над собой и так красноречиво охарактеризовал жестокость епископов, что присутствующий чиновник велел заткнуть ему рот кляпом. Так он простоял еще полтора часа, молча, со страшной болью в спине, с обнаженной головой, под палящими лучами полуденного солнца. Когда время наказания кончилось, его первые слова были: «я более победитель, чем вы, благодаря тому, кто меня любит». За эти задорные слова суд звездной палаты распорядился заковать его по рукам и ногам и посадить в отделение тюрьмы, предназначенное «для самых низких и ужасных преступников». Тут его должны были держать в строгом одиночном заключении и даже не передавать ему денег от друзей. Распоряжение это выполнялось в точности и даже хирурга допустили к нему только один раз. Железные кандалы на руках и ногах были слишком тесны для него и для того, чтобы заменить их новыми, изготовленными на его счет, понадобились бесконечные просьбы и подкупы. Сидя в невыносимо грязной и вонючей камере, он долгое время испытывал такие ужасные страдания, что несколько раз уже считал себя близким к смерти. В конце концов он согласился написать в государственный совет заявление, чтобы лучше с ним обращались. Но, когда ему об'явили, что заявление будет передано лишь в том случае, если он отречется от всех своих взглядов, он сейчас же отказался от заявления. Он говорил, что пока ему не докажут его неправоту, он ни в каком случае не согласится на отречение, хотя охотно пошел бы в Тибурн или Смитфильд (т.-е. охотнее подвергнулся бы колесованию или повешению), только бы не оставаться дольше в этой тюрьме. Ему однако пришлось провести в ней больше двух лет, и он оставался бы там еще дольше или умер бы, как многие другие, в заключении, если бы происшедший зимой 1640—41 г.г. политический переворот не принес избавления ему и многим его товарищам.

Здесь следует еще заметить, что насильственные мероприятия против сектантов вызвали также усиленную эмиграцию ткачей из Норфолька, Суффолька и Йоркшира. Часть из них уходила в Нидерланды, где их принимали с распростертыми об'ятиями, как сто лет раньше в Англии принимали голландских беглецов, быть может, дедов или прадедов тех,

которые теперь уходили из нее. Иные искали счастья в только что возникших колониях Северной Америки, но все же в Англии оставалось достаточно людей, хранивших старые традиции.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПАРЛАМЕНТ И КОРОЛЕВСКАЯ ВЛАСТЬ. ПРЕСВИТЕРИАНЕ И ИНДЕПЕНДЕНТЫ. ОПАСНЫЕ ДЛЯ ГОСУДАРСТВА СЕКТЫ. НАРОД И ПАРЛАМЕНТ.

«В горах раздался первый выстрел». Карл I и Лауд сделали попытку ввести епископальное устройство и новую, похожую на католическую, литургию английской государственной церкви и в Шотландии, где с 1592 года признанной государственной церковью была пресвитерианская. Они думали сломить противодействие шотландцев постепенными, но в то же время твердыми мероприятиями, и им пришлось жестоко разочароваться. Уже в 1637 году началось открытое восстание. Шотландцы учредили нечто вроде временного правительства, в котором были представлены четыре класса: дворянство, джентри, горожане и духовенство. В то же время был провозглашен великий народный союз, национальный «Covenant», которому все присягнули. Не будучи в состоянии сейчас же выступить против них с военной силой, Карл должен был вступить в переговоры, которые тянулись довольно долго. Вернее было бы сказать, что Карл старался затянуть их, как можно дольше, но это затягивание дало только возможность непреклонным в своих религиозных убеждениях шотландцам показать Карлу, что они не дадут обмануть себя очень хорошо знакомой им, его землякам, тактикой то угроз, то лести, то обещаний всего, чтобы впоследствии не сделать ничего *). Летом 1639 года в Бервике, на границе между Англией и Шотландией, куда шотландцы вышли навстречу Карлу, собиравшемуся напасть с несколькими полками на Шотландию, был заключен мир, продолжавшийся недолго. Так как у Карла не было никакого желания выполнить данные там обещания, то ему оставалось только собрать порядочное войско, а для этого нужно было больше денег, чем давали принудительные налоги и прочие его финансовые мероприятия. По совету своего доверенного, Страффорда — так назывался возведенный в графское достоинство Вентворт, сумевший хитростию и насилием подчинить Ирландию и собрать там покорный псевдопарламент,—по совету этого то бесстыдного насильника, Карл, после одиннадцатилетнего неконституционного правления, весной 1640 года снова созвал английский парламент. Последний собрался 13 апреля 1640 г. в Лондоне; но вместо того, чтобы исполнить желание короля и вотировать ему средства для борьбы с мятежными шотландцами, стоявшими уже на границе Англии (Англия и Шотландия тогда еще были отдельными королевствами), парламент об'явил, что он прежде всего желает проверить законность предпринятых Карлом за истекшие одинадцать лет его правления фискальных мероприятий и политических преследований. Взбешенный Карл снова решил распустить парламент. 5 мая он об'явил о его распущении и еще раз сделал попытку собрать деньги насильственными мерами. Делал он это под влиянием Страффорда, полагавшего, что Сити образумится, если повесить несколько ольдер-

*) Насколько шотландцы были правы, не доверяя Карлу, показывают сохранившиеся письма его к наместнику Гамильтону. «Вы должны главным образом стараться выиграть время, для того чтобы они (шотландцы), имели случай наделать глупостей, пока я буду в состоянии подавить их», говорится в одном из этих писем.

менов. Но насильственные меры вызвали больше раздражения, чем приносили денег. Поведение лондонского населения и провинции становилось все более угрожающим, кое-где дело доходило до бунтов, заставивших короля перевезти свою жену, собиравшуюся рожать, в Гринвич. В довершение всего, шотландцы, давно уже вступившие в соглашение с вождями оппозиции в Англии, с сильным войском перешли через границу. Королю, положение которого становилось все более критическим, теперь оставалось только уступить и созвать новый английский парламент. Посланные против шотландцев войска оказались ненадежными. Во время недолгого похода, который они называли «войной епископов», они выказали больше вражды к последним и к своим собственным офицерам, чем к шотландцам. При первой же встрече с последними, они бежали после первых выстрелов, и шотландцы без труда заняли четыре северных графства.

Карл сделал еще попытку натравить лордов на палату общин, но эта попытка не удалась, и осенью 1640 года были об'явлены выборы в новый парламент. Естественно, эти выборы оказались еще менее благоприятными для короля, чем предыдущие. Оппозиция основательно научилась вести агитацию во время преследований против нее. В новом парламенте едва ли бы можно было найти хоть двух безусловных сторонников короля, но тем более многочисленны были его решительные противники. Вожди оппозиции решили основательно использовать критическое положение, в которое попал Карл, и добиться гарантии прав парламента. Эти упрямые кальвинисты больше держались ветхого завета и учений книги Самуила и пророков о монархии, чем новозаветного—«воздайте кесарево кесареви». Они были настолько непатриотичны, что не беспокоили шотландцев в занятых ими графствах, пока не покончили своих собственных счетов с королем. Говорят даже, что Джон Гампден, прославленный герой «легальной оппозиции», сам приглашал шотландских вождей напасть на Англию. Народные певцы воспевали шотландцев, как спасителей английского народа, и нет никакого сомнения, что никто не счел бы предосудительным и дальше тоже, в случае необходимости, итти против короля рука об руку с шотландцами. Впрочем, дальнейшие события показали, что было весьма благоразумно оставлять шотландцев в стране в качестве резервов. Заговоры роялистских вождей против парламента не прекращались и сам Карл с нетерпением ждал того момента, когда ему можно будет с оружием в руках напасть на представителей своего возлюбленного народа.

Покамест, впрочем, ему приходилось делать только одну уступку за другой. Так, ему пришлось пожертвовать своим другом и советником Страффордом, который был обвинен парламентом в государственной измене, осужден *) и 12 мая 1641 года обезглавлен. Епископа Лауда также обвинили в государственной измене и до конца процесса—приговор был постановлен и приведен в исполнение лишь зимой 1644—45 года,—держали в Тоуэре. Карлу пришлось дать свое согласие на новый закон, согласно которому новый парламент должен был собираться не позже, чем через три года после распущения старого, даже в том случае, если король не хотел созывать его. Затем был издан закон, гласивший,

---

*) Формально, впрочем, он был осужден совершенно незаконно. Пим, который обвинял его, с прискорбием должен был убедиться, что закон знает только измену королю, но не измену стране или народу. Тем не менее смешно, когда просвещенный Юм, а вслед за ним и другие называют казнь Страффорда более чудовищным преступлением, чем все совершенные самим Страффордом насилия. Ибо власть имущий, который попирает закон ногами, сам стоит вне закона.

что парламент не может быть распущен и заседания его не могут быть отложены помимо согласия самого парламента, и законы, упразднявшие судилище звездной палаты и высший церковный суд и лишившие государственный совет короля («Privy Council») права издавать приказы об арестах и отменять судебные приговоры. Лишь после всего этого в августе 1641 года произошло распущение шотландской армии, и король решил отправиться в Шотландию, чтобы вступить в переговоры с тамошним парламентом. Но английский парламент не доверял ему и опасался новых интриг с его стороны. Поэтому отправили сопровождать короля Джона Гампдена, чтобы он следил за его действиями. Парламент отложил свои заседания на время отсутствия короля и возобновил их только в конце октября, чтобы покончить свои счеты с королем и с епископами. В то время уже был внесен в парламент и прочитан билль об исключении епископов из палаты лордов и второй билль об упразднении епископий вообще.

Парламент, конечно, не забыл также и жертв королевских и епископских преследований. Наоборот: одним из первых его действий было освобождение Принна, Баствика, Лильбурна и других. Они вступили в Лондон при торжественном звоне колоколов, и «народ усыпал их дорогу цветами» (Бэркли, «The Inner Life of Religious Societies»).Петицию Лильбурна об удовлетворении за причиненные несправедливости взялся доложить Оливер Кромвель и речь его в защиту этой петиции была первой речью, произнесенной им в этом парламенте. 3 мая 1641 года Лильбурн уже принимал участие в большой демонстрации лондонского населения, бурно протестовавшего против противодействия, которое король и лорды оказывали в процессе Страффорда. На следующий после этой демонстрации день Лильбурна, за участие в ней, пригласили предстать пред палатой лордов. Но дело, возбужденное против него по этому поводу, также как противодействие лордов и короля, кончилось ничем. В тот же самый день парламент, по предложению спикера Кромвеля, об'явил, что наложенное в свое время звездной палатой на Лильбурна наказание «было незаконно, противно гарантированным правам граждан государства, кроме того кровожадно, постыдно, жестоко, произвольно»; затем парламент постановил вознаградить Лильбурна за причиненные ему незаконно страдания и убытки. Установление суммы вознаграждения было делом суда лордов, и прошло почти пять лет, пока последний, в марте 1646 года, установил размер причитавшегося Лильбурну вознаграждения. Из этого вознаграждения в 2000 фунтов стерлингов Лильбурн получил однако едва третью часть, да и то гораздо позже, и до поры до времени он, чтобы обеспечить свое существование, сделался пивоваром. Однако, время тогда было настолько беспокойное, что он не мог долго заниматься этим делом.

В октябре 1641 года парламент снова собрался далеко не в радужном настроении, потому что, по получившимся из Шотландии сведениям, Карл не преминул интриговать и, путем подкупов, путем разжигания личной вражды и всевозможными аналогичными средствами, сумел внести несогласие в ряды «ковенантцев» и очень усилить свое влияние. Кроме того, короля обвиняли в участии в заговоре против некоторых из вождей шотландцев. Парламент хотел предупредить возможность подобных проделок в Англии, и одним из первых его действий было составление обширной записки—«Grand Remonstrance», в которой в 206 параграфах перечислялись все противоконституционные мероприятия Карла, с самого восшествия его на престол, и требовались гарантии против возможности повторения их. Записка была принята, несмотря на несогласие меньшинства, спешившего заключить мир с

королем, и после вручения последнему была распространена во множестве списков по всей стране. Затем парламент продолжал кампанию против епископов, которые с своей стороны об'явили неконституционными все законы, принятые палатой лордов в их отсутствие. Против епископов среди лондонского населения происходили грандиозные демонстрации. Когда во время одной из таких демонстраций, устроенной **учениками**, солдаты и приверженцы короля напали на участников ее, последние на следующий день, 28 декабря 1641 года, с оружием в руках двинулись на Вестминстер. Говорят, что в происшедшей при этом схватке впервые раздались клички — «круглоголовые» для народной партии, и «кавалеры» для партии короля, — которые впоследствии сделались обычными. В рядах первых дрался и Лильбурн—давно уже не «ученик»—получивший при этом очень серьезную рану.

Король снова попытался совершить государственный переворот. Ему не удалось привлечь на свою сторону, предложением должности лорда казначейства, Пима, вождя оппозиции — «короля» Пима — дом которого был главной квартирой оппозиции. Тогда король, 3-го января 1642 года, велел обвинить в государственной измене Пима, Джона Гампдена и нескольких других членов палаты общин, а также члена палаты лордов, лорда Кимбольтона, впоследствии лорда Манчестера *). Однако попытка арестовать их, внезапно напав на них, не удалась. Когда король 4 января проник с солдатами в парламент, чтобы насильно овладеть своими противниками, последних, предупрежденных заранее, там уже не оказалось, и хотя короля тогда еще почтительно выслушали, все же его при уходе провожали криками протеста: «Привилегия, привилегия!» Прокламация, предписывавшая закрытие всех гаваней, для предупреждения бегства обвиняемых за границу, до крайности усилила царившее в Лондоне возбуждение. Все горожане до единого стали на сторону парламента, который для вящшей своей безопасности перенес свои заседания в Сити. Когда король показывался на улицах, ему вслед раздавались угрожающие крики, и однажды торговец железом бросил в коляску, в которой ехал этот сын «британского Соломона», записку с зловещими словами: «Вернись в свои шатры, Израиль!»—с теми же самыми словами, которыми некогда начался мятеж против Ровоама. Вооруженные морские солдаты, ученики и другие люди массами предлагали себя парламенту в качестве охраны. Карл чувствовал, что парламент в столице в большей безопасности, чем он сам, и поэтому покинул ее 10 января, чтобы вернуться в нее только через семь лет, уже в качестве пленника.

Теперь с каждым днем становилось яснее, что конфликт должен разрешиться на поле сражения. Королева с фамильными драгоценностями перебралась на континент, чтобы заложить их или вообще какимнибудь образом достать взаймы денег, а король, часто менявший свое местопребывание, вербовал в это время по всей стране солдат. Парламентская партия с своей стороны также собирала деньги и вербовала войско, над которым был назначен главнокомандующим граф Эссекс. Конницей командовал граф Бедфорд. В этой-то коннице Кромвель служил командиром эскадрона. Лильбурн также предложил парламенту

---

*) Здесь, в противоположность процессу Страффорда, в некоторых весьма существенных пунктах было право обвинение. Так, напр., в 4 пункте говорилось, что обвиняемые «изменнически приглашали иностранную державу напасть на королевство его величества, Англию, и оказывали ей при этом поддержку». Это и было сделано по отношению к шотландцам, которые в то время были еще чужестранцами. Впрочем, вопрос о государственной измене уже был из'ят событиями из области юридической.

свои услуги, и так как он, в качестве «джентльмена», владел оружием, то ему дали какой-то низший офицерский чин в одном из пехотных полков. Флот весь целиком перешел на сторону парламента, а лондонская милиция также была все время наготове.

Вербовка солдат и всевозможные переговоры тянулись всю весну и лето, но осенью дело дошло до открытого столкновения. Первая серьезная стычка между войском короля, состоявшим из опытных солдат, и войском народа кончилась поражением последнего. Но уже при второй их встрече, в сражении возле Брентфорда у Лондона (13—15 ноября 1642 года) народному войску удалось отбить атаку «кавалеров» и принудить короля отступить со своими приверженцами в Оксфорд. Лильбурн, уже принимавший участие в упомянутом выше несчастном сражении при Эджгиле и получивший там рану, при Брентфорде, также выказал большое мужество, но был побит и взят в плен королевскими войсками. В Оксфорде его судили за государственную измену и приговорили к смерти. Но угроза парламента расстрелять, в случае его казни, пленных кавалеров спасла его. Зато он пробыл в плену почти целый год и должен был выносить очень дурное обращение. Он был освобожден только в сентябре 1643 года в обмен на пленных роялистов, и то лишь после того, как парламент пригрозил королю, приказавшему казнить Лильбурна, жестоко отомстить за его смерть. Отказавшись от предложенной ему должности с содержанием в 1.000 фунтов стерлингов, Лильбурн примкнул к организовавшейся как раз в это время армии восточных графств. Здесь ему, по рекомендации Кромвеля, очень много сделавшего для организации этой армии, дали патент майора в коннице.

Кромвель принимал участие в сражении при Эджгиле и даже отличился в нем, но после сражения, кончившегося, как мы уже говорили, неудачно, он сказал своему двоюродному брату Гампдену, что с войском, состоящим большею частью из старых подмастерьев бочаров и городских учеников *), никогда нельзя будет победить «армию людей чести», что для этого нужны люди, защищающие еще более высокий принцип, «религиозные люди». Зима 1642—43 года ушла на попытки реорганизации армии. За это время образовались союзы об'единившихся графств, которые должны были заняться в своих областях вербовкой и обучением войск. Однако только ассоциация восточных графств (Норфольк, Суффольк, Эссекс и т. д.), душою которой был Кромвель, обнаружила прочность. Родина лоллардизма дала ядро парламентского войска, впоследствии «железные ряды» (Ironsides) Кромвеля **).

К этому отделу армии принадлежал теперь и Лильбурн; он при различных обстоятельствах так отличился, что в мае 1644 года был назначен подполковником драгун, находившихся под командой лорда Манчестера. В начале июня того же года он в стычке при Векфильде был ранен пулей в плечо, но уже 2-го июля снова принял участие в битве, а именно в знаменитом сражении при Марстонмуре, кончившемся победой парламентских войск.

---

*) Последние, впрочем, впоследствии в некоторых сражениях вели себя очень хорошо. Между прочим в сражении при Ньюбери, где они своим стойким сопротивлением коннице Карла I, состоявшей большей частью из валлонов, лишили королевское войско победы.

**) Последствием наплыва сектантских элементов в армию явился, между прочим, уход из нее пресвитерианских священников. Вместо них стали говорить проповеди миряне, чувствовавшие призвание к этому, таким образом сама армия сделалась рассадником сектанства и своего рода школой сектантских проповедников. Cp Neal, History of the Puritans, II стр. 356.

В это время, как в самом парламенте, так и в парламентском войске резче стал обозначаться мало заметный до тех пор антагонизм между пресвитерианами и индепендентами. Генералы, принадлежавшие к первым, стали вести войну спустя рукава; на это у них было много причин: между прочим они все еще надеялись вступить в компромисс с королем. Манчестер так явно намеренно упустил случай использовать выгоды, которые предоставляла ему победа 27 октября 1644 года при Ньюбери, что Кромвель, который сумел приобрести большое значение в армии, отправился в Лондон и обвинил его в измене, при чем ссылался, главным образом, на свидетельство Лильбурна. Но вместо того, чтобы настаивать на суде над Манчестером, Кромвель успокоился, выжив его из армии. Он при помощи своих друзей провел в парламенте так называемый билль о самоотречении, на основании которого ни один член той или другой палаты парламента не мог в то же время занимать место предводителя в армии. После этого Эссекс, Манчестер и некоторые другие отказались от своих должностей, но для самого Кромвеля было сделано исключение. Хотя он был членом парламента, его на известный срок, который однако постоянно возобновлялся, назначили генерал-лейтенантом вновь организованной («New Model») армии, которой командовал храбрый генерал Т. Ферфакс. Армии трудно было обойтись без Кромвеля, тем более, что король готовился нанести ей новый удар.

Все эти действия Кромвеля Лильбурн считал кривыми путями, которые ему, фанатику законности, были особенно ненавистны; Кромвель же казался ему просто карьеристом, который воспользовался им (Лильбурном) лишь для того, чтобы избавиться от неудобного начальника. Поэтому он отказался занять место в новой «образцовой» армии, из которой вытеснялись все ненадежные элементы *), вернулся к частной жизни и прежде всего занялся защитой религиозной свободы от пресвитериан.

Как все политически более радикальные элементы, он за это время успел отвернуться от пресвитериан и примкнуть к индепендентам. Для пресвитериан не существовало религиозной свободы, кроме свободы их религии. Терпимость по отношению к другим сектам считалась у них величайшей ересью, «первейшим средством диавола». Шотландцы, с которыми парламент, 25-го сентября 1643 года, когда король усиленно притеснял его, заключил торжественный союз взаимности—«the Solemn League and Covenant»—и которые пришли после этого на помощь с 21.000 войска, особенно считали религиозную свободу «убийством душ». Среди писем Кромвеля есть одно, от 10-го марта 1643 года, адресованное шотландцу, служившему тогда уже в английском войске, генерал-майору Крауфорду. В этом письме Кромвель энергично заступается за уволенного Крауфордом офицера. Там, между прочим, говорится:

«Но «этот человек анабаптист». Уверены ли вы в этом? Допустим даже, что он анабаптист; неужели же это делает его неспособным служить обществу?.. Милостивый государь, когда государство выбирает себе на службу людей, оно не заботится об их взглядах; ему достаточно, если они хотят добросовестно служить ему» (Carlyle, «Cromwell's Letters and Speeches»; письмо № 15).

*) Ненадежными назывались все, кто питал некоторую слабость к роялизму, и всякие авантюристы. Элементы, превосходившие радикализмом самых влиятельных представителей армии, до поры до времени не считались еще ненадежными, а наоборот, являлись украшением армии, и даже враги их не могли не признавать открыто, что они, как на поле сражения, так и в лагере ведут себя безукоризненно.

В настоящее время это кажется общим местом, хотя далеко еще не имеет места повсюду. Тогда такие взгляды были так необычны, что лорд Манчестер воспользовался этим письмом, как оружием против Кромвеля, желая обвинить последнего перед парламентом, в котором пресвитериане тогда составляли большинство, в покровительстве сектантству. В самом деле, в войске Кромвеля была масса сектантов всех оттенков. от самых яростных верующих в библию до чуть ли не атеистических рационалистов. Сектанты составляли цвет войска, они были в нем самым храбрым, самоотверженным и демократичным элементом, но именно поэтому-то они впоследствии доставили столько хлопот диктатору Кромвелю, который, впрочем, тогда стал относиться к революционным сектантам уже совершенно иначе; но до поры до времени они поддерживали Кромвеля, а Кромвель их.

Парламент охотно уничтожил бы сектантов, но у него не было возможности сделать это. Поэтому увещания шотландского парламента, убеждавшего английский парламент положить конец безобразиям в армии, не имели успеха *). Кромвель же, с своей стороны, в своих письмах с поля сражения постоянно заступается за сектантов, служащих у него в войске. «Сударь, они вполне благонадежны. Именем бога заклинаю вас не лишать их бодрости», писал он спикеру парламента после сражения при Назеби, в котором Карл был разбит на голову. После взятия Бристоля он писал тому же лицу: «Пресвитериане и индепенденты, все они здесь в своих верованиях и молитвах одушевлены одним и тем же духом; они одинаково приветствуют друг друга, живут здесь в мире и согласии и не носят различных названий. Жаль, что в иных местах дело обстоит иначе». (Письма от 14 июня и 14 сентября 1645 года).

В других местах «дело действительно обстояло иначе». Не будучи в состоянии превратиться из преследуемых в преследователей в той мере в какой этого требовало их учение, пресвитериане делали в Лондоне все от них зависящее и посылали проклятия против сектантов с кафедры и в памфлетах. В заседавшем с 1643 года в Вестминстере «великом собрании богословов» **), которые должны были совещаться об общем для Шотландии и Англии церковном устройстве, в этом собрании, где громадное большинство составляли пресвитериане, также раздавались страстные проклятия по адресу «отвратительного, достойного проклятия учения о свободе совести».

«Терпимость сделала бы из этого королевства хаос, Вавилон, второй Амстердам, Содом и Египет»—говорится в послании собрания парламенту: «Как первородный грех является первым грехом, носящим в себе семя и зародыш всех грехов, так терпимость чревата всеми ошибками и всяким злом... Вся наша душа негодует, и мы могли бы утонуть в своих слезах, проливаемых при мысли о том, какими продолжительными и тяжелыми трудами это королевство в течении многих лет добивалось бла-

---

*) В адресе шотландского парламента, посланном в 1645 году английскому парламенту, между прочим говорится: «Парламент нашего королевства убежден, что благочестие и мудрость обеих достопочтенных палат отнюдь не потерпит каких-либо сект или ересей, противных нашему торжественному договору или союзу». Сообщил Лекки, позаимствовавший это из книги Neal'я History of the Puritans, II, стр. 211—222.

**) «Assembly of Divines». Лильбурн в своих памфлетах насмешливо называл их Assembly of Dry-vines, что значит приблизительно «собрание сухих виноградных лоз». Это собрание состояло из ста двадцати человек, в числе которых тридцать были миряне. Из них 10 лордов и 20 членов палаты общин. Пресвитериане с своей стороны из инициалов Джона Лильбурна составили анаграмму: «O I burn in hell, —О, я горю в аду».

гословенного плода, *основательной и чистой* реформации. И вот теперь, в конце концов, после всех этих трудов, страданий и ожиданий истинная и основательная реформация подвергается опасности быть задушенной до появления на свет какой-то беззаконной терпимостью, которая стремится осуществиться раньше ее».

Было бы совершенно ошибочно слышать в этих словах только голос ограниченных религиозных фанатиков. В этих словах слышится голос *имущего* городского населения—купечество Сити держалось большею частью пресвитерианства,—тот же голос, который в настоящее время говорит, что религия должна быть сохранена в народе. В эпоху, когда самые радикальные социальные теории обнаруживались преимущественно в религиозной оболочке, в интересах существующего строя было конечно не сохранение «религии» вообще, а только сохранение определенной *формы* ее, а для зарождавшейся тогда буржуазии самой удобной религией было пресвитерианское пуританство *). «Индепендент» было покамест еще неопределенным понятием, собирательным именем, под которым подразумевались весьма многие, по тем или иным причинам отвергавшие религиозный абсолютизм, духовную центральную власть, подобно тому как на известной ступени политического развития понятие либерализм, а впоследствии понятие радикализм были собирательными именами тенденций, сходившихся только на отрицании, а вообще носивших в себе зародыш самых глубоких разногласий. Мы уже в следующей главе будем говорить о *политическом* расколе среди индепендентов. Как велики были различия в *религиозно-социальном* отношении, явствует из того, что в числе «*индепендентских* сект» при случае упоминались секты с ярко выраженными коммунистическими тенденциями, как, напр., *анабаптисты*, и находившиеся под влиянием анабаптистских учений *фамилисты* (уже самое название их показывает, что это было нечто вроде союза для осуществления братства людей, возникшего в Мюнстере и через Голландию проникшего в Англию). Затем приверженцы «*пятого царства*» **), о котором мы еще будем говорить ниже; далее, еще более близкие к анархизму *антиномисты* (противники всяких писанных религиозных и нравственных законов, исходившие из того положения, что *внутреннее* просвещение духом евангелия—вполне достаточное руководство во всех действиях, и приходившие к весьма радикальным выводам), и крайние представители этого направления, *рантеры* ***), которых обыкновенно изображают при-

---

*) «Нет ничего удивительного в том, что Сити упорно держалось пресвитерианства. Страх пред возможной церковной тиранией, царившей в палате общин, не существовал для купцов и ремесленников Сити. Путем занятия должностей старейшин, наблюдающих за церковной дисциплиной, купцы и ремесленники Сити сами составили бы церковь. Если церковная тирания вообще была бы возможна, она исходила бы от них самих» (Gardiner, History of the Graet Civil war III, стр. 78, 79). Это противоречие между парламентскими представителями буржуазных классов и самими этими классами, представляет собой весьма характерное явление, которое часто повторяется во всей новейшей истории. В парламентах и в парламентских деятелях классовый характер представительства видоизменяется или, если угодно, фальсифицируется всевозможными идеологиями, которые в массе представляемых обыкновенно совершенно затушевываются. Неровное отношение лондонского Сити к Кромвелю и парламенту представляет собой одну из самых поучительных глав в истории английской революции.

**) Ссылаясь на одно место книги пророка Даниила, они надеялись и стремились достигнуть царствия христова, которое должно наступить после павших одно за другим ассирийского, персидского, греко-македонского и римского мировых царств. В царстве христовом *не будет светских владык*, в нем будет господствовать полное равенство в том смысле, в каком его понимали древние христиане.

***) Это слово значит приблизительно—необузданные, беспокойные.

верженцами свободной любви и тому подобных ужасов, а также и другие секты.

Давать подробное описание всех сект этой эпохи мне кажется излишним; о тех, которые играли какую бы то ни было роль в рассматриваемую нами эпоху, мы будем говорить при удобном случае. Здесь же достаточно будет констатировать существование и широкое распространение в народе хилиастических, т.-е. ожидающих наступления тысячелетнего царствия божия, сект *). Проклятия пресвитериан были направлены преимущественно против этих именно сект. Против них же раздавались анафемы лондонского специально-пресвитерианского собора «Sion College'а», и им же пресвитерианское церковное светило, Т. Эдвардс, посвятил в 1646 году целую книгу доносов, которой он дал характерное заглавие «Гангрена». Многие из сект, как, напр., антиномисты, исходили из тех же догматических основных понятий, как и пресвитериане, но практическое применение их было иное, а в практике-то и заключалось все дело.

Мысль, что ради собственности не следует трогать централизованную государственную церковь, совершенно определенно и без обиняков была высказана тогда поэтом, известным своими изящными стихами и еще более изящными изменами. Эдмундом Уоллером. 27 мая 1641 года в палате общин началось обсуждение предложения об отмене епископального устройства церкви. По этому поводу Уоллер, племянник Джона Гампдена и тогда еще сторонник парламентской партии, выразился, что было бы очень благоразумно обрезать когти и сбить рога епископату, и что в этом отношении можно, пожалуй, пойти еще несколько дальше, но что полная отмена епископата всетаки очень рискованная мера. Именно то обстоятельство, что против епископата восстают массы, заставляет его, говорил он, относиться к епископату благосклонно.

«Ибо я вижу в нем защитный вал или укрепление и говорю себе: если этот вал будет занят народом и последнему откроется тайна, что мы ни в чем не можем отказать ему, когда он выставляет требования всей массой, то на следующий раз нам так же трудно будет защищать свое имущество против народа, как было трудно защитить его против прерогатив короны. Если они (народные массы) численностью своих рук или подаваемых ими петиций добьются введения равенства в церковных делах, то следующим их требованием будет, пожалуй, Lex Agraria (закон о разделении земли) требование такого же равенства в светских делах». Уоллер указывает на историю древнего Рима, где одновременно с преобладанием масс начался упадок республики. Legem rogare (просить о законе), говорит Уоллер, быстро превратилось в Legem ferre — делать закон, а когда легионы поняли, что они могут сделать диктатором,

*) Подробно об этом предмете трактует Герман Вейнгартен, в своем крайне добросовестном и заслуживающем внимания труде «Die Revolutionskirchen Englands» (Лейпциг 1868). «Мы видим, что индепендентизм прогрессирует в двух направлениях,—пишет Вейнгартен, рассматривающий явления с точки зрения историка мысли.—На ряду с религиозным направлением, которое обнаруживается в форме сект и заключается квакерством, существует направление политическое, первой случайной формой которого является движение левеллеров, между тем как основные идеи этого направления, в качестве деятельных факторов, продолжают существовать в политической жизни современности» (ibid. стр. 75). Очень полное описание сект первых времен революции дает Массон в своей книге «Fife and Time of John Milton», III, стр. 142—159; на 15 и следующих страницах тома того же сочинения имеется характеристика сект в эпоху протекторства. Много материала, но только в узко-буржуазном освещении, дает Роберт Беркли, в своей книге «The Inner Life of the Religious Societies of the Commonwealth» Лондон, 1876 г.

кого им вздумается, они совершенно лишили сенат голоса. Возражают, что епископат представляет собой не то, что указано в священном писании, он (Уоллер) не оспаривает этого, однако—

«Однако я уверен, что, когда потребуют равного распределения земли и имущества, для доказательства справедливости этого требования будет проводиться столько же цитат из библии, сколько теперь приводится против духовенства и церковных доходов. Что же касается злоупотреблений, то в противовес приводимым в «Ремонстранции» рассказам о том, что терпел тот или иной бедняк от епископов, вам могут привести тысячи примеров таких же бедных людей, жестоко потерпевших от лэндлордов, тысячи рассказов о светских имуществах, которые употреблялись во вред другим и в ущерб своим собственникам». Поэтому, по мнению Уоллера, палата должна успокоить взволнованные умы решением реформировать, но отнюдь не упразднить епископат. (См. биографию Уоллера в книге Самуила Джонсона, Lifes of the Poets). Как видно, мудрость современных консервативных государственных деятелей, пользующихся для охраны критикуемых учреждений то красным призраком, то рассказами о злоупотреблениях в других учреждениях,—уже очень стара. Кстати Эдмунд Уоллер похоронен в Биконсфильде, где находится могила другого, не менее талантливого перебежчика, Эдмунда Берка. Дизраэли—родственный обоим политический и литературный гений, заставил дать себе дворянский патент с именем той же местности *).

Вернемся теперь к изложению событий.

В январе 1645 года Лильбурн опубликовал открытое письмо, в котором он защищал сектантов и горячо нападал на тиранию духа у пресвитериан. Письмо это было ответом на памфлет его прежнего учителя и предшественника Принна**), который исполнен был пресвитерианского духа преследования. Это письмо по настоянию Принна было об'явлено парламентом «шутовским, клеветническим и революционным». Против Лильбурна за это письмо возбудили уголовное преследование, а когда он в другом памфлете вздумал критиковать это преследование, его самого, по постановлению парламента, арестовали в июле 1645 г. В парламенте и среди купечества Сити пресвитериане составляли большинство, но зато в широкой массе лондонских граждан Лильбурн, между прочим горячо восставший против еще продолжавшейся продажи монополий крупным купцам, был слишком популярен, чтобы с ним можно было обращаться по произволу. Депутация граждан напоминала парламенту заслуги Лильбурна в «борьбе против тирании прелатов и придворных паразитов». Парламент обещал, что Лильбурна будут судить по всей справедливости и назначил для его содержания до постановления приговора 100 фунтов стерлингов. Депутация однако не удовлетворилась этим и кой кто из наиболее горячих сторонников Лильбурна замышляли, повидимому, нападение на тюрьму, в которой он содержался. Узнав об этом замысле,

*) Поэт Уоллер выразил словами то, что у многих было на уме. В мае 1646 года депутация от двух тысяч жителей графств Букингамшира и Герфордшира подала парламенту петицию об отмене десятины. Эта петиция не нашла себе поддержки, и депутацию отправили во свояси, с отеческим наставлением убираться и повиноваться законам божеским и законам королевства, которых они не понимают. «Некоторые члены (парламента) заметили, что арендаторы, желающие теперь избавиться от десятины, скоро захотят также избавиться от арендной платы. Девять десятых доходов отдаются лэндлорду на основании тех же законов, как и десятина духовенству». (Gardiner, History of the Great Civilwar, III, стр. 124). Какой свет бросают эти документально засвидетельствованные речи на историю той революции!

**) В некоторых сочинениях этой эпохи Лильбурна называют бывшим служащим Принна, но это может относиться только к зависимости Лильбурна от него, как от политического вождя.

Лильбурн решительно отверг его. В октябре, когда должно было разбираться дело Лильбурна, парламент, вследствие постоянно поступавших к нему петиций, и приняв в соображение продолжительное предварительное заключение, велел освободить его. Палата находилась не в особенно приятном положении. Правда, короля нечего уже было бояться. После битвы при Нэзби он потерял уже всякую надежду на победу оружием и снова вступил в переговоры. Но войско Кромвеля состояло почти исключительно из индепендентов; значительная часть лондонского населения была на их стороне, и если бы не удалось обуздать этот неудобный беспокойный элемент, требовавший реформ «от корня до вершины» («root and branch»), то плоды побед могли бы быть потеряны. На индепендентов все чаще стали посматривать, как на врагов.

Поэтому Лильбурн недолго наслаждался своей свободой. Насчет его отношения к парламентскому большинству не могло быть никакого сомнения. За несколько дней до освобождения он опубликовал против этого большинства две очень резкие статьи, самое заглавие которых уже показывает, каково их содержание и направление. Первая статья носила название «Защита природных прав Англии против всякой произвольной узурпации, королевской, парламентской и всякой другой, под какой бы маской она не обнаруживалась, с добавлением различных щекотливых вопросов, замечаний и жалоб народа и об'яснения, что теперешние мероприятия нашего парламента прямо противоречат основным принципам, оправдывавшим в начале его действия против короля». Общее заглавие второй статьи следующее: «Достойная сожаления тирания Англии, последствие произвола, жестокости и роскоши парламента, жадности, честолюбия и непостоянства священников, глупости, беспечности и трусости народа».—Получив свободу, Лильбурн сделался постоянным посетителем собраний лондонских индепендентов, а на этих собраниях постоянной темой разговоров тогда уже служил аристократический характер нижней палаты. Прошу теперь читателя вспомнить, что говорилось во 2-й главе о составе нижней палаты и об ее избирателях. В смысле последнего, положение дел как в деревне, так и в городе значительно ухудшилось; теперь, когда избирательное право приобрело уже известное значение, люди лишенные его не только по первоначальному смыслу закона, сколько по традиции, чувствовали себя обойденными. Ибо в городах избирательное право распространялось только на членов корпораций, иногда даже на одних только старшин корпораций, а в деревнях—на меньшинство собственников. Большие несообразности получались также в отношении величины представляемых городов и местечек; отставшие в своем развитии или пришедшие в упадок города и местечки имели такое же представительство, как крупные торговые и промышленные центры.

В это самое время суд лордов в постановил, что суд звездной палаты над Лильбурном был незаконный и что Лильбурн должен быть вознагражден за причиненную несправедливость. Вероятно в виду этого он в ту же зиму женился и завел собственное хозяйство. Но уже 14 апреля 1646 года его снова арестовали. Лильбурн, и не только он один, обвинил пресвитерианского офицера, полковника Эдуарда Кинга, в том, что он своею преступной и намеренной медлительностью дал возможность королевским войскам занять некоторые укрепленные места. Но Кинг имел большие связи в парламенте, так что против него не удалось возбудить судебное преследование, он сам обвинил Лильбурна в злонамеренной клевете и добился того, что его подвергли предварительному заключению.

Это дело разрослось для Лильбурна в целый ряд процессов и преследований, о которых мы скажем здесь лишь самое необходимое. Лильбурн делал судебным властям и парламенту заявления, в которых доказывал незаконность принятых против него мер и требовал отмены

их; но в одном из этих заявлений, которое он выпустил в виде памфлета, под заглавием «Оправдание правого человека», он упоминал о предательстве экс-генерала, лорда Манчестера. Последний сделался между тем спикером палаты лордов; поэтому Лильбурн, вместо требуемой им защиты закона, получил приглашение отвечать перед лордами за свои нападки. Его несколько раз призывали к допросу в палате лордов, но он упорно отказывался отвечать им и тем более становиться перед ними на колени, ибо по его убеждению он не подлежал их юрисдикции в уголовных делах; он несколько раз жаловался на них, как на «превышающих свои права, и самовольно присваивающих себе права судей», обращаясь при этом к своим «компетентным, законным и справедливым судьям, заседающим в парламенте представителям общин Англии». Но прежде, чем последние пришли к какому-нибудь решению, лорды, 10 июля, приговорили Лильбурна к уплате денежного штрафа в 2000 фунтов стерлингов, к лишению права занимать когда-либо какую бы то ни было должность, и к семилетнему заключению в Тоуэре. На обращение с ним в Тоуэре ему в общем не приходилось жаловаться; в этом отношении по крайней мере новое правительство выгодно отличалось от старого. Но зато тюремные служащие подвергали заключенных вопиющей эксплоатации.

Лильбурна, однако, даже и в тюрьме нельзя было заставить замолчать. Он и его друзья непрестанно осаждали палату общин просьбами и требованиями восстановить его в правах, и в конце 1647 года добились таки его освобождения под залог. Он воспользовался своей свободой для всевозможных видов агитации и между прочим посещал местности, где были расположены известные части войск, в которых у него были друзья. Ниже мы увидим, что его туда привлекло. Настроенный против него враждебно священник донес, что он принимал участие и говорил на митинге, на котором было решено распространить тридцать тысяч экземляров написанного несомненно самим Лильбурном летучего листка, озаглавленного следующим образом: «Серьезная петиция многих свободнорожденных граждан этой нации». Благодаря этому доносу Лильбурну об'явили, что он потерял право на снисхождение, и ему пришлось вернуться в Тоуэр.

Эта петиция является одним из самых замечательных документов английской революции. Вообще следует сказать, что составление петиций и агитация в их пользу, были одним из главнейших средств пропаганды в революционную эпоху, и в петициях отразилась значительная часть истории этой революции. В названной здесь петиции Лильбурн, повторяя употреблявшееся им уже раньше в другом памфлете выражение, называет палату общин «высшим авторитетом нации». Такое провозглашение суверенности выборного народного представительства казалось тогда настолько дерзким, что парламент 29 мая девяносто четырьмя голосами против восьмидесяти шести постановил сжечь этот памфлет рукой палача, потому что он подвергает сомнению справедливость существующего государственного устройства. Впрочем этот памфлет «подвергал сомнению» еще очень многое другое: десятину, торговые монополии и другие злоупотребления, а также всю организацию судебного дела. Недостатки последней в памфлете подвергаются резкой критике, причем энергично требуется коренная реформа как судопроизводства, так и самих судебных установлений.

Друзья и приверженцы Лильбурна среди лондонского населения с своей стороны также не бездействовали. Они подавали одну за другой петиции относительно его и наконец, когда 1 августа 1648 года снова «десять тысяч лондонских граждан, мужчин и женщин» подали петицию, прося освободить Лильбурна или подвергнуть его законному суду, они

добились того, что обе палаты пришли к соглашению между собою, освободили Лильбурна и отменили наложенный на него штраф. Следует однако оговориться, что такая уступчивость по отношению к «народной воле» имела свои особые причины.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

РАСПАДЕНИЕ ИНДЕПЕНДЕНТОВ НА ЛЕВЕЛЛЕРОВ И «ДЖЕНТЛЬМЕНОВ».

Между тем во взаимных отношениях парламентских партий, а также в их отношениях к королю и к армии произошли существенные изменения. Иные противоречия сгладились, иные обострились.

Карл I весною 1646 года бежал в шотландский лагерь, но был выдан шотландцами его противникам в Англии, которые заключили его сначала в замок Гольденби или Гольмби в Нортгамптоншире. Сидя там, он старался воспользоваться поочередно то парламентом против армии, то армией против парламента. Армия представляла собой организованную демократию страны; главную массу ее составляли крестьяне и ремесленники *); вождями после ухода пресвитерианских генералов, были частью возвысившиеся крестьяне и ремесленники, частью же радикальные элементы имущих классов. Хотя между последними и массой армии уже обнаружились кой-какие разногласия, все-таки у них был один общий интерес, вражда к парламенту, в котором большинство составляли землевладельцы и крупная буржуазия. Как только король лишен был возможности вести борьбу вооруженными силами, у большинства в парламенте быстро исчез энтузиазм к собственному победоносному войску, строптивость которого была известна, и которому уже почти целый год не платили жалованья. Парламент постарался уничтожить влияние войска, распустив часть полков и распределив остальные по различным местностям. Но как вожди, так и солдаты заметили, к чему это клонится, и провозгласили себя самостоятельным учреждением. Солдаты создали себе глубоко демократический институт «агитаторов». Карлейль, а вслед за ним и другие говорили, что это слово, впервые упомянутое в адресе Ферфаксу, помещенном 29 мая 1647 года, произошло от неправильно написанного слова «ад'ютатор», но они были совершенно неправы. В тех случаях, когда вместо агитатор написано ад'ютатор — это действительно результат неверного правописания. Слово агитатор происходит от «agitate« вести чьи либо дела, и первоначально имело такое же значение, какое в настоящее время имеет делегат, доверенное лицо. (Ср. Р. С. Гардинер, I. с., III. стр. 243 и след.). Во всяком случае агитаторы были скорее агитаторами в современном смысле слова, нежели просто «ад'ютаторами» высших офицеров. Это были агенты простых солдат, и как таковые, под влиянием Лильбурна, никогда не прерывавшего сношений с ними, очень сильно воздействовали на ход событий.

Офицеры и генеральный штаб волей неволей должны были признать новый институт. Они пришли к соглашению с солдатами, причем было решено, что от каждого полка будут избирать двух агитаторов, которые могут быть избраны только из рядовых или унтер-офицеров. Вместе с офицерами, выбиравшимися также по два от каждого полка; эти агитаторы должны были составлять «совет армии». Долгие переговоры конституировавшегося таким образом совета с парламентом не привели к же-

*) В статье, появившейся в 1677 году под заглавием: «Reasons for a limited exporlation of wooll», и помещенной Смитом в Chronicon Rusticum, I, стр. 257, указывается на то, что особенно рабочие шерстяной промышленности, ткачи и т. д. поставляли в армию большой контингент солдат.

ланному результату. Тогда произошло громадное собрание армии на лугу, возле города Ньюмаркета. («Свидание на Ньюмаркет-Гите»). Там 4 июня 1647 года торжественно решено было выпустить манифест, в котором провозглашалось, что армия не наемное войско, нанятое для того, чтобы служить произволу государственной власти, но—я цитирую буквально— «свободные члены английского народа, собравшиеся и оставшиеся под оружием, с пониманием и сознанием необходимости защищать свои права и вольности, а также права и вольности всего народа». Далее в нем говорилось, что офицеры и солдаты обязываются подписью своею не расходиться и не позволять дробить себя на полки и отдельные отряды, пока они не будут уверены, что «мы, как граждане государства и все остальные свободно-рожденные члены английского народа, не будем впредь подвергаться такому гнету, таким насилиям и злоупотреблениям, как до сих пор».

Еще гораздо большая демонстрация в том же духе состоялась шесть дней спустя на Triploe Heath близ Кембриджа. На эту демонстрацию собралось 21.000 человек. Все от офицеров генерального штаба до последнего рядового единогласно решили не позволять дальше отделываться от себя пустыми разговорами и отправились в Сент-Альбанс, ближе к столице. Парламент ответил на это прокламацией, в которой говорилось, что оставившие армию сполна получат свое жалованье и, смотря по желанию, деньги на дорогу либо в Америку, либо в ирландскую гарнизонную армию. Затем парламент учредил «комитет безопасности», вступивший в соглашение с вождями милиции Сити, с целью организации вооруженного сопротивления армии. Ученики Сити, вместе с уволенными солдатами («Reformadoes»), моряками и другими, с молчаливого согласия пресвитериан Сити, 26 июля проникли в парламент, отрезали вход в него членам-индепендентам и вынудили у пресвитерианского большинства враждебную армии резолюцию. Вслед за этим армия 7 августа 1647 года заняла Лондон, «чтобы защитить парламент». Одиннадцать пресвитерианских депутатов, проявивших особенное рвение при проведении направленных против армии резолюций и мероприятий, исключаются из парламента и восемь из них отправляются в изгнание. Затем, 20 августа, Кромвель *), «держа руку на сабле», добился резо-

---

*) Он присутствовал в некоторых заседаниях парламента и сам слышал речи вождей пресвитерианского большинства против армии. «Эти люди не уйдут, пока армия не вытащит их отсюда за уши»—эти слова будто бы прошептал Кромвель на ухо сидевшему рядом с ним Эдмунду Лудлоу. Не следует забывать, что парламент присвоил себе право заседать сколько ему вздумается. По всему положению вещей было вполне естественно, что армия, одержавшая для парламента победу, воспротивилась теперь его поползновениям на самодержавие. Послание парламенту от 10 июля 1647 года, подписанное Кромвелем и двенадцатью другими представителями армии, было написано в черезчур умеренном тоне и признавало за парламентским пресвитерианским большинством больше прав, чем следовало. Это большинство хотело однако овладеть положением и вызвало этим изгнание одиннадцати своих коллег.

Внезапный переход «учеников» на сторону парламентского большинства имел достаточные причины. 8 и 17 июля парламентское большинство, уступая непрестанным петициям учеников, петициям о какой нибудь замене отнятой у них пуританским празднованием воскресенья возможности развлечься играми и т. под., постановило, что каждый второй вторник в месяце, после выполнения абсолютно необходимых работ, будет праздноваться школьниками, учениками и служащими («servants»), к которым относились также и рабочие. Это постановление очевидно было сделано только с целью купить временную поддержку «учеников», и эта цель, как мы видели, была достигнута. Впрочем, ученики Сити оказались весьма удобными преторианцами, когда нужно было вместе с парламентским большинством, солидарным с почтенным купечеством, при молчаливом одобрении милиции Сити, демонстрировать и шуметь против парламентского меньшинства. Но когда надо было противопоставить наступавшим опытным полкам армии хоть

люции парламента, отменяющей резолюцию, принятую в то время, когда палата была терроризована. Согласно этой же резолюции должны быть арестованы те из числа членов палаты, участвовавших в заседаниях происходивших под давлением террора, которые поддерживали последний или делали попытки провести упомянутые выше резолюции. Это заставило самых горячих пресвитериан в течение долгого промежутка времени не показываться в парламент, так что перевес в палате постепенно стал переходить к индепендентам.

Армия до поры до времени отступила в предместье Путней для наблюдения за дальнейшими событиями. До сих пор все шло хорошо. Однако, после временной победы над парламентом, противоречия в лагере индепедентов стали принимать более определенную форму. В начале июня король был перевезен драгунским отрядом под командой «агитатора» прапорщика Джойса, в полку полковника Валлея, из замка Гольмби в Ньюмаркет. Ходили слухи, будто это было сделано по тайному поручению Кромвеля, но повидимому, уверения Кромвеля, что он не давал подобного поручения, до известной степени соответствуют истине. Вероятно Кромвель согласился послать в Гольмби надежных солдат для того, чтобы держать короля в своих руках и не допустить похищение его шотландцами, ведшими себя тогда уже крайне двусмысленно. Возможно, что агитаторы сочли наилучшей мерой для охраны Карла перевод его в непосредственное соседство армии, и собственной властью превысили приказ. Во всяком случае никто не переделал сделанного. Когда армия стала приближаться к Лондону, местопребывание короля также постепенно переносилось все ближе к столице, и в конце концов Карла поселили в построенном кардиналом Ульсеем замке Гамптон-Корт, возле Лондона. Но вместо того, чтобы прекратить теперь интриги, Карл стал заниматься ими больше прежнего. В парламенте, после ухода отчасти изгнанных, отчасти вышедших добровольно пресвитерианских крикунов *), индепенденты и пресвитериане имели приблизительно равные силы, но последние теперь горели желанием заключить с королем компромисс. Это заставило индепендентских вождей армии с своей стороны также вступить в переговоры с королем, чтобы предупредить возможное предательство пресвитериан. Карл широко использовал свое благоприятное положение. На интриги он всегда был мастер, а лгать и обманывать, если это могло только принести выгоду, он тоже никогда не задумывался. Из перехваченных впоследствии писем оказалось, что он готовил для Кромвеля петлю, а при сношениях с ним делал вид, будто предназначил его на высшую почетную должность. Он старался склонить в свою пользу партии, вступившие с ним в переговоры, неопределенными обещаниями, которые он каждую минуту мог взять назад, и без зазрения совести вел переговоры то с Кромвелем и его зятем Айртоном, то с английскими и шотландскими пресвитерианами, то с ирландскими католиками, чтобы иметь возможность, смотря по обстоятельствам, воспользоваться теми или другими против остальных. Он завел себе в Гамптон-Корте настоящий двор, обращался с лондонскими гражданами, тысячами приходившими

какое нибудь серьезное противодействие, тогда поддержка учеников, также как поддержка милиции и наскоро навербованных перебежчиков из армии оказалась совершенно недостаточной. Парламент сделал смотр этим «войскам», убедился в их жалком состоянии и поэтому, вместе с Сити, решил уступить, не обменявшись ни одним выстрелом.

Любопытно однако, что прошло свыше двухсот лет прежде, чем английский парламент (в Bankholiday Act 1871 г.) гарантировал служащим и рабочим и т. д. треть праздничных дней, которые во время революции сочли нужным установить даже пресвитерианские пуритане.

*) Остальные роялисты уже в 1644 году, когда Карл созвал анти-парламент в Оксфорде, покинули Вестминстер.

к нему, с изысканной любезностью, и, таким образом, с каждым днем усиливал свое влияние.

Солдаты и другие более радикальные элементы армии смотрели на все это с возрастающим озлоблением. Для того ли они в бесчисленных битвах сражались с чужими наемными войсками Карла? В борьбе с последним они жертвовали жизнью и всем своим достоянием, а теперь их вожди обменивались с ним любезностями и терпели, что ему, побежденному, оказывали почет победители. Как фальшива была игра, которую вел Карл, это они также мало могли знать, как и их вожди, но они ясно видели, какую цель он преследует, и что их вожди играют крайне неумело и готовы изменить своему делу не то из нерешительности, не то из честолюбия. «Бросалось просто в глаза,—писал Лильбурн в сочинении, о котором мы будем говорить еще ниже,—как они (генералы и проч.) нянчились с Карлом в Гамптон-Корте, как они посещали его сами, как позволяли посещать его тысячам людей, которые целовали ему руки, и на которых он умел влиять, благодаря чему его партия в Сити и в других слоях очень приободрилась, и как его агенты в главной квартире армии чувствовали себя не хуже, чем при дворе». В армии иронически стали говорить о «господах индепендентах—the gentlemen indepedents» и «грандах» армии, в противоположность к честному имени существительному солдат»—the honest nounsubstantive soldiers»—как называли себя в войске крестьяне и ремесленники. Последних же, или вернее, их вождей, «гранды» армии с своей стороны упрекали в том, что они мятежные уравнители—«левеллеры».

«Когда стали обнаруживаться истинные намерения его величества, в армии образовалась ужасная «партия переворота», класс людей требовавших наказания не только для обыкновенных преступников и мошенников, вовлекших нацию в кровавую войну, но также и для «главного преступника». Если караются мелкие преступники, почему же остается безнаказанный главный? Это класс людей, которые не понимают шуток, для которых королевская мантия не является непроницаемой стеной, которые, наконец, видят, что за королевской мантией скрывается человек ответственный перед Богом»*).

В конце концов недовольство настолько усилилось, что даже среди офицеров оказалось значительное число людей, недовольных политикой вечных переговоров и проволочек. «Агитаторы» составили республиканско-демократический манифест, который озаглавили: «Народный

---

*) Carlyle, Oliver Gromvell's Lettres and Speeches, примечание к письму 41. В письме 79, помеченном 25 ноября 1648 года, Кромвель сам впервые упоминает о левеллерах. Письмо это адресовано его другу, полковнику Роберту Гаммонду, и написано с целью разсеять его сомнение относительно участи короля. Говоря о левеллерах, Кромвель делает следующее характерное признание: «Не думаешь ли ты, что этот страх перед левеллерами (которых нечего бояться), страх, что они устранят дворянство и т. д., заставил многих дать подкупить себя и одобрить заключение такого гибельного, лицемерного договора? (намек на компромисс с королем, заключенный пресвитерианами в то время, когда Кромвель находился на севере). Разве это не повлияло на многих в сущности хороших людей? Я не хочу утверждать, что то, чего они боятся, произойдет с ними, но если это все-таки случится, они будут виноваты сами. Разве некоторые из наших друзей, увлеченных своими пассивными теориями... не пренебрегли тем, что хорошо и справедливо, разве они не пришли к выводу, что народ божий одним способом может достигнуть столько же благ, если не больше, сколько другим. Ждать добра от этого человека, против которого свидетельствовал сам бог и которого ты знаешь! Неужели же это их истинное внутреннее убеждение, или им это внушено извне, насильно?»

Из дальнейшего текста явствует, почему Кромвель в тот момент думал, что левеллеров нечего бояться, если только будет вестись достаточно твердая политика.

договор на основе всеобщего права, заключенный для об'единения всех, лишенных предрассудков людей». С тех пор народный договор—«Agreement of the people»—сделался паролем всех «левеллеров». В этом народном договоре заключались уже почти все политические и экономические требования, изложенные в манифесте левеллеров, изданном весною 1649 года под тем же заглавием, о котором мы будем говорить еще ниже. «Народный договор», также как и другой манифест агитаторов, озаглавленный «дело армии» («The case of the army»), и жестоко критикующий бесзастенчивое разграбление парламентом конфискованных церковных земель, и тому подобные злоупотребления, были об'явлены парламентом мятежными, а авторы их достойными наказания. Генеральный штаб вступил в переговоры с авторами манифеста, несмотря на то, что они нападали на него не меньше, чем на парламенсткое большинство. Он не мог круто расправиться с левеллерами, тем более, что некоторые высшие офицеры открыто симпатизировали им. Полковники Ренсборо и Прайд, памятуя свое плебейское происхождение,—один из них до поступления в армию был извозчиком, другой портным,—были, напр., сторонниками всеобщего избирательного права, между тем как Кромвель и другие считали рискованным даровать избирательное право людям, не «заинтересованным в делах страны», т.-е. не обладающим ни землей, ни общественным положением. С другой стороны, Кромвель не мог еще открыто выступить против королевской власти, пока сам вел переговоры с королем. Словом, переговоры, известные под названием «путнейской конференции», кончились ничем. Недовольство и взаимное недоверие все увеличивались, и «агитаторы» в конце концов стали угрожать, что они примут энергичные меры на свой собственный риск и страх *).

Королю атмосфера стала казаться слишком тяжелой. 11 ноября 1647 года он, якобы вследствие доноса о заговоре левеллеров на его жизнь **), тайно покинул Гамптон-Корт и отправился на остров Уайт, губернатор которого, уже упомянутый выше полковник Гаммонд, поместил его в замок Керсброк. По мнению левеллеров, это бегство короля устроили генеральный штаб, «гранды» армии и, главным образом, Кромвель, для того, чтобы иметь возможность незаметно и без помехи вести

---

*) Один из приверженцев левеллеров, майор Джон Уайльдман, издал в 1647 году под псевдонимом «Джон Лоумонд» памфлет Putney Projects or the old Serpentin a new f[illegible], в котором события изображены в том свете, в каком они представлялись радикальной части армии. Он заключает в себе озлобленные нападки на Кромвеля и показывает полную несправедливость упреков, высказанных пресвитерианами и подхваченных всеми почти историками, будто Кромвель был тогда заодно с радикальными агитаторами. Очень яркий и при том в высшей степени интересный свет бросают на эти переговоры лишь недавно открытые и опубликованные «Camden Society» документы «Clarke Papers»,—воспоминания офицера, служившего секретарем совета армии. Особенно интересен приведенный там (т. I, стр. 226—363) протокол конференции совета армии, состоявшейся 28 и 29 октября под председательством Кромвеля в путнейской церкви. На этой конференции присутствовали левеллеры и радикальные агитаторы, и на ней обсуждался, между прочим, договор Argeement), составленный левеллерами. Кромвель сразу стал приводить против него оппортунистические аргументы. В нем, правда, высказано много справедливых мыслей,—говорил он,—но могут ведь прийти другие люди и тоже составить программу, могут прийти третьи еще с новой программой, и это может повести к большой смуте. «Разве Англия тогда не уподобилась бы Швейцарии, разве один кантон не восстал бы против другого, одно графство против другого». Неизвестно еще, приготовлена ли страна ко всему этому? следует подумать о последствиях и выяснить пути и срдства для достижения желаемого. «На пути к этому окажутся очень большие препятствия». На другой день речь зашла о всеобщем избирательном праве, причем обнаружились упомянутые в тексте противоречия.

**) Доносчиком был, будто бы, младший брат Лильбурна, Генри. Ср. стр. 49.

переговоры с королем. Однако, письма, написанные Кромвелем в ту эпоху, показывают, что это подозрение было довольно неосновательно. Во всяком случае, недоверие уже успело зародиться; его разделяли даже некоторые из высших офицеров. Агитаторы и солдаты, приобретавшие все больше сторонников, грозили восстанием, если правительство не возьмется за проведение народного договора. Лильбурн, пользовавшийся в то время сравнительной свободой передвижения и бывший если не автором «народного договора», то во всяком случае одним из его составителей, изо всех сил поддерживал это настроение. Он пользовался значительным влиянием в армии, памфлеты его усердно читались последнею и солдаты, по словам отчета, представленного весной 1647 года палате лордов, «цитируют их, как государственные законы». (Гардинер, III, стр. 237). В другом документе, сообщенном Гардинером (I с. стр. 245), говорится: «Вся армия — это как будто один Лильбурн; она больше склонна издавать законы, чем принимать последние от других» *). Целые полки, как, например, конный полк брата Лильбурна—Роберта—и пехотный полк полковника Гаррисона, фанатического приверженца «пятого царства», горячо ратовали за этот договор. Ненадежных агитаторов при выборах проваливали и вместо них выбирали решительных республиканцев. Кромвель, который это, конечно, заметил и которому было даже донесено, что Лильбурн и другой левеллер, упомянутый уже выше Джон Уайльдман, хотели устранить его, убив, как изменника, понял опасность положения и увидел, что этой агитации нужно каким-нибудь образом противодействовать. Он долго колебался, вероятно, боясь привлекать Карла к личной ответственности и не имея законных средств сделать это; но армия все громче требовала «справедливости», а восстание большей части армии было худшее, что могло случиться с Кромвелем и его партией. Без армии они представляли в парламенте беспомощное меньшинство, ибо, несмотря на изгнание пресвитерианских вождей, их уже 13 октября снова победили при троекратном голосовании вопроса об об'явлении пресвитерианства государственным установлением; с другой стороны, перехваченное Кромвелем и Айртоном письмо Карла показало им, каковы истинные намерения последнего по отношению к Кромвелю. Надо было действовать, и Кромвель энергично принялся за дело. Были назначены три собрания от различных полков; первое на 15 ноября в Каркбушфильде возле Вара, вблизи Гертфорда (приблизительно в 25 километрах от Лондона). На это первое собрание были, будто бы намеренно, созваны именно самые спокойные полки; можно было ожидать, что высказанные ими взгляды не преминут повлиять на более спокойные элементы. Если тут был действительно рассчет, то он оказался довольно верен, остальное довершила энергия и импонирующее поведение Кромвеля, как вождя.

Значительная часть солдат и многие из офицеров, собравшихся в Варе, как эмблему своих убеждений, носили на шапках экземпляры «народного договора» с эпиграфом: «Свобода народу, права—солдатам». Надо сказать, что кроме полков, подчинявшихся дисциплине, прибыли в Вар также всадники Роберта Лильбурна и пехотинцы Томаса Гаррисона, а также выдающиеся левеллеры из других полков. Джон Лильбурн, полковник Ренсборо, один из самых храбрых вождей, особенно отличившийся при взятии Бристоля, майор Скот и другие республиканцы переезжали от одного отряда к другому и убеждали солдат быть стойкими, потому что дело идет о свободе. В рядах войска

*) «Ибо он—агитатор—постоянно держит в одной руке меч, а в другой одно из посланий Лильбурна, которое он считает весами, предназначенными для взвешивания людей в этом и будущем мире». Из опубликованного в марте 1648 г. роялистского сочинения: «The Agitator anatomised, or the Charakter of an agitator».

раздавались крики, не предвещавшие для Кромвеля ничего хорошего. Последний, однако, сумел вполне овладеть положением; вместе с Ферфаксом и другими членами генерального штаба он поехал вдоль фронта сначала более умеренных, а затем и всех полков. При этом читалась «ремонстранция», заключавшая в себе опровержение пред'явленных агитаторами обвинений и выяснявшая солдатам необходимость взаимной поддержки всех членов армии, если они хотят, чтобы их требования, которые являются также требованиями генералов, осуществились. Тон и содержание «ремонстранции», а также дававшиеся в ней обещания, имели большой успех у солдат, и последние обещали подчиниться дисциплине. Затем Кромвель добрался до полка Гаррисона. Этот полк также спокойно выслушал ремонстранцию и, в виду данных ему обещаний, согласился снять с шапок эмблемы, которые были названы Кромвелем «мятежными». Всадники Лильбурна повели себя иначе. Они встретили Кромвеля и Ферфакса вызывающими криками и прерывали последнего, когда он читал «ремонстранцию», ироническими замечаниями. Тогда Кромвель выехал вперед и сказал: «Снимите бумажки с шапок!» В ответ на это раздались крики: «Нет, нет!» Но Кромвелю не было уже надобности пускаться в переговоры. Сопровождаемый другими офицерами, он в'ехал в самую средину мятежников и собственноручно сорвал с шапок значки у солдат, частью смущенных, частью боящихся оказывать физическое противодействие человеку, предводительствовавшему ими в стольких битвах. Четырнадцать человек, обнаруживших особенную строптивость, Кромвель велел вывести из строя, как мятежников. Состоялся военный суд, и трех из обвиняемых приговорили к смертной казни. Двое из них были освобождены по жребию, а третий, Ричард Арнольд, был казнен согласно приговору.. Относительно майора Скота и капитана Брая, выступивших на защиту мятежников и назвавших казнь Арнольда нарушением Petition of Rights (ибо в ней содержалось требование отмены военного суда), парламент, по настоянию Кромвеля, издал приказ об аресте.

Так была подавлена эта первая попытка восстания. Два других собрания прошли без всяких инцидентов. Солдаты, державшие руку левеллеров, всюду, для сохранения единодушия в борьбе с общим врагом, решили принести жертву и покориться. Однако недовольство было только подавлено, но не исчезло. Память Арнольда, как мученика за правое дело, очень чтилась, и при каждом новом столкновении раздавалось требование искупить его «невинно пролитую» кровь. Огонь тлел под золой, чтобы при первом удобном случае разгореться с новой силой.

Кромвель с своей стороны действовал так по необходимости. С недисциплинированным войском невозможно было держать пресвитериан в парламенте и вне его в послушании. Им, также как и роялистам, все снова и снова собиравшимися с силами, войско должно было противостоять, как об'единенная сила. Поэтому Кромвель в следующие месяцы снова занялся всевозможными изменениями в его организации, удаляя из него по мере возможности все непокорные и ненадежные элементы. С другой стороны Кромвель и его друзья провели в парламенте резолюцию, что королю не должны быть подаваемы никакие адреса, и что ни один член обеих палат, без разрешения последних, не имеет права поддерживать какие либо сношения с королем. Тем не менее положение Кромвеля и его сторонников было очень незавидно. Брожение происходило всюду. «Король, с которым невозможно вести переговоры, сидящий в Керсброке и представляющий собою центр надежд всех недовольных, а также целой сети интриг, распространяющихся даже за границу, — вот первый элемент; большая роялистская партия, с трудом побежденная, но каждую минуту готовая снова подняться,—вот второй элемент; большая пресвитерианская партия, во главе с лондонским Сити—«казначеем всего дела», очень

недовольная оборотом, которые приняли обстоятельства, с отчаянием придумывающая новые комбинации и жаждущая новой борьбы,—таков третий элемент. К этому нужно еще прибавить безрассудную, мятежную, республиканскую или левеллерскую партию. Кроме того, не следует забывать, что в занятиях палаты общин принимало участие только семьдесят человек, расколовшихся при том же на две приблизительно равные группы, между тем как остальные члены не принимают участия в занятиях и ждут, что выйдет из этой истории—из внутренних несогласий и надвигающейся шотландской армии».

Такова картина тогдашнего положения дел, как ее рисует Карлейль, и в общих чертах она верна. Он только забывает добавить, что это положение дел наталкивало на политику, которой желала придерживаться «безрассудная и мятежная и т. д. партия». Кромвель сделал все от него зависящее, чтобы об'единить анти-роялистские элементы. Он пригласил к себе видных деятелей парламента и армии, отправился однажды вместе с ними на заседание Сити, чтобы привлечь на свою сторону его главарей, но ему не удалось достигнуть соглашения. Пресвитериане более радикального направления рассчитывали на своих друзей в Шотландии, где, между тем, одержала верх пресвитерианско-роялистская партия, собравшая сорокатысячную армию для вторжения в Англию. В апреле 1648 года, как раз на следующий день после посещения Кромвелем заседания Сити, в последнем вспыхнуло большое восстание «учеников», которое удалось подавить только на третий день. «Бог и король Карл»—таков был боевой клич бюргерских сыновей, к которым присоединились городские ремесленники, поденщики и проч. *). Но это было еще только начало. В мае пожар охватил всю страну. В Кенте, Эссексе и Уэльсе поднялись сторонники короля, а из Шотландии наступал вождь тамошних монархистских пресвитериан, маркиз Гамильтон, с сорокатысячным войском. Однако вожди индепендентов и их армии скоро овладели положением. На конференции вождей в Виндзоре они, укрепившись предварительно целым днем молитвы **), решили, если им удастся подавить восстание и вытеснить шотландцев, привлечь к ответственности за всю пролитую им кровь, за все причиненное им зло, «этого, кровожадного человека», Карла Стюарта. Это решение, сообщенное несомненно и армии, восстановило повидимому добрые отношения между нею и ее вождями. Все единодушно восстали против врагов «божьего дела». Ферфакс взялся покорить Эссекс и Кент, Кромвель отправился сначала в Уэльс, а затем навстречу шотландцам. Пока он был еще на севере, в Лондоне пресвитериане снова ободрились. В это именно время произошло упомянутое в конце прошлой главы освобождение Лильбурна, а затем, шесть недель спустя, решение парламента, согласно которому Лильбурну, вместо присужденной ему, в виде вознаграждения, денежной суммы, дарується ему гораздо более ценный участок конфискованной земли.

---

*) 1646—1651 годы были годами дороговизны. По словам Торольда Роджерса, 1648 год был самым тяжелым.

**) Подробное описание этой молитвы и последовавшего затем военного совета было опубликовано в 1659 году генерал-ад'ютантом Алленом, анабаптистом или, вернее, приверженцем «пятого царства». Просветление божие—рассказывает Аллен—привело их к сознанию, что «проклятые плотские конференции, которые мы вели в предыдущем году, под влиянием нашей воображаемой мудрости, наших опасений и нашего недостатка веры, с королем и его партией,—были равносильны отпадению от господа и заставили бога отвернуться от нас, вследствие чего и было принято упомянутое в тексте решение. А что было бы, если бы сохранить в народе эту религию?

Отсюда понятно, почему «honest John»,— так называл Лильбурна враждебный Кромвелю листок «Mercurius Pragmaticus»,—не высказывал ни малейшего желания заслужить знаки благожелательного отношения со стороны пресвитерианских парламентариев, относившихся к нему до тех пор крайне враждебно, усиленными нападками на Кромвеля *). Лильбурн был вовсе не таким мстительным человеком, каким его изображают почти все буржуазные историки. Выйдя из тюрьмы, он послал Кромвелю, через капитана и бывшего агитатора Эдуарда Сексби, письмо, в котором предлагает Кромвелю помириться, и вскоре после этого, во время путешествия на север, он даже сам побывал в лагере у Кромвеля. В упомянутом письме достойно внимания следующее место: «Хотя я за последнее время двадцать раз имел возможность отметить вам, еслиб желал мести за суровое заключение, во время которого чуть не умер с голоду **),—я отказываюсь от этого, тем более, что вы побеждены. Будьте уверены, что если я когда-нибудь подниму на вас руку, то это случится тогда, когда вы будете прославлены и покинете пути правды и справедливости. Если же вы решительно и беспристрастно захотите итти по этим путям, то я, несмотря на все ваши прежние жестокие мероприятия против меня, до последней капли крови ваш. Джон Лильбурн».

Это письмо, помеченное: «Вестминстер, 3 августа 1648 года, на второй день после моего освобождения», и напечатанное между прочим в 1663 году, в книге «Lieut.-Colonel Lilburne revived», было названо Спарлингом, в его труде о Лильбурне, актом рыцарского дон-кихотства. Но этот поступок можно назвать именно только рыцарским. Дон-кихотство в этом письме вряд ли можно найти. Не более удачно выражение Гардинера, который видит в этом письме проявление «забавного самодовольства», так как письмо вполне соответствует тогдашнему положению вещей. Только во второй половине августа 1648 года Кромвель, благодаря своим блестящим победам, снова одержал верх. Потерпел ли бы он поражение, затянулись ли бы только кампания—и в том и в другом случае это был критический момент как для него, так и для республиканской демократии. Поэтому нужно было использовать его щекотливое положение не для бесполезной мести, но для того, чтобы добиться от него каких-либо уступок левеллерам ***). Эта политика имела успех.

---

*) Одним из самых усердных сторонников освобождения Лильбурна был сэр Джон Менард, который в предыдущем году, по требованию армии, был принужден выйти из парламента. «Ну, вот теперь, когда честный Джон опять на свободе, мы скоро увидим господина спикера и главу Кромвеля у позорного столба, ибо честный Джон намерен померяться с ним силами и это, уверяю вас, не шутка»,—говорится в упомянутой статье листка «Merc. Pragm.»

**) Осенью 1647 года Кромвель, в палате общин, вместе с некоторыми другими требовал, чтобы комиссия, расследовавшая жалобу Лильбурна на противозаконный приговор над ним лордов, прежде чем постановить окончательную резолюцию, установила прецендент. Руководился ли Кромвель при этом желанием предотвратить слишком резкий вызов лордам, или желал воспрепятствовать преждевременному освобождению Лильбурна—вопрос нерешенный. Довольно того, что Лильбурн считал Кромвеля виновником того, что заключение его продлилось. Он возмущался поведением Кромвеля, тем более, что последний, за несколько дней до вышеупомянутого заседания парламента, посетил его в тюрьме и обещал ему свою поддержку, за что Лильбурн, в свою очередь, обещал отказаться от политики и уехать в Америку, как только будет установлено, что лорды не имеют права судить члена палаты общин.

***) Как раз в то время, когда Лильбурн счел нужным заключить мир с Кромвелем, доверенный последнего, майор Гентигдон перешел на сторону пресвитериан роялистов и опубликовал всевозможные разоблачения махинаций, яко бы затеянных Кромвелем. Лильбурн не колеблясь назвал Гентингдона подлецом. «Это трус,—писал он,—который лжет, когда ему выгодно лгать».

Лильбурн, правда, не поддался убеждениям Кромвеля снова вступить в армию, но, вернувшись в Лондон, заставил своих единомышленников отправить к Кромвелю депутацию, которая об'явила ему, что от него ждут содействия победе правого дела. «Война (гражданская) может быть оправдываема только как защита притязаний народа на справедливое правительство (при котором слава Господня равно будет осенять всех людей), и как средство достижения свободы при таком правительстве». Эта приписка заставила Кромвеля поручить своим друзьям в Лондоне, «джентльменам индепендентам», вступить в переговоры с левеллерами.

Несомненно, Кромвель нуждался в левеллерах не меньше, чем они в нем. Это было как раз в то время, когда парламент снова вел усиленные переговоры с королем и заключил с ним упомянутое выше соглашение, по которому парламент, в течение двадцати лет, должен был иметь право распоряжаться войском и офицерами, а пресвитерианская церковь, пока что, на три года была об'явлена государственной церковью. А диктатура парламента с пресвитерианским большинством, по многим причинам, была Кромвелю, пожалуй, еще более ненавистна, чем левеллерам. Их ненависть была принципиальная, если угодно, доктринерская, а ненависть Кромвеля была в значительной степени личного характера. Поэтому, когда левеллеры первые протянули ему руку примерения, он был совершенно прав, написав полковнику Гаммонду, что опасаться следует не левеллеров, а людей нерешительных и тех, кто хлопочет о компромиссе с королем (см. примечание на стр. 50). Возможно, конечно, что при этом Кромвель думал, что еслиб только удалось усмирить последних, то и первых не трудно будет удержать в руках при наличности строгой дисциплины. Ведь в Варе ему очень легко удалось усмирить «мятежников».

Но в то время армия была во всяком случае вполне надежна. 29 декабря в Донкастере толпа кавалеров, под вымышленным предлогом, проникла в жилище храброго и весьма популярного полковника Ренсборо и изменнически убила его. Это убийство показало всем, что пора предпринять что-нибудь серьезное против человека, который вызвал все это кровопролитие. 20 ноября из главной квартиры, находившейся в Сент-Альбансе, была послана в парламент, через полковника Эвера, ремонстранция, требовавшая, чтобы был наконец назначен суд над «главным преступником». Между тем как парламент еще обсуждал, следует ли вообще обращать внимание на эту непочтительную ремонстранцию, тот же полковник Эвер, согласно распоряжению генерального штаба армии, перевез короля из Ньюпорта в замок Герст, расположенный на южном берегу Англии, против острова Уайта, где короля стали держать под строгим присмотром. Ему оставили двух компанионов; одним из них был Джемс Гаррингтон, будущий автор «Оцеаны».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

БОРЬБА ЗА ДЕМОКРАТИЮ. «ОЧИСТКА» ПАРЛАМЕНТА. «НАРОДНЫЙ ДОГОВОР» ЛЕВЕЛЛЕРОВ.

Кромвель в то время был уже фактически главою армии, хотя Ферфакс и считался еще главнокомандующим. Прежде чем дело дошло до описанных выше событий, приверженцы его вступили в переговоры с левеллерами и вошли с ними в соглашение относительно условий временного союза. Нельзя сказать, чтобы дело обошлось особенно мирно. Лильбурн и его друзья отлично поняли данный им в Варе урок и не имели ни малейшего желания позволить джентльменам, хотя бы и на

время только, прибрать к рукам правительство, не получив предварительно каких либо гарантий. Джентльмены сделались чрезвычайно рьяными; они все были за «чистку», иные за насильственное распущение парламента и почти все за обезглавление короля. Но Лильбурн и левеллеры желали получить сначала некоторые гарантии для будущего, прежде чем давать свою поддержку. Они сознавали, что одна только победа армии не даст ничего существенного народу, и Лильбурн не преминул ясно и без обиняков дать понять это «джентльменам». В отчете о переговорах между джентльменами и левеллерами, точность которого в этом отношении ни кем не оспаривалась, Лильбурн в следующих выражениях резюмирует высказанные им взгляды.

«Правда, я считаю короля виновником многих зол, а многих из его сторонников дурными людьми, но армия (здесь подразумеваются, конечно, всегда руководители ее) обманула нас в прошлом году. Она тогда отказалась от своих слов и обещаний, и поэтому, совершенно естественно, не может пользоваться нашим доверием, пока не представит нам достаточных гарантий. Если, поэтому, мы даже будем считать короля таким же тираном, каким считаете его вы, если парламент будет казаться нам таким плохим, каким вы его выставляете, — все же, пока в стране нет иной власти, могущей составить противовес армии, кроме короля и парламента, в наших интересах поддерживать одного тирана в противовес другому, пока мы не узнаем точно, какие вольности даст нам тот тиран, который выдает себя за наиболее честного. Мы желаем иметь какую-нибудь опору, мы, насколько это в нашей власти, не желаем терпеть, чтобы армия подчинила своей воле и своему мечу правительство всей страны—чего, конечно, не потерпел бы ни один разумный человек, мы не можем допустить, чтобы в противовес армии не имелось какой либо власти или отдельного лица. Если бы мы это допустили, то быть может в будущем наше рабство сделалось бы худшим, чем оно было до сих пор; поэтому я энергично настаиваю на составлении народного договора и отвергаю всякую мысль обо всем остальном, пока договор не будет составлен. Таково не только мое личное мнение, но также, думается мне, единодушное мнение всх моих друзей, с которыми я поддерживаю постоянные сношения». (Приведено в сочинении Джона Лильбурна «The Legal Fundamental Liberties of the People of Enlagd Revived Asserted and Vindicated»).

Вполне понятно, что это сухое раз'яснение, в котором обнаруживаются часто повторяющиеся в истории английской демократии идеи, было совсем не по вкусу партии «грандов». Во-первых, оно им не понравилось высказанным в нем, по их мнению, совершенно неосновательным недоверием—по поводу которого они, по словам Лильбурна, «отчаянно горячились», а во-вторых потому, что оно могло повлечь за собой потерю времени. Однако левеллеры не дали убедить себя ни протестами, ни уверениями, будто гранды стремятся к тем же целям, что и они. Будучи более опытны, чем их приверженцы солдаты, они не уступали, пока не состоялся компромисс, согласно которому с каждой стороны должны быть избраны по четыре представителя для совместной выработки главных пунктов предполагаемого Agreement'a. Самые выборы в эту комиссию не обошлись без жестокого конфликта. Кроме Лильбурна, со стороны левеллеров членом комиссии был избран некто Вильям Вальвин, средних лет купец. Один из джентльменов индепендентов, Джон Прейс протестовал против его избрания, и это заставило Лильбурна гневно ответить, что в одном мизинце Вальвина больше справедливости и честности, чем во всем теле его противника. Затем Лильбурн добавил, что он лучше совсем откажется от участия в комиссии, чем

согласится заседать в ней без Вальвина. Этот инцидент, кончившийся после долгих препирательств тем, что Вальвин и Прейс, оба отказались от участия в комиссии, очень интересен потому, что в опубликованном вскоре после этого сочинении есть нападки на Вальвина, как на радикального коммуниста и атеиста, между тем как в оффициальных прокламациях левеллеров, из которых многие подписаны между прочим Вальвином, высказываются только радикально-демократические требования. Это сочинение *) написано неким Вильямом Кифином, который в начале сам был сторонником радикальных индепендентов, затем перешел на сторону умеренных и впоследствии сделался очень богатым. Мы коснемся содержания этого сочинения ниже, а здесь констатируем только, что оно не упрекает Вальвина ни в одном некрасивом поступке и обвиняет его только в том, что он придерживается атеистических и коммунистических теорий и очень ловко пропагандирует их. Вероятно, именно только эти убеждения послужили поводом к исключению Вальвина из комиссии.

Комитет, число членов которого сократилось до шести, 15 ноября выработал следующие пункты. В главной квартире армии должен быть образован комитет, составленный из представителей армии и делегатов, «благонамеренных» **) жителей страны. Этот комитет должен разработать проект справедливого основного закона для нации,—«the foundations of a just government»—затем этот проект должен быть поставлен на голосование всех благонамеренных граждан страны ***). Созданная таким образом конституция, вступив в силу, должна стать выше всякого другого закона страны, т.-е. явиться основным законом—the paramount law—страны, которого требовали уже год назад агитаторы и левеллеры. Этот закон, заключающий в себе также постановление относительно сферы влияния парламента, должен подписать каждый депутат в день своего избрания. Во избежание недоразумений левеллеры отказались от требования немедленного распущения парламента, высказанного ими 11 сентября 1647 года в петиции, которая, по приказу парламента, была сожжена рукой палача; но за то они требовали, чтобы был установлен известный срок распущения парламента, и чтобы «Agreement» было включено в ремонстранцию, которую в то время готовила армия.

В главной квартире, находившейся тогда еще в Сент-Альбансе, но перенесенной несколько дней спустя в Виндзор, все были согласны на этот договор. Но в ремонстранции, переданной 20 ноября майором Эвером парламенту, заключалось только требование прервать все переговоры с королем и привлечь к ответственности всех виновников беспорядков,

---

*) Оно носит заглавие «Хитрости Вальвина» («Walwin's Wiles») и в подзаголовке обещает раскрыть «коварные» и искусные ухищрения, атеистически богохульственные и пагубные для души принципы и затеи Вильяма Вальвина, и прибавить кой какия увещания по адресу подполковника Джона Лильбурна и господина Т. Прейса. Лильбурн горяч, а Прейс молод,—говорит автор.—Они, может быть, в душе еще не испорчены. Овертон—четвертый из доверенных лиц левеллеров—как человек и как писатель настолько известен своими мирскими взглядами, что ни один порядочный христианин не захочет иметь с ним дела, и по этому самому уже он безвреден, но Вальвин—волк в овечьей шкуре, прикрывающийся маской снисходительного философа, и поэтому особенно опасный.

**) Это слово—«Wellmeaning» или «Wellaffected»—в эпоху английской революции играло ту же роль, какую в эпоху французской играло слово патриот. Так назывались обыкновенно сторонники дела народа; роялисты же и их союзники назывались враждебной им партией неблагонамеренными—«Malignants».

***) Это вероятно первый случай в новейшей истории, когда появляется мысль применить прямое законодательство в большом государстве. Как известно, в самый разгар французской революции было сделано такое же предложение.

а следовательно и короля. Кроме того, ремонстранция требовала роспущения старого парламента и избрания нового и постановляла, чтобы в будущем признавали только королей, избранных самим народом. Левеллеры находили, что в ремонстранции высказывается только часть их желаний, но за то имеется много, чего они не желали. Однако они не хотели протестовать публично и отправились в Виндзор, чтобы лично ознакомиться с взглядами «грандов» армии. Последние встретили их очень приветливо и делали вид, будто они очень уступчивы, но как только дело дошло до обсуждения будущей конституции, так сразу же обнаружились довольно существенные разногласия. Генерал-провиантмейстер Айртон, зять Кромвеля, напр., желал сохранить за парламентом право налагать наказание в тех случаях, когда не нарушен никакой определенный закон, но когда этого требуют государственные соображения, т.-е. иными словами, сохранить за парламентом право распоряжаться вопреки законам. Но Лильбурн, фанатик законности, не без основания недоверявший всякому правительству, горячо восстал против этого. Айртон желал ограничить религиозную терпимость определенными протестантскими формами культа, левеллеры же настаивали на самой широкой свободе совести. Дело кончилось тем, что левеллеры внесли новое предложение. Члены парламента, которые держат сторону индепендентов, армия, индепенденты в Лондоне и «мы, которых в насмешку называют левеллерами», должны избрать по четыре представителя, эти представители совместно должны составить «Agreement» и к нему-то все без исключения обязаны присоединиться. В своем стремлении об'единить все не абсолютно роялистские элементы, Лильбурн зашел так далеко, что предложил даже предоставить четыре места в комитете пресвитерианам, если они этого пожелают. «Гранды» согласились на все. Одни, как, напр., полковник Гаррисон, потому что искренно верили в возможность об'единения, другие только для того, чтобы выиграть время. Были даже назначены места для совместных собраний в Лондоне; туда отправляются все, и каждая партия выбирает своих представителей. Левеллеры, кроме Лильбурна и Вальвина выбрали некоего Максимилиана Петти и упомянутого уже выше Джона Уайльдмана *).

*) Я не мог установить родства между Максимилианом Петти и его знаменитым современником, сэром Вильямом Петти, однако оба они фигурируют в качестве участников основанного в 1659 году Джемсом Гаррингтоном «Rota Club'a» о котором мы будем говорить ниже, в главе посвященной Гаррингтону. В этом клубе участвовал также и Джон Уайльдман (ср. Toland, Harrington's Oceana etc.)

Уайльдман, повидимому, сделал честь своему имени. Он был чем-то вроде радикального демократа, очень страстного характера. В 1654 году его выбрали в первый парламент эпохи протектората Кромвеля. Он однако отказался признать протекторат и в феврале 1655 года был арестован в Эктоне, как раз в то время, когда диктовал своему секретарю «Прокламацию свободных и благонамеренных граждан Англии, поднявших оружие против тирана Кромвеля». Это был «беспокойный человек, пылкий и необузданный», писал о нем Карлейль. «После заключения Freeborn John'a (Лильбурна) в Джерсее, это был, пожалуй, самый беспокойный человек во всей Англии». Раусон Гардинер называет его и Лильбурна «людьми безусловно честными» (1. с. III).

Кромвель, отличавшийся деспотическим, но вовсе не жестоким или кровожадным характером, ограничился заключением Уайльдмана в крепость Чепстоу. При реставрации Уайльдман, повидимому, увлекшись враждой к Кларендон-Гайду, попал в сети ловкого соперника последнего, графа Букингама, министерство которого, после падения Кларендона, внесло в парламент закон о веротерпимости. В 1683 году Уайльдман попал в число заговорщиков, так называемых Rue-House, но его заблаговременно предупредили о раскрытии заговора, и он бежал в Голландию. В конце концов он, повидимому, принимал также участие в «gloriousrevolution» 1688 года, которая возвела на английский престол Вильгельма Оранского. В изданном в 1735 году сборнике статей, памфлетов и т. д., написанных по случаю восшествия на престол Вильгельма, находится, между прочим «мемориал

Из делегатов индепедентских членов парламента мы назовем здесь горячего («peppery») Томаса Скота, одного из «цареубийц», впоследствии при реставрации повешенных, и Генри Мартена или Мартина, которого от той же участи спасло только воспоминание о том, что он просил о помиловании роялистов, хотя он сам, раньше чем кто либо другой, требовал казни Карла, мотивируя это требование тем, что лучше будет, если пострадает одна семья, чем вся страна. Мартен был очень остроумный просвещенный человек, держался, также как и Скот, безусловно республиканского образа мыслей и в религиозных вопросах был большим радикалом. «Больной селезенкой (Карлейль) пресвитерианин, Клемент Валькер, 21 августа 1648 г. послал о нем в своей «History of Independency»: «Он об'явил себя сторонником общности имущества и жен и восстает против короля, лордов, джентри, адвокатов, священников и даже против самого парламента, отогревшего на своей груди эту змею, а также и против всякой власти вообще. Подобно второму Уату Тайлору (он хочет) истребить всех людей, владеющих пером. Это мятежное («levelling») учение высказано в памфлете «Обеспокоенные нарушители покоя Англии» («Englands troubler troubled), в котором все богатые люди изображаются врагами низших классов народа и в котором им об,является война *). (Валькер, I, с. I, стр. 136).

Говорил ли это Мартен, любивший прибегать к насмешке, серьезно,—вопрос открытый **). Факт лишь то, что он стоял очень близко к левеллерам. Ему Лильбурн написал из изгнания очень интересное письмо, наполненное подробными экскурсиями в римскую историю и рассуждениями о ней (напечатано в «John Lilburne revived, Лондон» 1653 г.). О нем же рассказывают, что он—правда с благим намерением заступиться за Лильбурна—высказал часто повторявшуюся впоследствии остроту: Если бы Джон Лильбурн был один на свете, то Джон с Лильбурном и Лильбурн с Джоном наверно перессорились бы. Карлейль писал о нем: «Это славный паренек, хотя несколько легкомысленного образа жизни; его остроты, подобно легким стрелам, проникают сквозь толстый слой забвения поколений и ясно показывают нам, что

английских протестантов их высочествам князю и княгине Оранским, касающийся их жалоб и рождения якобы принца Уэльского», с примечанием: «составлено, будто бы, майором Уайльдманом». Таким образом, пылкий республиканец в конце концов превратился в монархиста—правда, после сорока лет непрерывных разочарований.

*) Так как Валькер был современником Мартена, то существование упоминаемого им памфлета не подлежит сомнению. К сожалению, мне не удалось отыскать ни одного экземпляра его в Британском музее.

**) В сочинении Антония Вуда «Athenae Oxonienses» (это биографический список людей, учившихся в оксфордском университете) упрек Валькера повторяется, но слова Вуда, современника Мартена, не всегда заслуживают доверия, когда дело касается радикальных республиканцев, хотя он и очень старается соблюсти известную безпристрастность. Образ его мыслей характеризуется между прочим тем, что он страшно негодует на Мартена, предававшегося свободной любви, и в то же время не колеблясь называет отца Мартена образцом джентльмена, хотя сам тут же рассказывает, что он заставил сына, несмотря на энергичные протесты последнего, жениться из-за денег.

Мартен, повидимому, в самом деле, в денежных делах, как и во всех других отношениях был прямою противоположностью своего добродетельного отца. Он был известен чрезвычайной щедростью, и при всяком удобном случае защищал интересы беднейших классов. Будучи «язычником», он все-таки настаивал на том, чтобы религиозная веротерпимость распространялась также на римско-католиков. Будучи республиканцем еще раньше, чем Кромвель и остальные смели мечтать о республике, он, при последней, настоял на том, чтобы законы против людей, не желавших признавать нового порядка, не были распространены на женщин. Довольно того, что травят быков—сказал он в парламенте.—Нечего травить еще и коров.

это был чрезвычайно упрямый, смелый человек, полный жгучего огня и яркого света, от'явленный враг всяких фраз, необузданный маленький римский язычник, а может быть и кой-что получше» (I. с. часть седьмая).

«Гранды» армии выбрали своими представителями, между прочими, Айртона и сэра Вильяма Констебля.

Между тем парламент 30 ноября решил не принимать в соображение ремонстранцию армии и об'явил письмо Ферфакса, требовавшего уплаты жалованья солдатам и угрожавшего, что в противном случае они возьмут деньги где найдут, «дерзким и неприличным письмом». Тогда совет армии об'явил отклонение ремонстранции доказательством того, что парламент обманул доверие народа, и провозгласил, что армия поэтому, помимо авторитета парламента, «будет аппелировать к чрезвычайному суду бога и всех добрых людей». Когда левеллеры прибыли на совещание в Виндзор, оказалось, что армия уже собиралась отправиться в Лондон. Следующий день после получения известия об отклонении ремонстранции, армия, по предложению майора Гоффе *), провела в молитве, прося Бога просветить ее и указать ей истинный путь. Просветление, охватившее этих благочестивых людей, заключалось в следующем: надо очистить парламент и казнить Карла I. Волю Господню необходимо было исполнить. Левеллерам такой оборот дела не очень понравился, так как его-то именно они и боялись. Однако все их возражения были напрасны; в совете грандов дело было уже решено и все вообще положение дел было таково, что немедленное разрешение конфликта между парламентом и армией сделалось необходимым. 2 декабря армия направилась в Лондон, заняла Уайтгалль, Сен-Джемс и некоторые предместья в окрестностях Сити. В Лондоне покамест совещания с левеллерами продолжались, но в то же время принимались также известные меры. 5 декабря в 8 часов утра парламент, после долгих и ожесточенных дебатов, решил опубликовать прокламацию, в которой об'являлось, что король перевезен помимо его желания и согласия. Несколько часов спустя 129 голосами против 83 была принята резолюция, гласившая, что уступки, сделанные королем в Ньюпорте, могут быть положены в основу соглашения с ним. Как резолюция, так и прокламация были дерзким вызовом армии, вызовом, не имевшим за собой никакой действительной силы. Что мог поделать против армии парламент? На его стороне была буржуазия Сити, но она еще при первом занятии Лондона армией (летом, 1647 года, когда она специально вымуштровала свою милицию и, кроме того, имела еще в своем распоряжении войска), не сделала ни малейшей попытки серьезно сопротивляться **). От нее

*) Гоффе, кстати сказать, очень храбрый воин, попадая в критическое положение, не раз заставлял других усердно молиться и не менее усердно молился сам.

**) В своей истории гражданской войны, написанной в форме диалога, реакционный в политическом смысле материалист Гобс довольно резко высказывает свой гнев на слабость Сити. «Странно — говорится там о событиях в августе 1648 года,—что майор и альдермены, имея за собой такую армию, столь быстро уступили». Ответ гласит: «На мой взгляд было бы странно, если бы было иначе. Я смотрю на большинство богачей, сделавшихся таковыми благодаря удаче в своем промысле. как на людей, не видящих ничего, кроме своей минутной выгоды, слепых по отношению к всему тому, что лежит в стороне от их пути, и совершенно теряющих голову при одной только мысли о возможности быть ограбленными». (Hobbes, Behemothed Tönnies, стр 142). «Мистер Гоббс был не совсем не прав. Уже древние так характеризовали разбогатевших Shopkeeper'ов, и так они, при равных условиях, должны вести себя всюду. В данном случае, как впрочем и во многих других, отцы Сити к тому же имели за собой отнюдь не весь город. Большая часть мелкой буржуазии и ее приверженцев симпатизировали армии и мно-

парламенту нечего было ожидать защиты; армии же и стоявшим на ее стороне индепендентам оставалось только ответить на эту резолюцию выходом в отставку или государственным переворотом. Они избрали последнее, на что армия, как мы видели, решилась еще раньше. 5 декабря, после полудня, вожди армии и значительное число индепендентов из парламента собрались для совещания, продолжавшегося до глубокой ночи. Члены парламента ожесточенно восставали против его немедленного распущения, которого желали вожди армии, и добились того, что распущение было отклонено. 6 декабря члены парламентского большинства, пресвитериане, желая войти в Палату, увидели, что она охраняется уже не милицией Сити, беспрекословно позволившей распустить себя по домам, а двумя полками армии. Командир отряда, полковник Прайд, имел в руках список членов большинства и державший сторону индепендентов граф Грей оф Гроби стоял рядом с ним с целью удостоверять личность депутатов. Пресвитериан солдаты хватали и уводили. В этот день было схвачено 41 человек. Их поселили в ближайших гостиницах и строго охраняли. Ночью в Лондон прибыл прискакавший с севера Кромвель. Парламент потребовал от Прайда освобождения арестованных своих членов, но получил от него уклончивый ответ. 7 декабря чистка продолжается. Прежнее меньшинство сделалось подавляющим большинством, и парламент высказывает Кромвелю благодарность за оказанные стране услуги. Сорок семь пресвитериан на время заключаются в Тоуэре, часть отправляется на родину, часть уезжает добровольно. Такова была «Pride's Purganz», «чистка» полковника Прайда В парламенте остались одни только правоверные индепенденты.

гие предместья, особенно большое предместье Соутварк, где левеллеры имели значительное число сторонников, приняли армию с распростертыми об'ятиями. За то лабазники Сити в своей трусости могли сослаться на весьма внушительный пример: большинство коллег почтенного Гобса, ученые по специальности играли в революции такую же, если не более жалкую роль, как и отцы Сити.

Гобс не мог простить Сити главным образом того, что оно шло одно время рука об руку с революцией. Вообще в цитированном историческом сочинении великий философ-материалист, гораздо больше чем в своем «Левиафане», выказывает себя узким представителем аристократического абсолютизма. Так напр., по его мнению (1. с., стр. 81, 82), одной из величайших нелепостей, совершенных так называемым «маленьким парламентом» 1653 года, было постановление, об'являвшее заключение брака гражданским актом, для законности которого достаточно простого заявления мировому судье. В этом парламенте большинство составляли пуританские демократы, над которыми великий вольнодумец Юм непрестанно насмехался и о которых он распространял всю ту ложь, которую выдумывали на них их противники. А они, эти пуританские демократы, несмотря на свой религиозный фанатизм, были гораздо большими вольнодумцами в церковных вопросах и гораздо более прогрессивными в вопросах светских, чем их философски и политически просвещенные противники. Реформы, предпринятые ими в гражданских, церковных и правовых учреждениях, делают им только честь и так же как их резолюция о выработке гражданского уложения, являются прототипами знаменитейших мероприятий конвента 1793 года. Поэтому-то «маленький» парламент, после шестимесячного существования, был распущен по настоянию классов и каст, чувствовавших, что их привилегии и вообще их интересы находятся в опасности. Распущение парламента, на котором особенно настаивало адвокатское сословие, совершилось с помощью грязной адвокатской уловки, и почтенный цех служителей правосудия праздновал это событие, устраивая грандиозные попойки в Темпле. (Ср. сочинение Exact Relation of the Transactirso of the late Parliament, Лондон 1654 г., напечатано у Сомера Tracts, т. VI, стр. 266—284).

Заметим еще кстати, что член этого парламента, Пресгод Барбон, был отцом весьма замечательного в свое время политико-эконома Николая Барбона и вообще очень умным и хорошим человеком. Он принадлежал к наиболее радикальной фракции лондонских баптистов. По его имени роялисты и прочие прозвали маленький парламент, чтобы выставить его в смешном виде. При этом они искажали его фамилию (вместо Barbone они называли его Barebone, а это в переводе значит, приблизительно, тощий).

Спустя несколько дней, смешанная комиссия из левеллеров и индепедентов выработала новый «Agreement». По мнению левеллеров его следовало разослать для подписи генеральному штабу армии, солдатам, членам парламента, а, кроме того, и по всей стране всем вообще благонамеренным. С этой целью Лильбурн немедленно и отпечатал его. Но уже собирание подписей в генеральном штабе натолкнулось на большие трудности. Кромвель и большинство его коллег протестовали против некоторых пунктов, приблизительно против тех же, против которых протестовал Айртон, а последний тоже отказался от части сделанных уступок. Снова начались продолжительные дебаты по вопросу о религиозной терпимости. Припомнив то, что мы уже раньше говорили о характере различных сект, каждый поймет, почему более буржуазные элементы старались найти границу, дальше которой не должна была итти веротерпимость. 21-го декабря состоялся компромисс в том смысле, что все христианские секты, кроме католиков и сторонников епископальной церкви, секты, не нарушающие общественного спокойствия, не должны подвергаться преследованию со стороны государственной власти, но что во всех «естественных», т.-е. мирских делах решающий голос принадлежит парламенту. В вопросе об исключительных случаях, когда преступления должны были караться не обычными судебными установлениями, но государственною властью, также был достигнут компромисс; исключение должны были составлять только государственные чиновники, нарушившие свою обязанность. Но камнем преткновения послужил вопрос о распущении парламента. Кромвель был безусловным противником назначения парламенту близкого распущения, и хотя он в совете офицеров остался в меньшинстве со своим мнением, все же фактически осуществлено было его желание. Благодаря его влиянию восторжествовало мнение, что даже с новыми изменениями «Agreement» не может быть прямо отдан парламенту для подписи и для дальнейшей рассылки, но что парламент также должен рассмотреть «Agreement», высказать свое мнение о нем и дать согласие на рассылку его в том или ином виде.

Когда Лильбурн и его друзья заметили, к чему клонится дело, они в средине января 1649 года отказались от переговоров, упрекая и обвиняя своих противников в самом низком обмане. Предположение их до известной степени было верно, так как парламент 20-го января принял «Agreement» офицеров, об'явив, что «примет его во внимание, как только это позволят важные и не терпящие отлагательства дела», а офицеры беспрекословно согласились на это.

Надо, однако, признаться, что Кромвель был прав, заявляя, что распущение парламента было бы несвоевременно. Враждебные индепендентам и армии элементы были слишком многочисленны для того, чтобы можно было рисковать устроить новые выборы. Даже в таких графствах, как Норфольк, Суффольк и другие, большинство буржуазии и джентри было теперь против индепендентов, а буржуазия и джентри были именно те классы, с которыми больше всего считался и должен был считаться Кромвель. В большинстве графств они давали тон; между тем они так же, как и все почти крестьяне, прежде всего желали освободиться от военного бремени. Надо было привлечь их на свою сторону, а между тем именно для них радикальные требования левеллеров были неприемлемы. Гардинер даже прямо приписывает переворот, происшедший в настроении восточных графств, между прочим и росту «фанатизма», т.-е. радикализма, который толкнул имущие и промышленные классы на сторону пресвитериан и роялистов (I. с. III, стр. 175). В чем Лильбурн и его друзья видели злонамеренность, фальшивость и своекорыстие Кромвеля,

в том, наряду с несомненно сильно развившимся честолюбием и классовыми предрассудками, обнаруживалась его склонность сообразовать свое поведение безусловно с положением дел в данную минуту. Он был вполне политиком реалистом, они же—идеологами движения; они следовали политическим теориям и поэтому видели вещи, смотря по обстоятельствам, под углом зрения своей теории. Мышление же и чувствования Кромвеля были враждебны всякой абсолютной теории, но он лучше понимал действительность в каждый данный момент. Словом, хотя Кромвель временами и следовал их примеру, все же он, в качестве политика, далеко превосходил их. Зато левеллерам принадлежит заслуга, что они в эту революцию формулировали и энергично защищали политические интересы трудящихся классов, как своей эпохи, так и будущего. Пока революция боролась с отжившими силами, левеллеры при случае могли указать ей дорогу и не раз на самом деле делали это. Но в тот момент, когда отжившие силы были побеждены, а вновь народившиеся принялись перестраивать жизнь, левеллеры должны были отступить на задний план. Время тех классов, которые они представляли, еще не наступило.

За первым изданием нового «agreement'а» левеллеров 1-го мая 1649 года последовало второе, которое редактировалось уже из Тоуэра. Когда Лильбурн и его товарищи снова попали в тюрьму, это мы увидим ниже. Здесь же мы остановимся в изложении событий и займемся хотя бы поверхностным рассмотрением этих достопримечательных документов, представляющих собою ни более, ни менее, как предшественников знаменитого «Общественного договора» Руссо.

Согласно «agreement'у», отпечатанному не только в виде брошюры, но также и в виде удобного для расклеивания плаката, высший авторитет страны должно было изображать собою представительное собрание из 400 депутатов. Каждый гражданин государства, достигший 21 года, не получающий заработной платы или милостыни, пользуется правом избирать и быть избираемым *). Срок парламентских полномочий должен быть одногодичный. Депутат, принимавший участие в одном парламенте, не может уже быть выбран тотчас же в следующий, а только через год. Не могут быть выбираемы государственные чиновники, получающие жалованье, а адвокаты, заседающие в парламенте, во время сессий последнего не могут заниматься практикой. Парламент не должен издавать никаких принудительных законов, касающихся религии; никто не должен быть лишен права из за религии занимать

---

*) Таким образом наемные рабочие были бы лишены права избрания. Не следует однако забывать того, что говорилось свыше (отд. II) о ничтожной сравнительно численности и слабом развитии этого класса в Англии того времени. Можно сказать, что тогда совсем еще почти не существовало промышленного пролетариата в современном смысле слова. Для ремесленных подмастерьев в большинстве случаев звание подмастерья было переходом из ученичества в мастерство. Дарование права голоса земледельческим батракам и т. д., в то время, когда еще не было тайное голосование, должно было доставить выгоды преимущественно богачам и крупным землевладельцам.

Интересно, что во время переговоров об «Agreement'е» Кромвеля, Айртона и других с левеллерами, первый возражал против введения всеобщего избирательного права, на котором настаивали левеллеры, говоря, что оно приведет к анархии. В листке, издававшимся сторонниками Кромвеля и основанном в 1649 году, левеллерам дают кличку, напоминающую нечто современное: их называют «швейцарствующими анархистами», —«these switzerizing anarchsts». (A modest narrative of Intelligence: Fitted for the Republique of England. № 3 от 14-го до 21-го апреля 1649 года»). Выражение «швейцарствующие» должно означать, что программа левеллеров поведет к условиям, подобным существующим в «швейцарской стране», где «кантон враждует с кантоном». (Вступительная речь Кромвеля на конференции в Путнее 28-го октября 1647 года).

какую-нибудь должность. Каждая община сама выбирает себе священника, но никого нельзя принудить давать что бы то ни было для его вознаграждения. Нельзя, далее, принудить никого служить вопреки его убеждениям в сухопутных войсках или во флоте. Все налоги, пошлины и десятины должны быть уничтожены в течение определенного короткого срока и должны быть заменены прямым налогом на каждый фунт стерлингов реальной личной собственности *).

Все привилегии и преимущества должны быть уничтожены. Вместо постоянной армии должна быть введена народная милиция, которую для военных целей мог созывать только парламент. Каждое графство должно выбирать отдельно своих должностных лиц; законы должны быть писаны на английском языке, а всевозможные тяжбы и процессы должны разбираться жюри, состоящим из двенадцати присяжных — граждан данной местности. Должны быть ассигнованы определенные средства для доставления работы и удовлетворительного содержания бедных, дряхлых и инвалидов.

Многое из перечисленного выше кажется нам теперь непрактичным, иное слишком избитым и все вообще слишком буржуазным. Но подобно тому, как многие отдельные пункты программы, в осуществимости которых не может быть никакого сомнения, еще не проведены в жизнь во многих, считающихся очень прогрессивными, странах, так и весь проект левеллеров в целом в свое время был безусловно революционным и революционным тем более, чем более ему были чужды коммунистически - утопические воззрения. Коммунизм, который, как мы увидим скоро ниже, имел в лагере левеллеров решительных сторонников, для городского населения, среди которого еще не был известен промышленный пролетариат в современном смысле слова, практически мог осуществиться только в форме благотворительных учреждений. Коммунистические требования могли иметь практическое значение разве только для сельского населения, и все движение в самом деле не вызвало никаких самостоятельных волнений среди городских рабочих, но за то, достигнув кульминационного пункта, повлекло за собой несколько попыток аграрно коммунистических восстаний.

Но об этом мы поговорим ниже. Покамест же мы рассмотрим некоторые пункты Agreement'a, касающиеся религиозных вопросов. В некоторых исторических сочинениях левеллеров изображают религиозными сектантами, превосходящими своим фанатизмом даже большинство пуритан. В требованиях «Agreement'a» нет даже и следа религиозного фанатизма; в них обнаруживается гораздо больше религиозной терпимости, чем в учении какой бы то ни было другой партии той эпохи. Правда, в отдельных сочинениях левеллеров, встречается множество библейских цитат, но это совсем неудивительно в то время, когда библия была единственной книгой, пользовавшейся известным значением у массы населения. К тому же эти цитаты никогда не касаются религиоз-

---

*) О косвенных налогах Лильбурн в своем памфлете «Englands new chains discovered», составляющем нечто вроде комментарий к «Agreement'у» выражается очень резко и определенно. Они, т.-е. левеллеры, говорится в нем, решили уничтожить «все известные тяжелые нестроения», в числе которых приводятся: «десятины, страшно угнетающие промышленную деятельность и препятствующие развитию земледелия, пошлины и акцизы, эти тайные воры и разбойники, высасывающие бедные и средние классы народа, служащие величайшей помехой торговле и промышленности и превосходящие по своему вреду корабельные пошлины, пошлины на патенты и все прочие, предлагавшиеся парламенту проекты (налогов)». Далее, левеллеры хотят отменить «все монополии купеческих компаний, приносящие вред и губящие суконную, красильную и многие другие полезные отрасли промышленности».

ных догматов. Современники, враждебные левеллерам, наоборот, часто обвиняли их в атеизме. Имеются в самом деле доказательства, что атеизм или по крайней мере очень широкий рационализм, был распространен в их среде. Гораздо вернее утверждение других источников, будто левеллеры, наоборот, в начале называли себя рационалистами, выражая этим лишь то, что они признают только собственный разум *). Однако это трудно доказать, по крайней мере постольку, поскольку дело касается названий, ибо о левеллерах мы имеем только сведения, исходящие от их противников. Но как бы они ни называли себя,—это не важно. Посмотрим лучше, что думали об этом литературные представители левеллеров.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

АТЕИСТИЧЕСКИЕ И КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ДВИЖЕНИИ ЛЕВЕЛЛЕРОВ. «ИСТИННЫЕ ЛЕВЕЛЛЕРЫ».

Мы уже говорили о Генри Мартене, как о «язычнике». Но при всей своей дружбе с левеллерами, Мартен не был членом их союза.

В качестве представителя широкого рационализма, среди левеллеров замечателен особенно Ричард Овертон, который вместе с В. Вальвином и Т. Прэнсом чаще других фигурирует наряду с Лильбурном, как автор политических памфлетов левеллеров. Мы уже видели, что в памфлете, направленном против Вальвина, Овертона за его убеждения называют достойным вполне естественного отвращения. К счастью, мы имеем возможность проверить основательность взводимых на него обвинений, что, к сожалению, было невозможно относительно Вальвина. Существует появившееся в двух изданиях небольшое сочинение Овертона о бессмертии души, в котором с достаточною ясностью высказаны взгляды автора. Правда, содержание статьи ограничивается вопросом о бессмертии души и таким образом не имеет никакого отношения к цели нашего труда, но все же интересно ознакомиться в лице Овертона с первым представителем направления, соединявшего последовательно рационалистические и, можно даже сказать, материалистические взгляды с политическим и социальным радикализмом.

Овертон представляет собой характерную противоположность своего современника Гоббса, который сумел привить к философскому материализму доктрину политического абсолютизма и государственной религии. Но радикальный, в философском смысле, представитель интересов низших классов был забыт тем легче, что социальный радикализм после революции долгое время обнаруживался исключительно в форме религиозных движений. О личности Овертона очень трудно сказать что либо достоверное. Годвин предполагает (History of the Commonwealth, стр. 280), что он был братом Роберта Овертона, друга Мильтона (Р. Овертон был республиканцем и сторонником Кромвеля, пока последний не сделался лордом-протектором или, вернее, диктатором). Биограф Мильтона, Массон, знает об Овертоне только, что он был «типографом и неутомимым издателем летучих листков» (Life of Milton, III, стр. 528). Во всяком случае он был неутомимым левеллером, и в качестве такового мы еще встретим его ниже.

Сочинение его, упомянутое нами выше, появилось первым изданием в 1643 году без подписи автора в Амстердаме. В то время пресви-

*) Так между прочим говорит Ф. П. Гизо в своей Histoire de la Revolution d'Angleterre, II, кн. 8.

териане были еще в силе и в одном из манифестов их конклава, направленном против неверия и суеверия той эпохи, говорится: «Главным представителем ужасного учения материализма, отрицающего бессмертие души, является Р. О., анонимный автор трактата о смертности человека». «Смертность человека» «Mans mortalitie» таково в самом деле заглавие первого издания этого сочинения. Заглавие совершенно переработанного и несравненно лучше написанного второго издания появившегося двенадцать лет спустя, в 1655 году, в Лондоне, с полною подписью автора, гласит «Человек смертный во всех отношениях» («Man wholly mortal»), трактат, в котором с теологической и философской точки зрения доказывается, что подобно тому, как весь человек грешит, так весь человек и умирает; что представление, будто душа после смерти попадает на небо или в ад, плод фантазии, и что бессмертие для человека начинается после его воскресения, и лишь после него человек либо осуждается, либо спасается.

Уже из заглавия явствует, что автор делает еще одну последнюю уступку ходячим религиозным представлениям, допуская, что при конце мира все воскреснут. Годвин вряд ли не прав, заключая из того факта, что Овертон говорит о воскресении только в заключительной главе, да и то очень поверхностно, что эта глава приделана к сочинению лишь для того, чтобы предохранить его от обвинения в проповеди атеизма; эта глава не имеет никакой связи с аргументацией в пользу главного положения автора *). «Теологические» доказательства смертности человека заключаются в целом ряде цитат из библии, в которых говорится о полном уничтожении человека после смерти **). О других местах библии, где, повидимому, говорится о бессмертии человека, Овертон говорит, что они просто неверно истолковываются. Совсем иной характер носит «философская» аргументация; она основывается исключительно на естественных науках, поскольку последние тогда вообще существовали. Развитием душевной деятельности человека, возрастающим от младенческого до зрелого возраста, колеблющимся у больного и падающим к старости, словом, физиологией человека Овертон доказывает невозможность отделения тела от души; он сравнивает человека с животным и показывает на многих примерах, что все почти духовные способности человека имеются и у животных, отличаясь только степенью своего развития и сложностью.

Если, следовательно, душа человека переживает распадение тела, то и душа животного также должна быть бессмертна. С беспощадной логикой Овертон доказывает на примерах всевозможных болезненных состояний, что если душа представляет собою нечто независимое от тела, то у человека должна быть не одна, а множество душ. Крайне категоричны его разсуждения о телесности вообще: «Форма,—пишет он,—есть

---

*) Связь заключается только в следующем рассуждении: подобно тому, как существование души без тела немыслимо, немыслимо также существование чистилища и т. п., куда якобы после смерти человека попадает отделившаяся от тела душа. Бессмертие души совершенно немыслимо иначе, как в виде воскресения всего человека; пока не наступит последнее, весь умерший человек, и душа, и тело его, мертвы.

«Если бы не было искусственно приделанного признания возможности воскресения или воссоздания и следующего затем бессмертия, этот трактат можно было бы назвать проявлением крайнего материализма (out and out materialism). Возможно, что автор, несмотря на сделанную им уступку, это именно и имел в виду» (Masson, Life of Milton, III, стр. 157).

**) Так, на заглавном листе приводится 19 стих 3 главы книги Соломона. («Ибо человека постигает такая же участь, как и зверя; он умирает подобно последнему и жизнь их одинакова. Человек имеет не больше зверя, ибо все суета»).

форма материи, и материя есть материя формы, ни та, ни другая не существуют сами по себе, они существуют только совместно и обе вместе образуют вещь» (II издание стр. 10). «Все, что создано, говорится в другом месте, состоит из элементов. Но все что создано материально, ибо все, что не материально—ничто» (стр. 21). В качестве доказательств истинности своих убеждений Овертон приводит многие цитаты из сочинений греческих и римских классиков. Отсюда мы можем предположить, что Овертон был необыкновенно начитанный человек. Его сочинение возбудило всеобщее внимание, что после приведенных нами выдержек не может показаться странным. Благочестивые сограждане Овертона повидимому были страшно возмущены; но зато люди свободные от предрассудков многое почерпнули из этого сочинения. Массон, например, считает вполне возможным, что великий поэт Мильтон под влиянием Овертона пришел к своему взгляду на смерть. Здесь однако не место входить в рассмотрение этого вопроса.

Что касается товарища Овертона, Вальвина, то нам неизвестны самостоятельные сочинения его на религиозные и политические темы. Его возражение против памфлета Киффина «Walwyn's Schliche» не заключает в себе ничего положительного. В этом возражении общими словами опровергается упрек в нерелигиозности и революционном коммунизме, так что из него очень трудно вычитать что-либо определенное в этом или ином смысле. То же можно сказать о появившемся под инициалами Г. В. сочинении: «милосердие духовенства» («The Charity of Churchmen»), автор которого, некий доктор Брук, заявляет, что он считает нужным выступить на защиту заключенного в тюрьме Вальвина. Беседы, приводимые Киффином, действительно происходили, говорит Брук, но выражения Вальвина тенденциозно искажены при передаче; это доказывается на отдельных примерах; между прочим Киффин приводит слова Вальвина, сказанные в утвердительном смысле, как будто они говорились условно. и т. д.

Как сочинение Вальвина, так и сочинение Брука написаны в то время, когда Вальвин сидел в Тоуэре, поэтому приводимым в них возражениям нельзя придавать особенную цену; из них явствует только, что обвинения Киффина были пожалуй в некоторых отношениях преувеличенными, но по существу своему имели достаточно основания. Как Брук, так и Вальвин приводят даже имена лиц, якобы присутствовавших при разговорах.

Так как для нас важны не столько слова, употреблявшиеся при разговорах, а общее направление последних, то мы здесь посмотрим, каким образом Вальвин по словам своих противников старался испортить молодежь, бывавшую у него в доме.

Вальвин, по словам его противников, задает молодым людям лукавые вопросы. Как можете вы доказать, что библия есть слово божие? Есть ли у вас какие-либо более веские доказательства божественного происхождения библии, чем доказательства, приводимые турками в пользу божественного происхождения их Корана? *). По воскресеньям Вальвин водит молодых людей поочередно по разным церквам, заставляет их слушать, как священники одной бранят священников другой, обращает внимание молодых людей на противоречия нелепости церковных проповедей и восстановляет их таким образом против всякой религии. Затем он доказывает им, что великие тайны жизни и спасение через Иисуса Христа, так же как учение об искуплении наших грехов

*) В возражении говорится, что этот вопрос относился только к переводу Библии.

его смертью, о воскресении мертвых, о святом духе,—пустые фантазии, смешные, нелепые сказки, и переходит к критике различных политических и социальных систем.

Между прочим, Вальвин сказал будто бы ученикам, что в диалогах Лукиана «больше остроумия, чем во всей Библии» *), что стихи и псалмы составлены царями исключительно для своих собственных выгод, что песнь песней Соломона составлена им в честь одной из его любовниц, что ад—совесть дурных людей в настоящей жизни, и что немыслимо, чтобы бог стал вечно мучить людей за их краткую грешную жизнь. Кроме того, Вальвину приписывается утверждение, что царь Давид и праотец Иаков были хитрые мошенники и отъявленные негодяи, что глупо молиться по целым часам, потому что истинная религиозность заключается в оказании помощи бедным, что протестантские священники большею частью жадные люди и относятся к бедным еще хуже, чем католики, что ирландцев нельзя осуждать за мятеж, ибо они правы, добиваясь для себя свободы. Особенно тяжким преступлением Вальвина считается то, что он защищал самоубийство, и что безнадежно больная подруга его жены, ободряемая его словами, прибегла к самоубийству.

Таков был «гибельный для души» атеизм Вальвина. Познакомимся теперь с его коммунизмом.

Товарищ Лильбурна, горячо защищаемый последним, будто бы следующим образом выразился о «неустройствах и о неравенстве в распределении благ сего мира»:

«Как это несправедливо, что у одного есть тысячи, а у другого нет и куска хлеба! Господь желает, чтобы все люди жили в довольстве; то что один имеет избыток в благах сего мира и живет в роскоши, а другой, гораздо более нужный и полезный обществу, не имеет даже двух пенсов,—противоречит воле божией»... Вальвин хотел бы, чтобы «во всей стране не было ни заборов, ни изгородей, ни рвов», по его мнению, на земле не будет благоденствия, пока все блага мира не будут общими. Изменить в этом отношении мир совсем не так трудно, как думают люди: "небольшая толпа неутомимых и бесстрашных людей могла бы перевернуть весь мир, если бы они разумно взялись за дело и не убоялись рисковать жизнью». На возражение, что это может повести к уничтожению всякого правительства, Вальвин будто бы ответил: «тогда будет меньше потребности в правительстве, ибо тогда не будет воров и жадных людей, не будет обмана и грабежа, не будет поэтому надобности и в правительстве. Если возникает какой-нибудь спор, надо будет только пригласить сапожника или какого-нибудь другого трудящегося человека, лишь бы он был честен и справедлив, он рассмотрит и решит дело и затем снова вернется к своей работе».

Разве эти слова не звучат так, как будто они были сказаны не в средине XVII столетия, а по крайней мере полтора столетия спустя? Однако взгляды Вальвина известны нам только со слов его противников, и так же как трактат Овертона, который появился первым изданием до возникновения движения левеллеров, а вторым после его подавления, не имеет непосредственного отношения к этому движению. В качестве вождей партии Овертон и Вальвин, также как Лильбурн, принципиально ограничивались, главным образом, политической деятельностью и строго проводили взгляд на религию, как на «личное дело каждого».

---

*) В изложении говорится, что эти слова относились только к речам Лукиана против тирании. (Для людей, незнакомых с древней литературой, не лишнее будет знать, что Лукиан в диалогах и т. д. осмеивал мистические тенденции и религиозные традиции своей эпохи—он жил во II веке после Рождества Христова).

Но все движение в целом не носило исключительно политического характера. Массы народа вообще лишь тогда воодушевляются в пользу политических реформ, когда последние представляются им средствами для улучшения материального быта, и в этом отношении движение левеллеров не составляет исключения. Пока это движение ограничивалось частью армии и лондонского населения, оно было движением «чисто-демократическим»; но, достигнув широкого распространения, оно быстро приняло характер «социал-демократической» агитации.

Ярким доказательством этого, а также того обстоятельства, что из библии в то время не только умели вычитать все, что было нужно, но умели даже найти в ней то, чего в ней вовсе не было, является составленный несомненно левеллером памфлет, носящий следующее заглавие: «Свет сияющий в Букингамшире, или раскрытие великой главной причины всякого рабства во всем мире и особенно в Англии, изложенное в форме прокламации многих благонамеренных людей*) страны ко всем бедным и угнетенным сельским жителям Англии и предназначенное также к сведению современной, предводительствуемой лордом Ферфаксом армии». Эпиграфом этого памфлета служит стих: «воспрянь о Господи и суди Ты землю». В самом начале говорится:

«Всякая власть является таковою в силу выданного королем патента, а патент короля исходит от сатаны, ибо предшественник короля, незаконнорожденный иностранец Вильгельм (здесь подразумевается Вильгельм Завоеватель), сделался королем благодаря насилию и убийству. Убийцы же, говорит Иисус, дети диавола; ибо, говорит он, диавол человекоубийца был искони и не живет в истине. Короли насквозь проникнуты враждою к истине, они преследуют праведников, ибо Иисус говорит: они приведут вас пред лицом царей, поэтому короли враги царствия Христова» (стр. 3).

Аргументация здесь также смела, как и цитаты, но за то из этого отрывка явствует, как развязно тогда пользовались библией. Немного ниже в памфлете говорится:

«Поэтому те, которых называют левеллерами, и которые ставят себе целью освобождение всего человечества из рабства, в деле свободы крайне справедливые и честные люди, и б о ц е л ь ю и с к у п л е н и я ч е р е з И и с у с а я в л я е т с я в о з в р а щ е н и е в с е х в е щ е й.

«Кому вообще нужен король?» спрашивает неизвестный автор и затем доказывает, что защита короля и возможность прикрыться им нужны только богачам, дворянам и адвокатам, но вовсе не самому народу. «Честные люди» желают достигнуть следующего:

1) справедливой доли для каждого, чтобы он мог жить и не имел надобности воровать или нищенствовать из нужды; 2) справедливого закона, который можно позаимствовать из библии; 3) равных для всех прав; 4) правительства из избранных народом представителей; 5) республики по образцу описанной в библии: «В Израиле, когда кто нибудь был беден, для поддержки его употреблялись общественные запасы и средства пропитания. Для этой же цели могли бы у нас служить земли церковные, казенные и находящиеся под лесом, которые вероломный парламент раздаривает своим членам и растрачивает на содержание бесполезного создания, именуемого королем. Через каждые семь лет в Израиле вся земля считалась принадлежащею бедным сиротам, вдовам и иностранцам, кроме того, они из всякого урожая получали известную долю. П о й м и ж е, б е д н ы й н а р о д, ч т о с д е л а л и б ы д л я т е б я л е в е л л е р ы!»

Дальнейшее содержание этого замечательного памфлета составляет резкая и дельная критика политического устройства Англии и условий

*) Ср. прим. первое на стр. 58.

английской жизни. Конец книги составляет отпечатанный в разрядку зловещий стих из 12-ой главы второй книги Царств: «кая нам часть в Давиде и несть нам наследия в сыне Иессеове: бежи Израилю в кровы своя».

Памфлет, повидимому, имел большой успех, ибо вскоре после него явилось его продолжение под заглавием: «Еще о свете, сияющем в Букингамшире»; оно написано в том же духе, как и первый памфлет, только тон его несколько спокойнее и изложение придерживается больше фактов. В нем описывается, как народ, благодаря нормандскому завоевателю, а позднее насилиям аристократов, путем противозаконного возведения изгородей и тому подобных средств был лишен своего естественного наследия и обращен в рабство; однако вернуться народу следует не к эпохе, предшествовавшей нормандскому завоеванию, а к эпохе до грехопадения, тут подразумевается несомненно эпоха, когда господствовал первобытный коммунизм. Каким образом можно вернуться к нему, автор обещает показать в третьем памфлете.

Однако обещанный памфлет не увидел света, по крайней мере нет ни одного, носящего подходящее заглавие. Но мы скоро увидим, что автор или общество, к которому он принадлежал, не обещали ничего, что уже не было бы подготовлено ими.

Укажем прежде всего на две черты, отличающие названные брошюры, также как и множество памфлетов того времени.

Первую, более общую черту составляет тон, крайне враждебный не только монархии, дворянству, церкви и классу богачей, но особенно юристам по специальности, в частности адвокатам. Авторы как будто не находят слов, достаточно резких для их осуждения: чаще всего их называют «гусеницами общества». Широкие круги населения питали к ним, повидимому, глубокую ненависть, конечно, не бессознательно. Ибо юристы служили послушными орудиями крупных земельных хищников, они придавали насильственным действиям последних печать законности и были глухи к жалобам ограбленных и угнетенных, не имевших возможности платить за их услуги; кроме того, юристы тщательно оберегали свои кастовые привилегии, свое право стричь по своему усмотрению людей, нуждающихся в их помощи. Мы уже упоминали выше, что парламент Барбона пал отчасти потому, что хотел заменить смесь временных законов кодифицированным сводом их, что несколько подрезало бы крылья цеху адвокатов. На запрос одного из республиканских генералов, Эдмонда Лудлоу, Кромвель ответил, что препятствием радикальной деятельности служит, между прочим, противодействие адвокатов. «Как только мы начинаем говорить об усовершенствовании законов, они кричат, что мы хотим уничтожить собственность» (Edm. Ludlow, Memoirs II, стр. 46—51). Даже Кромвель боялся потерять их расположение. Они заставили закрыть ненавистный им парламент при помощи настоящей адвокатской уловки*), и Кромвель, если он даже и не знал раньше об их намерениях, во всяком случае одобрил совершившийся факт.

Второй излюбленной фразой той эпохи было утверждение, что господствовавшее тогда право собственности было плодом нормандского закона, закона завоевателя. Существует целая литература популярных памфлетов, написанных на эту тему, и, само собою разумеется, эти памфлеты составлены левеллерами и другими крайними

*) 12-го декабря 1653 года, перед полуднем, умеренная партия воспользовалась тем обстоятельством, что «крайняя» несколько опоздала, и быстро составила резолюцию, гласившую, что парламент в наличном своем составе не может сделать ничего хорошего и поэтому слагает свои полномочия в руки Кромвеля.

индепендентами *); однако, отмена «нормандского закона» в устах этих элементов означала отмену или по крайней мере пересмотр существующих условий собственности, причем под собственностью подразумевалась преимущественно или исключительно собственность на землю. Английские левеллеры, не изучавшие ни Прудона, ни Брисо, тем не менее говорили, что земля по праву принадлежит народу и что собственность на землю богатых—кража.

Исходя из этой точки зрения, литература выступила на защиту безземельных и экспроприированных в эпоху революции, которая была революцией имущих, борьбой за эмансипацию собственников-крестьян от остатков обязательств, обременявших землю еще со времен феодальной эпохи. Однако, против собственности на землю феодальных владетелей восстали не одни только левеллеры; в проснувшемся обществе нашлись и другие элементы, составлявшие очень широкие проекты преобразования земельных отношений. Наряду с революционными социалистами той эпохи встречаются также государственные социалисты или сторонники социальных реформ.

Таковым следует, например, считать врача П. Чемберлена, индепендента французского происхождения, который в 1649 году опубликовал сочинение: «The Poor Man's Advocate», заключающее в себе замечательный проект разрешения социального вопроса той эпохи. Подзаголовок этого сочинения гласит: «Самаритянская Англия», а эпиграфом поставлены слова: «Bonum quo communius eo melius». Автор настаивает на национализации всех казенных, церковных и других, не имеющих собственников, земель, с тем, чтобы они составили собственность бедных. Из этих земель и других общественных имуществ должно быть составлено национальное имение («stock»), предназначенное на содержание бедных: оно должно было быть организовано на чисто демократических началах, и заведывать им должен был особо для того назначенный ответственный контролер. Но весь общественный строй не должен был измениться. Автор требовал только, чтобы были устранены ограничения, стесняющие промышленность и торговлю, чтобы были уничтожены ввозные пошлины на с'естные припасы и сырье и вывозные на все мануфактурные товары; чтобы пошлины были наложены только на вывоз первых и ввоз последних. Как известно, эти требования были требованиями только что возникавшего радикального меркантилизма. Однако, Чемберлен не останавливается на этом: «Позаботьтесь о бедных, и они позаботятся о вас; растопчите бедных, и они вас растопчут»,—говорит автор государственным деятелям. Он возражает против утверждения, будто бедных—под бедными подразумеваются не нищие, а вообще беднейшие классы населения—можно обуздывать только при помощи голода и принудительных законов, будто они, избавившись от крайней нужды, становятся лентяями, будто они склонны к мятежу и своеволию, когда не чувствуют над собою строгой власти. Экономическая политика, которую Кольбер двадцать пять лет спустя проводил во Франции, обстоятельно изложена в этом сочинении. Разница только в том ,что, по мнению автора, такую экономическую политику должно было вести, главным образом, полукоммунистическое учреждение («stock»). Оно должно было строить дороги и каналы, основывать мануфактуру, вводить усовершенствованные машины, учреждать школы и технические учебные заведения для народа, словом, поднять вместе с благосостоянием низших классов куль-

---

*) Три таких памфлета против «нормандского закона» отпечатаны в Harleyan Miscellanies: том VI, стр. 36 и след., том VIII, стр. 94 и слд. и том IX стр. 90 и след. Имя автора John Hare.

турный уровень всей нации. Чемберлен не ограничивается изложением своего проекта, но выясняет также финансовую его сторону. Этот проект вообще интересный пример того, как сильно революция возбудила умы. Хотя автор сам не был левеллером и имя его никогда не встречается в числе имен людей, находившихся в связи с ними, все же он, повидимому, был близок к ним *). Его памфлет появился в издании Джильса Кальверта, издававшего большинство памфлетов левеллеров и подписавшегося в качестве создателя под третьим изданием их «Agreement of the People», опубликованным 23 июля 1649 года. Памфлет Чемберлена можно, пожалуй, назвать попыткой дополнить в известном смысле «Agreement», который для вопроса, о котором главным образом трактует памфлет, формулирует лишь общий принцип.

Сюда же относятся далее сочинения ученого протестанта Самуила Гартлиба, родители которого бежали со своей родины—Польши—от гнета иезуитов и поселились в Эльбинге, в Восточной Пруссии, откуда Гартлиб, около 1630 года переселился в Англию. Здесь он в течение следующих десятилетий проявил кипучую деятельность, распространяя знания и содействуя всевозможным предприятиям; имеющим целью общее благо. Он перевел некоторые сочинения принадлежавшего к секте богемских братьев, знаменитого педагога Комениуса (жившего с 1592 по 1671 год) на английский язык; сам писал сочинения о различных методах обучения и о школьном деле; кроме того, он старался улучшить обработку земли, устроил для этой цели небольшую сельскохозяйственную опытную станцию и издавал популярные сочинения о сельском хозяйстве во Фландрии, о плодоводстве, пчеловодстве и т. д. В 1646 году долгий парламент назначил ему за его заслуги пенсию в сто фунтов стерлингов, которая в следующем году была повышена до трехсот фунтов. Однако, безграничная щедрость Гартлиба, поддерживавшего, между прочим, многих протестантов и сектантов, бежавших из Пфальца в Англию, не дала ему и теперь оправиться в материальном отношении. А когда к концу существования республики пенсию ему перестали выдавать, положение этого самоотверженного человека сделалось прямо ужасным. Мучимый тяжким недугом, каменной болезнью, он вынужден был для поддержания своей семьи буквально просить милостыню. Реставрированная монархия тоже не торопилась выдать Гартлибу недополученную им пенсию. Благодаря этому, он умер в 1662 году в крайней нужде. Гартлиб был знаком с самыми выдающимися людьми Англии. Мильтон посвятил ему статью о воспитании. То же самое сделал Вильям Петти, для которого Гартлиб, быстро угадавший его талантливость, очень много сделал. Комениус писал, что он не знает ни одного человека, обладающего такими обширными познаниями, как Гартлиб.

Первым самостоятельным трудом Гартлиба был написанный в октябре 1641 года в форме утопии трактат об экономических и политических задачах государства. Этот трактат носит заглавие: «Описание знаменитого царства Макарии, имеющего отличное правительство, где все жители благоденствуют, пользуясь счастьем и здоровьем, где королю повинуются, дворянам оказывают почтение, а всем хорошим людям уважение и т. д., и т. д. Разговор ученого с путешественником» **). Сочинение посвящено парламенту, и Гартлиб замечает, что он излагает свои идеи «в виде рассказа, потому что такая форма удобнее. При изложении я ставил себе образцом сэра Томаса Мора

*) В Harleyan Library (в № 254) напечатана сказанная в 1662 году, следовательно, уже при реставрации, речь Чемберлена, призывающего радикальные фракции к об'единению.

**) A description of the famous Kingdom of Macaria etc. London, 1641. (Напечатано в I т «Harleyan Miscellanies», стр. 580 и сл.).

и лорда Френсиса Бакона». Однако, «Макария» (это греческое слово, означающее «жилище блаженства») заключает в себе только мысли, которые немедленно могут быть осуществлены. В ней описывается не новый общественый строй, а у ч р е ж д е н и я и з а к о н ы, изложенные в настолько общих чертах, что их легко можно было бы перенести в действительную жизнь. Их можно резюмировать в нескольких словах: государство наблюдает за производством и всячески способствует его развитию. С правом владеть собственностью связаны известные обязательства, невыполнение которых влечет за собою переход собственности в руки общества. Правительство «Макарии» состоит из пяти многочисленных департаментов («councils of state»), в которых принимают участие самые сведующие граждане. Один из департаментов заведует земледелием, второй рыболовством, третий торговлей и промышленностью на суше, четвертый морской торговлей, пятый колониями. Само собой разумеется, эти департаменты превосходно выполняют свои задачи. Они всюду содействуют прогрессу и улучшениям, благодаря чему в Макарии царит благосостояние, науки процветают, бедняки пользуются нужной им поддержкой и т. д., и т. д. Было бы совершенно излишним входить здесь в подробности, ибо вся суть в основной мысли: государство должно быть учреждением ведающим хозяйство страны; с этой мыслью Гартлиб носился всю жизнь. Почти до конца жизни он постоянно упоминает в письмах Макарию *). Только у него с этим названием связан уже новый проект: проект союза друзей естественных наук, которые тогда в университетах были в большом загоне.

Последний проект осуществился еще до смерти Гартлиба в виде «Королевского Общества». Но осуществить первый Гартлибу не удалось.

Правительственные круги отнеслись отрицательно не только к самому проекту, но даже к предложению Гартлиба сделать небольшой опыт в главной отрасли промышленности, в сельском хозяйстве. Опубликовав различные работы об усовершенствованных способах обработки земли, Гартлиб в 1651 году издал сочинение: «An Essay for Advancement of Husbandry-Learning or Propositions for the erecting of a College of Hucbandry» (проект усовершенствования сельскохозяйственных знаний или советы для устройства сельскохозяйственного колледжа). Соображения, высказанные в этом проекте Гартлибом, безусловно разумны и практичны, и все-таки понадобилось почти двести лет, прежде чем этот проект осуществился в Англии. Мы упомянули об этой статье, потому что ее подзаголовок, который повторяется во многих других сочинениях Гартлиба, послужил образцом для заглавия проекта Джона Беллерса, о котором мы будем говорить еще ниже. Кстати сказать, что статьи и проекты Гартлиба по сельскохозяйственным вопросам в специальной литературе вызвали очень одобрительные отзывы.

Кроме того, Гартлиб проектировал учреждение государственной «с п р а в о ч н о й к о н т о р ы для т о в а р н о г о о б м е н а, для доставления должностей, служащих и т. д. В этой конторе должны были храниться списки и реестры всех товаров, должностей, лиц и т. д. Из нее всем должны были выдаваться справки, богатым за один или за два пенса, «бедные же должны получать все безвозмездно». Далее Гартлиб в своих сочинениях настаивал на том, чтобы все изобретения опубликовывались для всеобщего сведения, и сам показал пример этого. В конце концов он сочинил еще проект сельского банка. Все эти проекты носят буржуазный характер и не все они осуществимы на практике, но за то все про-

*) В 1659 году его постигло большое огорчение: кто-то, пользуясь его именем, выпустил громоздкую и нелепую пародию на Макарию, под заглавием: «Ольбия» (счастливая), и некоторые друзья Гартлиба поддались этой мистификации.

никнуты мыслью, что изобретения, увеличивающие производство, должны
улучшить положение беднейших классов, и что там, где отдельный
человек не может достигнуть этой цели, должно вмешиваться государство.

Однако литература той эпохи не исчерпывается буржуазными про-
ектами социально-политических реформ. Теперь мы перейдем к настоящей
коммунистической секте «истинных левеллеров», как называли
себя в революционном задоре сторонники этой секты, или «копателей
(«Diggers»),как называл их народ и современные им летописцы.

В воскресенье 8 апреля 1649 года, когда Лильбурн и другие вожди
левеллеров уже снова сидели в Тоуэре, вдруг, в графстве Суррей, вблизи
Кобгема, в четырех или пяти милях к юго-западу от Лондона, появилась
толпа вооруженных лопатами людей, которые начали перекапывать необ-
работанную землю на одном из холмов той местности Сен-Джордж-Гилль,
с целью посеять на этой земле хлеб и овощи. Теперь нас еще мало, гово-
рили они окрестным жителям, но вскоре нас будет до четырех тысяч. Они
хотели показать всем людям, что такое истинная общность
имущества и как ее достигнуть, и доказать, что безусловно справедливо,
чтобы трудящийся народ пахал и засаживал общественную землю и чтобы
он жил на ней не нанимая ее ни у кого и не уплачивая никому арендной
платы. Они проработали целую неделю, разбили палатки, приготовили
и на другом холме землю для посева зерна, но к средине второй недели по-
явились два отряда кавалерии,которая отчасти разогнала, отчасти аресто-
вала их. Число их к тому времени значительно увеличилось. Пред-
водителей их: Вильяма Эверарда и Джерарда Винстэнли,
отвели к генералу Фэрфаксу. Эверард, исключенный из армии за излиш-
ний радикализм или добровольно покинувший ее левеллер, об'явил Фэр-
факсу, что он, как и большинство людей называемых англо-саксáми, при-
надлежит к иудейскому племени *). Вольности народа, говорил Эверард,
были потеряны, благодаря порабощению его Вильгельмом Завоевателем.
С тех пор народ божий под таким гнетом и под такой тиранией, какой пред-
ки его не испытывали даже в Египте. Но теперь настало время освобожде-
ния. Господь избавит свой народ от рабства и возвратит ему его права на
пользование плодами и всеми благами земли. Сам Эверард имел недавно
видение и слышал голос, повелевший ему: «встань, копай, паши землю
и пользуйся полученными таким образом плодами»: мы стремимся, про-
должал Эверард, вернуть мир к его прежнему состоянию. Подобно тому
как бог обещал сделать бесплодную землю плодотворною, так и они целью
своей деятельности считают восстановление древней общности
пользования плодами земли. У них нет намерения завладеть
насильственным образом чьей-либо собственностью или разрушать изго-
роди и заборы; они желают занять общинные необработанные земли и
сделать их для общего блага плодородными. Те, которые захотят прим-
кнуть к ним и трудиться вместе с ними, получат пищу, одежду и все,
что нужно человеку. На теперешних землевладельцев («Freeholder») они
смотрят как на своих старших братьев, уже раньше получивших свою
долю из наследства. Они смотрят на них так даже в том случае, когда
имущества их приобретены несправедливостью, насилием или при помощи
других дурных средств. Однако, хотя они и считают себя младшими
братьями, но не понимают, почему они должны быть лишены своего на-
следия и должны терпеть голод в то время, как большие участки общест-
венной земли остаются необработанными. Вскоре наступит время, когда

*) Это конечно следует понимать в том смысле, что они принадлежат к на-
роду божию, т. е. являются преемниками иудейского царствия божия. Подобные
выражения были очень в ходу у религиозно-коммунистических сектантов 16 и 17
столетия. Мюнстерские анабаптисты также называли себя израильтянами.

в их союз войдут все бедняки, все безработные и угнетенные люди, которые превратятся тогда из беспокойных бродяг в полезных членов общества. Да, дело дойдет до того, что даже теперешние свободные землевладельцы, продолжающие угнетать народ подобно норманам, снесут свои изгороди, откажутся от собственности на землю, примкнут к новому союзу, положат таким образом конец всякой тирании, рабству и водворят царствие божие на земле.

Эверард, впрочем, об'явил, что они не будут оказывать вооруженного сопротивленя, но подчинятся властям и будут ждать пока наступит их время, которое уже близко. В шатрах, говорил Эверард, они живут потому, что так жили их праотцы.

«Они стояли перед генералом с покрытой головой, и на вопрос почему они это делают—ответили: потому что он такой же человек как мы; тогда их спросили: какое же значение имеет изречение: «ему же честь, честь», а они ответили: «да замолкнут ваши уста, задающие такие вопросы» *).

Состоявшее из зажиточных землевладельцев округа жюри приговорило их к чрезвычайно высоким, для того времени, денежным штрафам; а так как они не были в состоянии уплатить их, то у них конфисковали все имущество. Однако левеллеры не отказались от своего дела. Они все снова пытались провести свои идеи на практике, и все снова власти разгоняли их силою. Они издавали памфлеты в защиту своих идей и протестовали в них против предпринимаемых по отношению к ним мер. Эти памфлеты, о которых до сих пор в исторических сочинениях совсем почти не упоминалось, носят несколько мистический оттенок, но мистический налет настолько поверхностен, что не остается никакого сомнения в том, что он служил только для прикрытия истинных революционных целей движения.

Примером может служить памфлет, носящий заглавие: «Водружение знамени истинных левеллеров или государство коммунизма, из'ясненное и предложенное сынам человеческим Вильямом Эверардом, Джерардом Винстэнли и т. д. (затем следует еще 13 имен), начавших засевать и унавоживать бесплодную землю на Сен-Джордж-Гилле в приходе Вальтон в графстве Суррей: Лондон 1649 год». Памфлет начинается фразой, уже сильно напоминающей XVIII столетие: «в начале великий творец разум («the great creator reaosn») создал землю, как общее достояние всех людей; лишь благодаря насилию на земле появилось рабство и угнетение. Это насилие явилось в лице Адама, отца первородного греха. Толкуя библейскую историю в крайне рационалистическом, но и популярном духе, авторы пишут: «Но это возникновение рабства носит название А-дам, ибо власть произвольно управлять людьми и распоряжаться ими была плотиной (по-английски a-dam) против духа свободы в мира». Снова повторяется рассказ о видении Эверарда; но слова, влагаемые в уста видению, показывают, что цели его были чисто мирские. «Трудитесь совместно, ешьте совместно свой хлеб и возвестите об этом всему миру», говорило видение. «Израиль не должен ни принимать арендной платы, ни уплачивать ее сам» **). Видение однако на этот раз не ограничивается запрещением взимать арендную плату. «На том, продолжает видение, кто будет обрабатывать землю для одного или для нескольких лиц, поставленных, чтобы повелевать людьми, и на том, кто не будет считать себя равным всем другим людям в мире, будет рука господня. Я господь,

---

*) Сообщено между прочим в «Memorials of the English Affairs ftom the reign of Charles I to the restoration», стр. 384—B. Whitlocke'a.

**) По поводу этого небесного манифеста, („No-rent“ Manifest), запрещающего взимание арендной платы, не лишнее будет напомнить сказанное нами выше о повышении арендной платы в XVII столетии а затем тот факт, что 1648—49 годы были голодными годами.

говорю это, и слово мое сбудется» (стр. 18). Яснее уже нельзя призывать *к мятежу против землевладельцев* или, пожалуй вернее, к *стачке сельско-хозяйственных рабочих*. Ясно также, что гнев божий, угрожающий нарушителям стачки, проявился бы в виде воздействия со стороны «народа божия».

Однако ожидания «истинных левеллеров» не оправдались. Им не удалось даже привлечь столько сотен приверженцев, сколько тысяч они надеялись привлечь. Уже после подавления их первой попытки вызвать движение среди сельско-хозяйственных рабочих своеобразной «пропагандой действием» их судьба была решена. Настоящие голодные ренты установились только после реставрации, да и наемная плата сельско-хозяйственных рабочих еще не достигла такого низкого уровня, до какого она упала впоследствии, при реставрации. Кроме того, самые энергичные элементы крестьянства находились *в армии*, а там, между тем, левеллерам был нанесен решительный удар.

Несмотря на это, они еще несколько раз возобновляли свою попытку, но, конечно, безуспешно. Последнее усилие в этом направлении было, повидимому, сделано в 1653 году. В собрании государственных актов, издаваемых под заглавием „Calendar of State Papers", в XIII томе имеется письмо Джерарда, Винстэнли и Джона Пальмера, написанное от имени их товарищей и адресованное государственному совету республики. В этом письме они протестуют против сделанного неким священником Платтом и другими лицами доноса.

„Будто мы, называемые «копателями», беспокойные насильники, не желаем подчиняться приговору судей, будто мы овладели каким то домом и поставили в нем четыре орудия, будто мы кавалеры (т. е. роялисты) и ждем только случая, чтобы вернуть принца (Карла II)».

«Государственный совет, говорится далее в письме, послал вследствие этого доноса солдат, чтобы разогнать нас, копателей; но это дурно, потому что мы, подписавшиеся, миролюбивые люди, не сопротивляющиеся своим врагам, но просвящение бога смягчить их сердца. Мы хотим победить своих врагов любовью».

Очень интересно продолжение письма.

„Мы пашем и копаем для того, чтобы вынужденные нищенствовать бедняки могли сносно существовать. И мы думаем, что имеем право на это в силу победы над покойным королем, который пользовался унаследованным от Вильгельма-Завоевателя правом на землю... Но если должно быть сохранено нормандское насилие, то мы, *держа сторону парламента*, многое потеряли.

«Мы примкнули к парламенту, рассчитывая на его обещание, что земля будет свободна, и мы требуем признания за нами права пользоваться общественной, купленной ценою наших денег и крови, землей. Мы требуем этого во имя равенства. Парламент и армия об'явили, что они заботятся обо всей нации. *Вы, дворяне, имеете право на свою огороженную землю*. Мы требуем права на земли общественные.

«Годная для обработки земля имеется в достаточном количестве и даже в избытке. Мы требуем только права трудиться и пользоваться плодами своих трудов. Если нам в этом откажут, то нам придется собирать для бедных у вас же. Но есть много гордых и горячих людей, которые предпочтут грабить и красть, чтобы не принимать милостыни: иные стыдятся просить милостыню. Если же нам дали бы землю, то не было бы ни бездельников, ни нищих.

«Тогда Англия могла бы обходиться собственными средствами. Это позор для религии, что земля должна оставаться не обработанною, между тем как многие умирают с голоду.

«Если вы освободите землю, мы будем рады вашему покровительству и покровительству армии, и охотно подчинимся вам».

Однако довольно.

Это письмо в немногих простых словах дает верную критику английской революции с точки зрения пролетария той эпохи. Такою именно революция должна была представляться пролетарию, особенно деревенскому. Если бы не свойственный Карлейлю тон превосходства, он был бы совершенно прав, влагая в уста левеллеров и их приверженцев (в 1649 году) следующие слова: «враги господни побеждены, главные преступники наказаны, благочестивая партия одержала победу, почему же не наступает тысячелетнее царствие?»

Вопрос: разве крестьяне и рабочие напрасно жертвовали своей жизнью? был вполне естественным и справедливым, и не менее справедливым было приведенное выше замечание: если нормандское насилие (т.-е. существующее распределение собственности) должно быть сохранено, то мы только потеряли, поддерживая парламент. Трудящееся сельское население, как класс, благодаря революции, многое должно было потерять; по крайней мере эксплуататоры его были освобождены, эксплуатация усилилась. Но об этом ему в начале борьбы не говорили. Тогда речь шла о прекраснейших общих принципах, о защите «божеского права» от духовенства, свободы от тирании, о «вечной справедливости», как выражается прославляющий Кромвеля Карлейль. Разве бедные сельские жители могли знать, что в XVII веке вечною справедливостью называлось низвержение королевского абсолютизма и водворение абсолютизма собственности!

Приведенное нами письмо является последним признаком коллективной деятельности «истинных левеллеров». Ни в том классе, интересы которого они представляли, ни в общих условиях жизни они не нашли элементов, необходимых для осуществления их желаний. Тем из них, которые не желали отказаться от деятельности, направленной к улучшению общественного строя, оставалось только примкнуть к другим родственным движениям, имевшим в то время большой успех. Ниже мы увидим, что многие так именно и поступили.

Еще прежде чем «копатели» отказались от своей оригинальной агитации, их духовный вождь, Джерард Винстэнли опубликовал сочинение, в котором с полной ясностью излагаются истинные принципы и конечные цели начатой им агитации. Это последнее самостоятельное сочинение истинных левеллеров является в то же время самым замечательным и самым интересным для истории социализма. В нем нет мистицизма, нет никаких иносказаний—ясными точными словами автор излагает целую систему социалистического общественного строя, утопию, несомненно возникшую под влиянием утопии Мора, но тем не менее заслуживающую подробного рассмотрения, так как она явилась продуктом и выражением пропаганды, которая велась в пролетарских кругах, и так как в ней ясно обнаружились демократически-революционные тенденции *).

*) Когда я кончил эту главу, появился второй том «Clarke Papers» (Ср прим. на стр. 51), в котором между прочим имеются кое-какие сведения об истинных левеллерах. Цитированное выше письмо Винстэнли к государственному совету помечено там восьмым декабря 1649 года. Таким образом, наше предположение, основанное на датах, приведенных в „Cal of State Papers“, будто копатели продолжали свои попытки до 1653 года, теряет всякое значение. Событие, о котором говорит письмо Винстэнли, как явствует из другого письма копателей, приведенного в „Clarke Papers“ (II т., стр. 215—217), разыгралось 28 ноября 1649 г.

Замечательна в последнем письме жалоба подписавшихся, что лэндлорды, по требованию которых солдаты республики сломали дом копателей, роялисты. «Если вы исследуете дело, говорится в письме, то вы найдете, что господа, вытребовавшие солдат, наши враги. Ибо некоторые из их главарей принимали участие в Кентском восстании против парламента (см. стр 51). Подписавшиеся,

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ УТОПИЯ ДЖЕРАРДА ВИНСТЭНЛИ.

Когда истинные левеллеры начали свою агитацию при помощи кирок и лопат, их главным предводителем был, повидимому, Вильям Эверард, хотя Винстэнли всегда фигурировал на ряду с ним. Винстэнли написал несколько памфлетов и, между прочим, утопию «истинных левеллеров». Она носит заглавие: «Закон свободы, изложенный в виде программы» или «Восстановление истинной системы правления». (The Law of Freedom in a Platform or True Magistracy Restored, London, 1651—52. Giles Calvert), и в ней различается различие между королевским и республиканским (common-wealth») правительством. «Почтительнейше посвящено Оливеру Кромвелю... а также всем

в числе семи человек, просят от имени своих товарищей привлечь к ответственности солдат «для того, чтобы страна узнала, что вы не принимали участие в таком жестоком и несправедливом деянии». Надо однако думать, что государственному совету было гораздо интереснее играть роль защитника собственности буржуазных классов.

В том же томе, в котором мы нашли это письмо, имеется также (стр. 221 и сл.) «песня копателей», найденная в манускриптах Кларка. Мы не можем не привести здесь по крайней мере нескольких стихов этой песни коммунистов, которую они пели вероятно на какой-нибудь народный мотив.

«You noble Diggers all, stand up now, stand up now,
You noble Diggers all, stand up now;
The waste Land to maintain, seing Cavaliers by name
Your digging does disdaine, and persons all defame
Stand up now, stand up now».

(Благородные копатели, все подымитесь теперь, подымитесь теперь, благородные копатели, все подымитесь теперь; чтоб удержать в своих руках общирную землю, господа кавалеры по имени презирают ваше копанье, а людей бесчестят. Подымайтесь, подымайтесь!)

Затем пробираются поочередно аристократия, джентри, адвокаты и священники:

«Wits spades and hoes, and plowes, stand up how ets.
Vour Freedom to uphold, scing Cavaliers are bold.
Fo kill you if they could and rights from you to hold.
Stand up now biggers all».

(Подымитесь с лопатами, мотыгами и плугами, поддержать свою свободу. Господа кавалеры довольно смелы, чтобы перебить вас, если в силах, и отнять ваши права. Подымитесь все копатели!)

Кавалеры разрушают дома и приводят в трепет бедных людей, но «джентри придется опуститься пониже, и бедные люди будут носить венец». Произвол кавалеры считают законом, они не боятся заставлять бедных людей умирать с голоду. А буржуазия

«The gentry is all round, on aech side they are found
Their wisdom is so pround to cheat us from our ground».

(Дворянство везде кругом, они поддержаны со всех сторон, их мудрость достаточно глубока, чтобы обманом согнать нас с нашей земли).

Адвокаты соединяются с ними: дают советы, каким образом можно арестовать бедных выдумывают всевозможные безчинства «the devil in them lies». Священники не отстают:

«The Clergy they come in, and say if is a sin
That we should now begin, our freedom for to win».

(Духовенство тоже является и говорит, что грех то, что мы начинаем,— добыванье себе свободы).

Они требуют десятины, а адвокаты требуют уплаты судебных издержек, поэтому и те и другие считают обращение бедных в рабство справедливым. Поэтому же в следующем стихе говорится: «gainst lawyers and 'gainst priests», ибо они тираны, дерзко нарушающие свою клятву. Они тоже только благодаря силе властвуют над бедняками. Но они не могут сослаться ни на какое видение, которое велело бы им сохранять такой закон.

англичанам, которые все мои братья, все равно, принадлежат ли они к церкви или нет, и еще всем нациям мира. Джерард Винстэнли».

Поставленные в виде эпиграфа стихи призывают к скорому осуществлению принципов нового учения.

«О, Англия, ты видишь, как возникает в тебе окруженное сиянием новое учение. Проведи его в жизнь—и ты достигнешь венца. Если ты откажешься это сделать и будешь упорствовать в своей надменной жестокости, то другая страна примет это учение и, вместе с тем, лишит тебя венца».

Самое сочинение начинается предисловием—обращением к Кромвелю. Играющему теперь уже первую роль в государстве Кромвелю настоятельно советуется изменить не только названия, но и сущность учреждений. Далее говорится, что он удостоился высокой чести быть вождем народа, изгнавшего фараона. Но власть, которую представлял последний и которою пользовался, еще не уничтожена. Еще земля и свобода не сделались достоянием тех, кто жертвовал ради них жизнью. Не Кромвель, как отдельное лицо, не он и его офицеры, победили короля; они сделали это только при помощи простых людей, которые помогали им, либо непосредственно принимая участие в борьбе, либо трудясь дома для содержания армии. Следовательно, победа должна была бы принести

В предпоследнем стихе заключаются новые нападки на кавалеров, даже не скрывающих своей враждебности народу: «by verses not en prose to please the singing boyes» (роялисты в самом деле наводнили страну песнями и стихотворениями). В последнем же стихе провозглашается мирный законный путь:

«To conquer them by lowe, comein now, come in now.
To conquer them bu lowe, come in now;
To conquer them bu lowe as it does you behove,
For he is king above, no power is like to love,
Glory hear Diggers all».

(Покорить их любовью, вступайте, вступайте теперь (в союз). Покорить любовью выступайте теперь. Покорить их любовью, как и надлежит вам, ибо он король вверху; нет силы равной любви, внемлите славе копателей).

В этой песне интересна только тенденция, но зато другая коммунистическая песня того времени дышет истинной поэзией. Я приводу здесь лишь три строфы из нее:

«Долго бедняки терпели ужасную несправедливость своих богатых соотечественников, и духовенство при этом богатело; это был страшный позор. Но скоро всем придется примириться с равенством. Водворится общественный порядок, при котором горы и долины сравняются.

«Близок тот час, когда тьма в умах рассеется, и тогда навеки водворится коммунизм. Малые и великие будут об'единены взаимною любовью, исчезнет поклонение людям, и почести будут воздаваться лишь одному отцу небесному.

«Славное время, которое я предсказываю, принесет нам несказанное благоденствие. Хлеб будет расти для нас, цветы будут нас приветствовать, а наши амбары будут полны. Птицы будут петь радостные песни, каждое растение будет приносить больше плодов, и тогда мы с песнями возблагодарим царя, нашего бога, осыпающего нас своими дарами».

Я позаимствовал эту песню из «A Mite cast into the common Treasury or Queris propounded (for all men to consider of) by him who desireth to advance the work of public community».

Автор этого сочинения, вышедшего в свет 18 декабря 1649 года, подписался Робертом Костером. Поднимаемые им вопросы совсем в духе копателей и формулированы очень искусно. Сначала ставится вопрос—не восхваляют ли некоторые места в библии общность имущества и не осуждают ли они власть человека над человеком. Третий вопрос гласит: «разве частная собственность вытеснила коммунизм не при помощи убийств и кражи, разве она существует не благодаря им? Разве при этих жестоких деяниях вышеназванные хищники, крупные землевладельцы, адвокаты и священники не играли главной роли? Разве они не прикрывали своих бесстыдных позорных деяний фиговыми листочками суббот, праздничных дней, догматов, формул и культов». В четвертом вопросе, между прочим, спрашивается: не самым ли важным пунктом в грамоте крупных землевладельцев является их право приказать тюремщику: «посади его под замок». Шестой и

всем равную долю благ. Перед Кромвелем два пути. Он может вернуть народу землю и, таким образом, сделаться достойным выпавшей на его долю чести; или же он может передать власть в руки других лиц, и тогда честь его и мудрость бесповоротно погибнут. Он погибнет сам, или проложит путь еще большему рабству, чем то, которое господствовало до тех пор.

После этого почти пророческого предисловия Винстэнли перечисляет бедствия, от которых страдает народ. Они заключаются в следующем:

1) Влияние духовенства на народ не прекращается.

2) Многие священники противники свободы, многие даже приверженцы монархии.

3) Десятина все еще взимается и обременяет народ.

4) Судьи творят правосудие, как и раньше по своему произволу.

5) Законы остались прежние, враждебные народу, только название королевский закон было заменено названием: государственный закон.

6) Хозяйственная неурядица очень велика; в сельских местностях крупные землевладельцы—«Lords of the Manor»—попрежнему угнетают своих «братьев», они требуют от последних уплаты всевозможных феодальных налогов и сгоняют их с общественной земли, когда они отказываются вносить арендную плату. В приходах, где есть общественная земля, богатые землевладельцы (как принадлежащие к старинным нормандским родам, так и новое дворянство, еще более жадное, чем первые) выгоняют столько скота на общественный выгон, что более бедные крестьяне и поденщики едва в состоянии держать одну корову. При оценке имуществ, предшествовавшей установлению налогов, благодаря влиянию аристократов, были сделаны величайшие злоупотребления. В городах народ страдает от слишком высоких дорожных пошлин, от рыночного и т. п. сборов.

Затем следует резкая полемика, направленная против законности существующей земельной собственности. Особенно любопытны следующие места:

«Но, скажете вы,—разве земля не принадлежит твоему брату? Ты не можешь уничтожить прав другого и требовать, чтобы они были переданы тебе». На это я отвечу: «Земля не принадлежит ему ни по праву создания, ни по праву завоевания. Если он называет землю своей, а не моей по праву создания, то земля может считаться настолько же моей, насколько его, ибо творческий дух, создавший нас обоих, не различает лиц. Если он называет землю своею по праву завоевания, то это должно быть или по праву завоевания королем простых людей, или завоевания

последний вопрос гласит: «не откроют ли безработные и работающие за плату лазейку для свободы, захватив под обработку общественную землю». Ответ очень характерен. Если бы они это сделали вместо того, чтобы с согнутыми коленами и шапкою в руках вымаливать у помещиков работу, за которую им платят по 6 и по 10 пенсов в день и которая только дает возможность помещикам эксплуатировать своих ближних, то богатые фермеры потеряли бы скоро охоту арендовать всю землю; тогда лорды, разговаривающие теперь с фермерами только свысока, быстро утратили бы свою гордость, так что даже бедные могли бы говорить с ними. Фермеры арендуют так много земли только в расчете на прибыль, какую им дает труд бедняков, «because poor men are so foolish and slavish as to creep to them for imployment although they will not give them wages enough to maintain them and their families comfortably». (Потому что бедные настолько глупы и рабски покорны, что ползают у их ног ради работы, хотя те не дадут им заработной платы, достаточной для содержания себя и своих семей прилично).

Повидимому «сумасшедшие копатели» понимали толк в политической экономии.

простыми людьми короля. Если он имеет притязания на землю на основании завоевания со стороны короля, то, ведь, теперь короли побеждены и изгнаны, а потому такое право завоевания потеряло свою силу. Если же он требует признания за ним права на землю, ссылаясь на победу простых людей над королем, то я имею такие же права на землю, как и мой брат, ибо вести войну помогали в с е». (Стр. 9 и 10).

И вот, в виду бедствий народа, он, Винстэнли, выработал предлагаемый план, на основании которого могут быть восстановлены справедливые порядки. Первоначально он не думал опубликовывать его, но в конце концов внутренний огонь заставил его сделать это. Возможно, что не все предлагаемое им верно, но пусть Кромвель поступит подобно пчеле, высасывающей из цветка мед, но не трогающей всего остального! «Если этот план грубое, плохо отесанное бревно, то, ведь, опытный рабочий может попытаться сделать из него прекрасную постройку».

Кромвель, может быть, спросит, каким образом будут существовать священники, собственники и крупные землевладельцы, если у одних будут отняты десятины, а у других обязанные работать на них люди. Но, ведь, когда на народ были наложены десятины и другие тяготы, никто не подумал о бедности народа. За участь священников и лордов, однако, нечего опасаться: в качестве членов будущего свободного общества они будут иметь на общественное достояние такие же права, как и их сограждане, и поэтому им не придется терпеть нужду.

В будущем обществе прежде всего д о л ж н а б ы т ь у н и ч т о ж е н а т о р г о в л я, к у п л я и п р о д а ж а. Винстэнли довольно остроумно называет в о з н и к н о в е н и е т о р г о в л и г р е х о п а д е н и е м ч е л о в е ч е с т в а.

«Разве купля и продажа не добропорядочный закон (слово закон употребляется здесь в смысле учреждения)? — спрашивает Винстэнли; и отвечает: «Нет, это закон завоевателя, а не справедливый естественный закон. Может ли быть справедливым и добропорядочным то, что называется мошенничеством («a cheat»)? Разве у нас не вошло в обычай, что люди, имея плохую корову, негодную лошадь или, вообще, какой-либо плохой товар, посылают их на рынок, чтобы обмануть какого-нибудь добродушного простака, а потом, сидя дома, радуются, что им удалось нанести ущерб своему ближнему. Когда человечество начало покупать и продавать, оно утратило свою невинность, ибо тогда же люди начали угнетать друг друга и, путем обмана, лишать один другого естественных прав. Так, например, если земля принадлежит трем лицам и двое из них покупают и продают землю, не спрашивая согласия третьего, то последний тем самым лишен своего права на землю, и потомство его вовлекается в войну».

Теперь опять казенные и церковные земли, к великому соблазну бедных людей, продаются жадным на землю офицерам армии и всевозможным спекулянтам. «Эта купля и продажа вызывала поэтому, и теперь еще вызывает недовольство и войны, причиняющие много страданий человечеству. И народы земли никогда не научатся перековать свои мечи в плуги и свои копья в садовые ножи, не сумеют избавиться от войн, пока они не уничтожат мошеннического изобретения купли и продажи, вместе с обломками королевской власти» (стр. 12).

Затем Винстэнли подробно рассматривает вопросы, связанные с осуществлением его плана будущего строя: «Но может быть,—спрашивает он прежде всего,—нужно, чтобы один человек был богаче другого? Нет, в этом нет никакой надобности,—отвечает он.—Ибо богатство делает людей гордыми, надменными, заставляет их угнетать своих братьев и служит причиною войн». Винстэнли доказывает, приближаясь, таким образом к учению новейшего социализма, что б о г а т с т в о н е в о з м о ж н о

без эксплуатации. «Никто не может быть богатым иначе, как благодаря своему собственному труду или труду других людей, помогающих ему. Если бы ближние не помогали человеку, он не был бы в состоянии получать ежегодно сотни и тысячи фунтов стерлингов дохода. Но если ему помогают другие, то достигнутые блага принадлежат настолько же его соседям, насколько ему, ибо они являются плодом трудов других настолько же, насколько и плодами его труда... Но все богачи живут в довольстве, питаются и одеваются не собственным трудом, а благодаря труду других. И это вовсе не честь, а позор. Ибо лучше давать, чем получать. Богачи же получают все, что они имеют, из рук рабочих. Когда они дарят что-нибудь, они дарят продукт труда других, а не своего собственного труда».

Но в смысле почестей и титулов неравенство может быть сохранено. «Смотря по занимаемой им должности, каждый может достигать все более высоких почетных титулов, вплоть до достижения наивысшей чести: быть верным слугою республики в парламенте. Каждый, открывший какую-либо тайну природы, как бы молод он ни был, должен также получать почетный титул. Но никто не должен получать почетного титула иначе, как за свои заслуги, за возраст или за исправляемую им должность. Человека, достигшего шестидесятилетнего возраста, остальные, более молодые люди, должны почитать, как будет показано ниже».

«Должен ли человек смотреть на дом своего ближнего, как на свой собственный дом, должен ли он жить в нем вместе с ближним, составляя как бы одну семью?» спрашивает далее автор.

«Нет, отвечает он, хотя вся земля и все запасы принадлежат сообща всем семьям; каждая семья, как и теперь, должна жить отдельно, и дом, жена, дети, вся утварь, украшающая дом, все, что человек берет из запасов для удовлетворения потребностей своей семьи, составляет собственность этой семьи и предназначено для того, чтобы она мирно пользовалась им». Всякий нарушивший это правило, должен быть наказан «как враг общества».

Будут ли существовать адвокаты? *). «Нет», гласит ответ, и в пояснение добавляется: «нет больше купли и продажи». Закон сам должен служить адвокатом и должен быть изложен настолько ясно, чтобы не нуждаться ни в каких толкованиях. «В свободном обществе не должны царить вечно возбуждающие вражду Симеон и Леви».

Этим исчерпывается предисловие. Первую главу трактата составляет исследование о том, в чем заключается истинная свобода. Она не состоит, как думают иные, в свободе торговли, ибо—«это свобода, только пока господствует закон завоевателя». Не заключается она также в свободе культа, ибо «это—неопределенная свобода», ни в свободе ввести общность жен, ни в возможности, чтобы старший брат завладел имением, а младший служил ему. «Все это—вольности, ведущие к рабству, но не истинная принципиальная свобода, обезпечивающая республиканскому государству мир. Истинная республиканская свобода заключается в свободном пользовании землей. Истинная свобода царит там, где человек получает пищу и все, что нужно для его содержания. Человеку легче не иметь тела, чем не иметь пищи для поддержания последнего. Поэтому отнятие земли у одного брата в пользу другого ведет к угнетению и рабству.

---

*) Тут кстати будет вспомнить, что говорилось выше о ненависти к ним.

Я говорю здесь об угнетателях и об угнетаемых, о внутреннем рабстве я не говорю. Хотя я уверен что, при тщательном исследовании, оказалось бы, что внутреннее рабство—жадность, гордость, лицемерие, зависть, заботы, страх, отчаяние и безумие, вызываются внешним рабством, являются последствием того, что один класс людей угнетает другие классы!»

Винстэнли снова возвращается к покорителям Англии, норманнам, к законам, которые они ввели, и к духовенству, защищающему последние. «Священники, пишет Винстэнли, убедили народ предоставить Вильгельму Завоевателю право собственности на землю и власть над нею. Они убедили народ не восставать против него и позволить ему называть землю своею. Кроме того, священники постоянно ведут борьбу с простым народом и примиряются с ним лишь тогда, когда им настолько удается затемнить его разсудок, что он верит всякому учению и ни о чем не размышляет, повинуясь их изречению: «учение веры не должно испытывать разумом». Конечно, если бы кто-нибудь вздумал испытать учение веры разумом, то оказалось бы, что священники—слуги несправедливости, и тогда они лишились бы своей десятины.—Неудивительно поэтому, что государственное духовенство Англии и Шотландии, состоящее из священников, взимающих десятину и повелевающих невежественным, обманутым народом, так трогательно было предано своему господину, королю. Ибо, говорят священники, если народ не будет работать для нас, не будет платить нам десятину, если сами мы должны будем работать на себя, то наша свобода погибнет. Но их слова,—озлобленный крик египетского погонщика рабов, видящего в свободе других людей свое собственное рабство».

Когда будет выполнен предложенный автором проект, когда каждый свободно будет пользоваться землею, тогда «никому не нужно будет для поддержания своей жизни лицемерить так, как теперь лицемерит духовенство и другие»...

«Слава царства Израильского заключалась в том, что среди израильтян не было нищих».

Первая глава кончается ссылкой на коммунистические пункты Моисеева законодательства и протестом против утверждения, будто в будущем обществе должны будут царить леность, общность жен и беззаконие.

Во второй и третьей главе еще раз более подробно рассматривается вопрос о сущности правительства вообще и о различии между „королевским" и „республиканским" («commonwealth») правительством. Мы приведем здесь лишь некоторые, наиболее характерные положения.

«Администрация *) возникла первоначально благодаря необходимости сообща поддерживать существование, и первые зачатки администрации появились внутри отдельной семьи. Предположим, что на свете есть только одна семья, состоящая из многих лиц, как, например: семья нашего праотца Адама, которая также была якобы **) единственной на земле. Тогда Адам был первым администратором или правителем. Он делал самые мудрые распоряжения, он был самым сильным при работе; поэтому он был самым подходящим для роли главного управителя дома. Ибо золотое правило гласит: «пусть мудрый помогает про-

*) «Behördenwesen» переводит автор английское слово «magistracy», которое Винстэнли употребляет, повидимому, намеренно, чтобы не говорить «governement»—правительство

**) «As is conceived»—сказано в оригинале. Это „якобы" чрезвычайно характерно.

стодушному, пусть сильный помогает слабому». Тем, кто мог бы возразить, что для Адама не существовало никакого закона, что он повелевал по своему усмотрению, Винстэнли предусмотрительно говорит, что в этом случае решающее значение имел закон *необходимости*. Этот закон так ясно говорил в пользу главенства Адама над семьей, что все ее члены охотно подчинились ему.

Необходимость от имени детей избрала его правителем. Необходимость требует существования должностных лиц вообще, но она не требует насильственного управления.

«*В администрации истинно республиканского государства все должности должны быть выборными*».

«*Все должностные лица в республиканском государстве ежегодно должны избираться наново.* Если чиновники долго будут занимать одну и ту же должность, они испортятся. Высшие должности в государстве и в армии изменили характер многих благородных («sweet-spirited») людей, исправлявших их. Природа учит нас, что вода портится, когда долго стоит, между тем как проточная вода сохраняет свежесть и пригодна для всеобщего употребления».

С четвертой главы начинается собственно рассказ о том, как должно быть устроено настоящее общество. Уже из заглавия книги явствует, что проект изложен в форме программы, или, выражаясь современным языком, в форме систематически подобранных параграфов. Сначала идет перечисление различных должностей, затем описываются обязанности и роль каждой категории должностных лиц, и к этому описанию уже присоединяется характеристика общественных учреждений. В пятой главе излагаются только методы обучения в школах и в ремесле. В шестой—приводятся некоторые специальные законы истинной республики в противоположность королевским законам. Мы постараемся передать сущность утопии по возможности короче.

Производство в новом обществе носит еще характер мелкого производства, т.-е. того, которое господствовало в современном автору обществе. Каждому предоставляется по желанию работать у себя на дому, но в то же время общество содержит общественные мастерские, где получают также техническую подготовку мальчики, которые не желают обучаться ремеслу своего отца или какого-нибудь другого мастера в их собственных мастерских. *Обмен* продуктов производства наоборот носит *общественный, чисто-коммунистический* характер. Каждый член общества доставляет все свои продукты в *общественный магазин* («store-house») и берет из него все, что ему нужно, как для личного потребления, так и для производства. Есть два рода магазинов. Одни для массовых продуктов, например: зерна, шерсти, и всякого рода сырья, другие для различных продуктов промышленности. *Прием готовых продуктов в общественные магазины и выдача из них предметов потребления и материалов производятся совершенно независимо друг от друга, и при этом не делается никаких подсчетов.* Возможность несоответствия между производством и потреблением предупреждается следующим образом: предполагается, что каждый работоспособный член общества развивает определенное количество труда. Если он в течение известного промежутка времени работает меньше, чем следовало бы, то надсмотрщик его ремесла келейно напоминает ему об его обязанности. И *лишь* в том случае, когда эта мера не помогает, общество привлекает его к ответственности. В большинстве случаев это достигает цели. Но если даже это не помогает, на виновного

налагаются наказания. Такие же меры принимаются когда кто-нибудь берет слишком много для потребления или портит материалы, орудия или инструменты. Обучение всеобщее. Дети воспитываются совместно в общественных школах. До сорокалетнего возраста каждый человек обязан трудиться. Дети все без исключения получают научное и техническое образование; но в обществе не должно быть касты чисто книжных ученых, стоящих выше своих братьев. Каждый человек, достигнув сорокалетнего возраста, имет право заниматься чем ему угодно, каким-нибудь ремеслом, сельским хозяйством, учительством и т. д. или же может предложить себя кандидатом в надсмотрщики и т. п. Приведем теперь перечень различных должностей:

1) В семье: отец.

2) В городе, местечке или приходе: мировой посредник и четырех родов надсмотрщики (ремесленные надсмотрщики, надсмотрщики над общественными магазинами, над общественным спокойствием и над общественной жизнью вообще), солдаты, мастера, пристава.

3) В графствах: судья, мировые посредники городов, надсмотрщики и солдаты, все они вместе образуют сенат или судебную палату графства и заседают поочередно в различных округах графства.

4) Для всей страны имеется общий парламент, духовенство («ministry») республики, почтмейстеры и армия

Мужчины, достигшие шестидесятилетнего возраста, тем самым становятся надсмотрщики над общественной жизнью (следят за соблюдением законов и т. д.). Кроме них, все должностные лица, не исключая и солдат, выполняющих в мирное время функции жандармов, выбираются ежегодно. Обязанности большинства должностных лиц и учреждений явствуют из самих их названий и поэтому не требуют детальных об'яснений. Исключение составляют почтмейстеры и духовенство республики.

Почтмейстеры заведуют передачей и сообщением известий. Они собирают повсюду сведения о замечательных происшествиях (о явлениях природы, изобретениях, несчастных случаях и т. д.) и отсылают их в столицу. Там эти сведения приводятся в порядок, группируются помесячно и печатаются в виде книг. Затем книги рассылаются почтмейстерам отдельных общин страны, которые обязаны сообщать содержание книг всем членам своей общины. Духовенство республики должно заботиться о соблюдении еженедельного отдыха и устраивать в этот день собрания, на которых должны произноситься троякого рода речи: а) Сообщение содержания полученных почтмейстером отчетов о различных делах страны; б) Чтение отдельных глав из свода законов страны, для того, чтобы граждане не могли забыть их; в) лекции или статьи по истории собственной страны и других стран, по вопросам искусства и науки, по естественной истории, о природе человека и т. д. Но никто при этом не должен излагать фантастических теорий. Каждый обязан передавать лишь то, что он узнал из наблюдений или благодаря изучению книг. Далее лекции должны читаться не всегда на английском языке, но иногда также на иностранных языках для того, чтобы граждане английской республики могли учиться у своих соседей и приобрести любовь и уважение последних.

Благочестивый, но невежественный профессор,—говорит Винстэнли,—мог бы возразить, что это «по-истине очень низкое и плотское ду-

ховенство. Благодаря ему люди будут приобретать только земные знания и знакомства с тайнами природы, между тем как мы должны стремиться к духовным и небесным знаниям». «На это,—продолжает Винстэнли,—я отвечаю: знать тайны природы, это значит знать творения божии; а познавать творения божии—это значит познавать самого бога: ибо Бог живет в каждой видимой вещи, в каждом теле».

Затем следует великолепная полемика против учения о сверхчувственном (Винстэнли называет его «Divining doctrine» от «divinity—теология), полемика, которая по своей аргументации и образности принадлежит уже почти 19 столетию. С помощью превосходной диалектики Винстэнли показывает противоречия в теории и практике спиритуалистических жрецов, доказывает, что учение о сверхчувственном отупляюще действует на людей и во многих случаях доводит их до безумия. В конце концов он прямо заявляет :

«В-третьих это (сверхчувственное) учение превращено хитрым старшим братом *) в политическое средство для того, чтобы отнять у простодушного младшего брата земные вольности». Затем следует в качестве примера диалог, кончающийся тем, что «старший брат»(т.-е. богач) говорит «младшему» (пролетарию), не желающему верить, что творец мог установить несправедливое распределение благ на земле: «что, ты хочешь быть атеистом, бунтовщиком, ты не хочешь верить в бога!?» Таким образом «старшему брату» удается застращать «младшего», «не отличающегося понятливостью и не имеющего разумного представления о мире и самом себе—таким образом:

. . . «это сверхчувственное спиритическое учение ничто иное, как обман. Ибо в то время, как люди смотрят на небо, мечтая о блаженстве или опасаясь ада, ожидающих их после смерти, у них отнимаются глаза для того, чтобы они не могли видеть своих прирожденных прав и задачи, ожидающей их во время их земной жизни. Это учение, отвратительная фантазия, подобная туче без дождя» (стр. 62).

Интересно также, чем обосновывает Винстэнли свое отрицание всякой схоластической книжной учености— «knowledge of the Scholars» Мы уже говорили выше, что в этом отрицании книжной учености отнюдь не следует видеть ненависть к просвещению вообще.

С одной стороны в стремлении ограничить обучение сообщением практических знаний, так называемых реальных наук, отражается влияние проповедуемого Бэконом узкого эмпиризма, между тем, как с другой стороны, враждебное отношение к так называемому чистому или теоретическому книжному знанию явилось продуктом антидемократического поведения университетов и профессиональных ученых. Человек из народа должен был презирать ученость, прививавшую своим носителям высокомерное презрение к трудящимся классам и превращавшую этих носителей в сикофантов, покорных воле эксплуататоров и людей власть имущих. Далее надо также принять во внимание положение и характер философских школ той эпохи и их тесную связь с ортодоксальной теологией. Для иллюстрации стоит прочесть хотя бы рассуждение материалиста Гоббса о «царствии божием», о «христианском правительстве» и т. д., заключающееся в его «Левиафане», который появился одновременно с брошюрой Винстэнли.

---

*) Под старшим братом, Винстэнли, как мы видели, подразумевает всегда господствующий и имущий класс.

Однако, довольно об этом. Мы обойдем молчанием постановления, касающиеся усовершенствований земледельческой и промышленной техники и т. д. Хотя они сами по себе чрезвычайно характерны, все же они не отличаются по существу от сделанных в то же самое время другими предложений. В заключение мы рассмотрим еще некоторые установления, касающиеся выборов, законодательства о браке и наказаний.

Избирателем считается каждый гражданин, достигший двадцатилетнего возраста; исключение составляют лица, отбывающие во время выборов наказание, наложенное на них по суду. Избираем может быть каждый человек, достигший сорокалетнего возраста; впрочем, более молодые люди также могут быть избраны, если они отличились какими-нибудь особенными заслугами.

Брак совершенно свободен. «Каждый мужчина и каждая женщина безусловно вольны вступить в брак с кем бы они ни пожелали, если им удастся приобрести любовь и благорасположение лица, с которым они желают соединиться». Приданым того и другого является общественный магазин «равно открытый для обоих». Если мужчина вступает в половые сношения с девушкой и у последней родится ребенок, то мужчина обязан жениться на ней. Изнасилование женщины карается смертью, ибо оно является «нарушением ее физической свободы». Попытка насильственно увезти жену другого первый раз наказывается публичным выговором, а второй раз двенадцатимесячным лишением свободы. Лишением свободы называют необходимость принудительного труда для общества или выполнение обязанности прислуги в семье. Для заключения брака требуется из'явление обоюдного согласия на него надсмотрщиком данного округа в присутствии нескольких свидетелей. Таким образом брак—чисто гражданский акт (это было написано за два года до соответствующего постановления парламента Барбона).

Высшее наказание назначается за куплю и продажу. Желающий соблазнить другого купить или продать что бы то ни было наказывается двенадцатью месяцами лишения свободы. Кто фактически продает землю или плоды ее, тот наказывается смертью. Кто называет землю своей, тот приговаривается к двенадцати месяцам принудительного труда и слова его выжигаются у него на лбу.

Никто не имеет права продавать свой труд или покупать чужой. Всякий нуждающийся в помощи может воспользоваться молодыми людьми или теми, которых надсмотрщики включили в разряд «подручных» («servants»). Нарушающие это постановление приговариваются к двенадцатимесячному принудительному труду.

Золото и серебро должны употребляться отныне не для чеканки монет, а только для изготовления домашней утвари (блюд, кружек и т. д.). «Ибо там, где деньги царят над всем, никто не следует золотому правилу: «поступай с каждым так, как ты хотел бы, чтобы он поступал с тобою», справедливость покупается и продается за деньги, иногда же покупается и продается даже несправедливость, и это служит причиной всех войн и злоупотреблений».

Исключение делается только для обмена с другими нациями, особенно настаивающими на этом и только для них. Им разрешается так же покупать и продавать нагруженные на суда товары. «Но всегда при том условии, чтобы продукты, вывозимые на наших кораблях, принадлежали обществу и чтобы торговля с другими нациями производилась за счет общественного капитала («stock») а прибылью от нее пользовались общественные магазины».

Таковы наиболее существенные пункты утопии, о которой я считаю себя вправе сказать, что она достойна быть извлеченной из той бездны забвения, в которой она пребывала до сих пор. Я не нашел до сих пор упоминания о ней ни в одном историческом сочинении, касающемся эпохи английской революции, ни в одном сочинении, трактующем историю демократии или социализма. Очень незначительные результаты дали также мои усилия отыскать какие либо подробные сведения о личности автора и его судьбе *). В качестве вдохновителя незначительной секты и защитника слаборазвитого класса, Винстэнли, никогда не стремившийся стать на первый план или сыграть какую либо роль, не мог внушить историкам никакого интереса. Своим современникам, даже самым радикальным, он и его товарищи казались безумными мечтателями: Джон Лильбурн, например, в своей брошюре: «The Legal Fundamental Liberties» энергично протестует против предположения, будто он разделяет «ошибочные взгляды бедных джорджгильских копателей». Правда, он писал это в тюрьме и еще до появления сочинения Винстэнли. А, между тем, Лильбурн, в приведенной выше прокламации, выступает на защиту Иоанна Лейденского, пользовавшегося тогда еще более дурною репутацией, чем теперь. Однако, уже самое название секты «истинных левеллеров», выбранное добровольно, показывает, что между ее приверженцами и Лильбурном и его сторонниками существовали ясно сознаваемые ими принципиальные различия. Левеллеры были представителями интересов общих рабочим и радикальной части буржуазии. Истинные же левеллеры были представителями исключительно пролетарских интересов.

И в этом отношении о Винстэнли, не преувеличивая, можно сказать, что он, хотя и не «вооруженный всеми знаниями эпохи», все же стоял на высоте ее и был дальновиднее всех своих современников. Было бы более чем смешно критиковать теперь его практические предложения и указывать на их несовершенства и нецелесообразность. Эти недостатки вполне об'ясняются экономической структурой совре-

*) Некоторые указания, касающиеся его прежней жизни, он дает сам в своем памфлете: «A watchword to the City of London, the Army etc.». По его словам, он первоначально был промышленником в Лондоне. Когда началась борьба против Карла I, он сделал щедрое пожертвование на парламентскую армию, но потом «бесчестные представители воровского искусства купли и продажи в связи с обременительными налогами для войны заставили его бросить свои занятия и принудили принять помощь друзей, доставивших ему возможность поселиться в деревне. Однако, и там налоги для ведения войны, расквартирование войск и т. п. довели его до разорения. Тем не менее, он все это время всегда был готов всеми средствами способствовать восстановлению внешнего и внутреннего мира нации. Но ему пришлось убедиться, что люди, называвшие себя на словах его единомышленниками, в конце концов на деле оказывались противниками. И вот однажды, во время работы, сердце его наполнилось умилительными мыслями. Ему открылись вещи, о которых он прежде не слыхал и не читал и о которых многие, кому он говорил о них, даже слушать не хотели. Одной из них была мысль, что земля должна быть превращена в общую сокровищницу всех людей без всякого различия.

Затем Винстэнли рассказывает все подробности предприятия копателей, рассказывает, как дурно с ними обошлись, и затем говорит: «И я понимаю, что бедняки должны быть избраны первыми и первыми должны удостоиться чести выполнять этот труд (пропаганду коммунизма), ибо они начинают говорить голосом истины, между тем как богачи, обыкновенно, враги истины и свободы» (стр. 15).

Заметим еще, что по всей вероятности, все сочинения, подписанные Эверардом и Винстэнли, вышли исключительно из-под пера последнего. Почти все историки, писавшие о копателях, на основании несколько странного расположения подписей на памфлетах копателей, предполагали обратное. Этому, однако, противоречит тот факт, что нет ни одного памфлета, написанного одним только Эверардом, между тем как имеется целый ряд сочинений, составленных одним Винстэнли. Кроме последнего, насколько мне удалось установить, среди копателей, в качестве самостоятельного памфлетиста, выступал один только Роберт Костер.

менного ему общества. Мы можем только удивляться остроте взгляда и здравости суждений этого простого человека, удивляться его глубокому пониманию общественных отношений своей эпохи и причин тех зол, против которых он боролся.

Едва ли может подлежать сомнению, что Винстэнли был одним из издателей описанных в предыдущей главе памфлетов «о свете, сияющем в Букингамшире», и что его «Закон свободы» явился обещанным во втором из упомянутых памфлетов изложением путей и средств для возвращения к «эпохе до грехопадения», необходимость которого была признана уже в этих памфлетах. Но что сталось с Винстэнли дальше, об этом я не мог добыть никаких достоверных сведений. Судя по заглавию и содержанию датированного 1658 годом сочинения его, последнего по времени из всех находящихся в Британском музее, можно предположить, что, потерпев неудачу в коммунистической агитации, он примкнул к тому самому движению, к какому пришел и Лильбурн после распадения его радикально-демократической партии, а именно к религиозно-радикальной секте квакеров, организованной в 1652 году (обращаю особенное внимание читателя на год). Последнее сочинение Винстэнли носит заглавие: «Рай святых или учение отца является единственным удовлетворением души». Эпиграфом поставлены слова: «Внутреннее свидетельство—сила души». Оно представляет собою оттиск проповеди или религиозной речи, сказанной Винстэнли в Лондоне, и составлено вполне в рационалистическом духе квакеров *).

К слушателям и учителям автор, подобно всем квакерам, обращается с названием «друзья». Если вспомнить далее, как Эверард и Винстэнли отказались снять шляпу перед Ферфаксом, потому что он такой же человек, как они («but their fellow-creature», сказано у Whitelocke'а), то покажется вполне вероятным предположение, что они и их приверженцы были одним из элементов, из которых создалось движение квакеров. Каким образом солдаты Кромвелевский армии могли превратиться в проповедников, об этом мы вкратце уже упоминали в примечании на стр. 61.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ВОССТАНИЕ ЛЕВЕЛЛЕРОВ В АРМИИ, ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА И СМЕРТЬ ЛИЛЬБУРНА.

Между тем, «очищенный» парламент положил спору с Карлом I решительный конец. 23 декабря 1648 года парламент назначил комиссию для обсуждения мер, какие следует принять против короля. 1 января 1649 года комиссия доложила парламенту, что король должен быть привлечен к ответственности, как изменник нации, с которой он предательски начал воевать; затем было решено образовать особое государственное судилище для суда над Карлом. Большинство немногих, тогда еще заседавших лордов, отказалось утвердить это постановление. Тогда палата общин 25 января постановила, что народ является единственным законным источником всякой власти, и что, поэтому, избранные народом депутаты (т.-е., именно, члены палаты общин) представляют собою высшую власть в Англии, и что их постановления имеют силу закона даже без утверждения королем или палатой лордов. 26-го января постановление о привлечении к ответственности возобновляется, и парламент собственною властью назначает 135 человек для участия

*) В нем нет только квакерской мистики. Так, например, Винстэнли восстает против тогда еще распространенного среди квакеров верования в существование сатаны.

в специальном судилище, предназначенном судить короля. Кроме Кромвеля и других грандов армии, к этому трибуналу принадлежал также Роберт Лильбурн. Даже Джон Лильбурн, как он сам говорит в одном из своих памфлетов, получил приглашение принять участие в чрезвычайном судилище, в которое, конечно, можно было пригласить только республиканцев. Но ярый проповедник законности, Лильбурн не мог принимать участия в акте, представлявшем собою только прикрытый юридическими формами акт насилия, который, впрочем, как таковой, был продиктован необходимостью. «Честный Джон» вовсе не был противником предания короля суду, но он отрицал право парламента считать себя народным представительством; кроме того, он вовсе не находил нужным назначение специального трибунала для суда над королем и требовал, чтобы его судила обычная судебная палата. Однако, его юридические сомнения были так же безрезультатны, как и демократические соображения. 27 января 1649 года Карл был приговорен к смерти, как изменник, а 30—казнен. 1-го февраля парламент санкционировал «чистку» Прайда, формально исключив изгнанных Прайдом членов. 6 января было постановлено, что палата лордов должна быть упразднена, как «бесполезное и опасное» учреждение» *), 7-го последоавло постановление об упразднении правительства, состоящего из короля или, вообще, отдельного лица, так как оно «бесполезно, обременительно и опасно». 15 февраля был назначен государственный совет, в который вошли 41 человек, в числе их, конечно, фигурировали Кромвель, Фэрфакс и другие гранды армии, а между прочим также Генри Мартен. 13 марта несколько членов этого высшего учреждения посетили некоего мистера Джона Мильтона, писателя и домашнего учителя, жившего в маленьком домике в Гольборне, и предложили ему место секретаря для иностранных языков в государственном совете. Великий поэт принял предложение. 19 мая 1649 г. Англия,, парламентским постановлением. была провозглашена республикой («Commonwealth».)

В январе Лильбурн снова для улажения своих личных дел был на севере. Он был разочарован и совсем хотел отказаться от общественной деятельности. Он из гордости отказался от хорошо оплачиваемой государственой должности, которую ему предложили потому, что он пользовался довольно значительным влиянием в радикальных кругах, и, вернувшись в Лондон, где имел право гражданства, основал в предместье Соутварке мыловаренный завод. При этом он заявил, что не желает откармливаться за счет трудящегося народа в то время, как последний терпит нужду. Но за то он лишь недолгое время мог противиться настоятельным просьбам своих политических друзей, не желавших бросить борьбу против господства грандов. Уже 26 февраля Лильбурн снова, во главе толпы лондонских граждан, появился в парламенте для обоснования петиции, направленной против некоторых мероприятий, которые государственный совет намерен был применить для подавления «беспокойных элементов» в армии.

Дело в том, что среди полков, расквартированных вблизи Лондона, царило большое недовольство. Солдаты находили, что действия грандов совсем не соответствуют условиям договора, заключенного в Ньюмаркет-Гите, и что для парламента сделано, правда, много, но что за то права народа были забыты. Недовольство выражалось в ношении лент цвета морской воды, считавшихся эмблемой левеллеров. Для уничтоже-

*) Остроумный Генри Мартен предлагает вычеркнуть слово «опасное» или поставить перед ним частицу «не». В самом деле, лорды в своей растерянности играли тогда жалкую роль.

ния «мятежного» духа военный совет решил выпустить прокламацию, воспрещавшую солдатам подавать петицию парламенту и, вообще, кому бы то ни было, кроме своих офицеров, и вести переписку по политическим вопросам с частными лицами. Затем было постановлено добиться от парламента права вешать по приговору военного суда каждого, кто будет подстрекать армию к мятежу. Против этих-то мероприятий и была направлена петиция Лильбурна, который снабдил ее памятной запиской, изданной им несколько дней спустя, под заглавием: «Новые цепи Англии открыты». В этом памфлете Лильбурн раскрывает все изменения, которым гранды армии подвергли подписанный ими народный договор.

Затем он подвергает самой резкой критике вновь созданное учреждение: государственный совет, представляющий собою креатуру военного совета армии, требует замены его часто возобновляемыми ответственными комиссиями, которые не трудно будет обуздывать, потому что парламент не будет расходиться, пока не будет избран новый. В заключение он требует неоспоримо принадлежащего народу права и лучшего средства против заговоров и тиранических поползновений: полной свободы печати.

Протесты раздавались так же и из среды самой армии. 1 марта появилось подписанное восемью солдатами армии генерала Ферфакса «письмо генералу Ферфаксу и совету его офицеров». В этом письме с большою смелостью изложены все жалобы армии на ее вождей. Кромвель обвиняется в стремлении к королевской власти, парламент—в том, что он служит только зеркалом, отражающим взгляды военного совета—орудия Кромвеля, Айртона и Гаррисона. В заключение письмо резко восстает против господства военщины. «Мы, английские солдаты, собравшиеся под знаменем для защиты свободы Англии, а не иностранные наемные войска, которые могут за плату избивать народ и служить пагубным честолюбивым стремлениям различных лиц» — заявили солдаты.

Затем они требовали выполнения договора, заключенного в Ньюмаркет-Гите. Письмо кончается горячим приветствием петиции Лильбурна, к которой подписавшиеся «добровольно и радостно» присоединяются, готовые бороться за нее до последней крайности.

3-го марта они предстали пред военным судом. Трое из них в виду опасности положения раскаялись и были помилованы. Остальные пять выказали необычайную решимость. От них, главным образом, старались выпытать, кто написал письмо, так как предполагалось, что они сами неспособны были это сделать. Но на допросах они, каждый в отдельности, брали на себя полную ответственность за письмо. «Хотя они за свое тяжелое преступление в сущности заслужили смерть», их по приговору суда провезли верхом на деревянной лошади лицом назад перед фронтом их отрядов, сломали у них над головой их сабли и изгнали их из армии. Приговор был приведен в исполнение 6-го марта в Вестминстере. Их имена: Роберт Уард, Томас Уатсон, Симон Гронт, Джордж Эллис, Вильям Савайер *).

*) Один из помилованных, Ричард Румбольд, при Карле II принимал деятельное участие в знаменитом Рай-Гоузском заговоре (1683 г.) против восстановленного короля (в связи с этим заговором мы встретим также имя Уайльтмана), заблаговременно был предупрежден и бежал в Голландию. В 1685 г. он снова принимал участие в восстании Арджиля и шотландских горцев против Иакова II—«против папства, прелатов и государственной церкви». После неудачного исхода этого восстания, тяжело раненый Румбольд был взят в плен. Боясь, чтоб он не умер естественной смертью, его наскоро судили и на следующий день (27 июня

Движение этим, однако, отнюдь не закончилось. Наоборот, исход этого дела убедил левеллеров, что им надо действовать более энергично. В одной из газет того времени, в тогда еще безусловно роялистском «Mercurius Pragmaticus» *), в № от 18—20 марта 1649 года с искренним злорадством говорится: «После того как его адресы были отвергнуты, и народный договор был нарушен, храбрый левеллер (Лильбурн) сошелся со своим союзником Гарри Мартином **) и разослал по целому ряду графств, как, например, в Беркшир, Гампшир, Гертфордшир и т. д. несколько ворчливых святых своей породы, которые не только читали в наиболее значительных городах адресы Джона, но прибивали их также к стенам и призывали народ присоединиться к этим адресам, требующим свободы для него—народа. Затем они призывали народ сопротивляться всякой власти, которая попытается взимать с него акцизы и другие бесполезные неразумные налоги, которые могут быть установлены произвольной, незаконной и несправедливой властью их сограждан».

21-го марта появился новый памфлет левеллеров, в котором описывается несправедливый процесс 5 солдат и повторяется их обвинение против грандов армии. Памфлет носит выразительное заглавие: «Охота на лисиц от Ньюмаркета и Триплью-Гита до Вестминстера, произведенная 5-ю маленькими принадлежавшими раньше к армии охотничьими собаками». Лисицами, конечно, называются Кромвель, Айртон и прочие гранды. А под охотой подразумевается раскрытие ухищрений и уловок, к которым они прибегали с июня 1647 года, когда они в названных местах убедили войско действовать совместно с ними против парламента, до того времени, когда они сами расположились в Вестминстере. Еще более резкий обвинительный акт против Кромвеля и его штаба был прочитан Лильбурном в воскресение 25 марта огромной толпе народа, собравшейся перед его домом. Это сочинение подписано Лильбурном, Овертоном, Пренсом и Вальвином. Оно в резких словах требует избрания нового парламента и озаглавлено: «Вторая часть раскрытия новых цепей Англии ***).

Впечатление этот памфлет произвел повидимому чрезвычайное, ибо тотчас же после его появления Лильбурн и трое других подписавшихся были арестованы, а затем последовало об'явление, что всякий, кто вздумает распространять памфлет, призывающий к мятежу и стремящийся воспрепятствовать посылке вспомогательных войск в Ирландию, будет считаться врагом республики, и с ним будет поступлено, как с таковым. Поданная парламенту массовая петиция об освобождении арестованных, на которой было будто бы 80.000 подписей, осталась

1685 г.) с возмутительной жестокостью казнили. Он до последней минуты проявлял большую твердость и верность своим убеждениям. Во время процесса он сказал слова, которые впоследствии часто цитировались: «Я не думаю, что бог создал большую половину человечества с седлами на спине, а другую несравненно меньшую часть снабдил сапогами и шпорами, для того, чтобы они могли ездить на первых».

*) Впоследствии очень даровитый редактор газеты был подкуплен Кромвелем и предоставил свое крайне острое перо к услугам последнего.

**) Мартин или Мартен вряд ли принимал участие в этой агитации, хотя он был одним из составителей «Agreement'а» левеллеров, и поэтому фигурировал в их числе. Он, напротив, настаивал на том, что долгий парламент не должен быть распущен и говорил, что у молодого Моисея, то есть у вновь созданной республики, не следует сейчас же отнимать естественной кормилицы — матери. Кроме того Мартен, как мы уже говорили выше, был членом государственного совета.

***) Из него позаимствованы приведенные на странице 50 слова Лильбурна о подозрительной игре, которую Кромвель и «гранды» вели осенью 1647 г. с Карлом I.

без последствий. Депутация граждан, выступивших на защиту Лильбурна и его товарищей, получила от спикера парламента резкий выговор за ее «преступные и мятежные предложения», и даже депутация женщин, несколько раз возобновлявшая свою попытку, была наконец отослана с советом пойти мирно домой и заняться своим домашним хозяйством: «мыть свою посуду»—потому что дело имеет гораздо большее значение, чем они вообще были бы в состоянии понять.

Дело действительно имело большое значение. Пресвитериане, сторонники государственной церкви и «кавалеры», сумевшие своими ловко составленными памфлетами о «мученической кончине» Карла I, подложными дневниками последнего и т. п. средствами восстановить многих добродушных людей против «кровожадных тигров республики», снова приободрились. В Ирландии и Шотландии сын Карла был провозглашен королем и вербовал войска, чтобы вернуть себе при их помощи корону. На континенте сам Карл Стюарт и все эмигрировавшие и изгнанные кавалеры при всех дворах интриговали против молодой республики. При таких обстоятельствах агитация, имевшая целью уничтожение армии, источника власти и опоры представителей республики, должна была показаться последним посягательством на существование республики, поэтому против нее, в крайнем случае, считалось возможным употребить даже прямое насилие. Уяснить это Лильбурну было повидимому (судя по его собственным словам) целью Гуга Петерса, республиканского полкового священника и тогдашнего усердного кромвельянца, посетившего Лильбурна в Тоуэре и завязавшего с ним разговор, в котором он, на ссылку Лильбурна на закон, ответил, что есть только один закон—меч. Очевидно Петерс, вероятно, не без ведома Кромвеля, пытался еще раз склонить на свою сторону Лильбурна, но недоверие последнего было слишком велико и поэтому оказались пророческими слова Кромвеля, в день ареста Лильбурна крикнувшего в государственном совете председательствующему, зятю Мильтона, Брадсгау: Я говорю вам, сударь, есть только одно средство справиться с этими людьми: растоптать их (to breack them in pieces). Сделать это было впрочем не легко.

Недовольство в армии и в народе не только не уменьшалось, а наоборот, увеличивалось. Как уже было сказано выше, в стране царила дороговизна, торговля и промышленность были в застое, подати увеличивались и между тем как парламент вотировал «грандам» армии и государственного совета огромное жалованье, солдаты постоянно недополучали свое. Для пополнения государственной кассы тогда уже стали прибегать к средству, которым позднее, в эпоху французской революции, пользовались в самых широких размерах,—к выпуску ассигнаций. Благодаря тому, что новое правительство имело незначительный кредит, ассигнации скоро упали до одной трети своей номинальной стоимости и даже еще ниже. Словом, недовольство имело не только идеологические причины—если таковыми можно назвать религиозные и политические формы, в которых обнаруживались классовые противоречия,—но и чисто материальные, к тому же сильно обострившиеся.

Можно ли было при помощи недовольной армии «растоптать» недовольных в армии? Для усмирения восстания в Ирландии был сделан заем, а затем по жребию были выбраны несколько полков, которые под предводительством Кромвеля должны были подавлять мятежных ирландцев. Но подобно тому, как парламент раньше не хотел помогать королю против внешнего врага, пока не свел с королем счетов, так и солдаты радикальных полков не пожелали итти в Ирландию, прежде чем парламент удовлетворит их. Чтобы сломить их противодействие, полки стали

расквартировывать в различных местностях. Эта мера вызвала открытый бунт.

25 апреля вечером в Лондоне довольно значительная часть драгун Валли явилась перед зданием гостинницы «Бык», где жил знаменщик, и вынудила его выдать знамя. Мы должны завтра покинуть Лондон, говорили драгуны, но не сделаем этого, пока наши требования не будут исполнены. Это был уже явный мятеж, и еслиб он распространился дальше, можно было бы ожидать худшего. Но Кромвель не допустил его распространения. Узнав на следующее утро от офицера полка об обстоятельствах дела, он с Ферфаксом и некоторыми другими офицерами, в сопровождении отряда преданных ему солдат, отправился на место происшествия, где ему, благодаря его железной энергии, удалось отчасти запугать мятежных солдат и заставить их покориться. Пятнадцать человек, не пожелавшие смириться, были арестованы как зачинщики и преданы военному суду, остальные отправились на предназначенное для них место жительства. Из числа пятнадцати пять на следующий день были приговорены к смертной казни, но четверо были помилованы и только один, Роберт Локайэр, вынувший жребий смерти, был расстрелян 27 апреля. Это был «храбрый и благочестивый» солдат; несмотря на свои 23 года, он уже семь лет—т.-е. с начала борьбы против короля,—служил в армии и пользовался любовью всех своих товарищей. Умирая он увещевал своих друзей верно служить свободе и народному благу. «Пусть моя смерть не пугает, пусть она, напротив, ободрит вас, ибо никогда еще ни один человек не умирал так спокойно, как я», закончил он. Похороны его, происходившие 29 апреля, были превращены далеко еще не успокоившейся радикальной частью населения в огромную политическую демонстрацию. Тысячи рабочих и ремесленников с женами и дочерьми следовали за покрытым цветами розмарина (из которых один был обмакнут в кровь) гробом «мученика армии», как с тех пор стали называть Локайэра. Все отдававшие ему последний долг, как эмблему своих убеждений, носили черные или зеленые (цвета морской воды) ленты. После выхода процессии из Сити к ней присоединилась масса народа, боявшегося открыто высказывать свои чувства в Сити. «Многие называли эти похороны оскорблением армии и парламента, писал член тогдашнего государственного совета, Уайтлок *), многие называли этих людей левеллерами, но они ни на что не обращали внимания».

Лильбурн и Овертон, узнавшие в Тоуэре обо всем, что происходило в Лондоне, не могли не реагировать на это дело. Услышав, что пять солдат приговорены к смерти, они в тот же день написали генералу Ферфаксу письмо, «в котором со строго юридической точки зрения доказывается, что генерал или военный совет, в мирное время приговорившие солдата собственной властью к смертной казни и выполнившие приговор, совершили убийство и государственную измену». Письмо, написанное «во время нашего необоснованного, незаконного и тиранического заключения в Тоуэре», немедленно было напечатано. Аргументация его неотразима. 4 параграф «Petition of Rights» прямо гласит, что военные законы впредь упраздняются и, кроме того, подписанный солдатами и офицерами (в июне 1647 года в Ньюмаркет-Гите) договор признает армию независимой организацией свободных граждан Англии. Смелым, образным языком авторы письма говорят, что свобода и права нации для них дороже жизни, и что поэтому они не могут не протестовать против жестокого приговора над Локайэром и его товарищами. О том, какое впечатление произвело письмо, свидетельствует описанная выше демонстрация, а также дальнейшие события.

*) Memoirs, стр. 385.

Спустя десять дней после похорон Локайэра, 9 мая 1649 года, Кромвель в Гайд-Парке делал смотр войскам. Значительная часть солдат имела на шляпах ленту цвета морской воды. Кромвель отлично знал, какое значение имеет эта зловещая эмблема, поэтому он настоятельно убеждал солдат не рисковать благом республики. Все их требования будут исполнены, говорил он, жалованье впредь будет уплачиваться аккуратнее, парламент уже принял решения, касающиеся его распущения и избрания нового парламента. По дисциплина в войске необходима, без военного суда в настоящее время нельзя обойтись, кто не согласен с этим, тому лучше выйти в отставку. Желающим сражаться вместе с ним и с товарищами против врагов Англии, Кромвель предложил снять со своих шляп зеленые ленты. Под впечатлением его речи солдаты покорились, но настроение осталось в сущности прежнее. Однако, уже самое то обстоятельство, что среди расквартированных в столице солдат обнаружилась нерешительность, имело большое значение, ибо именно в то же самое время началось брожение в полках, расквартированных в провинции. Из Банбери в графстве Оксфордшире пришло известие, что капитан Томпсон с двумя стами драгун полка Валли (вероятно это была часть драгун, высланных 25 апреля из Лондона) подняли знамя восстания. В своем манифесте «Знамя Англии» Томпсон, уже при Варе фигурировавший в качестве левеллера, энергично высказывается в пользу «Agreement'a», пересмотренного и изданного 1-го мая Лильбурном и его товарищами в виде прокламации, требует удовлетворения за убийство Локайэра и Арнольда и грозит, что жестоко отомстит, если Лильбурн и его товарищи пострадают. Томпсон был очень горячим человеком, но, как мы увидим ниже, далеко не пустым хвастуном. Однако, угроза его повела лишь к тому, что Лильбурн, Овертон и другие, пользовавшиеся до тех пор сравнительной свободой передвижения внутри Тоуэра, были подвергнуты строгому одиночному заключению.

10 мая в Лондоне были получены еще худшие вести. В Сольсбери (Уайльтшир) почти весь полк полковника Скрупа провозгласил себя сторонником «Agreement'a»левеллеров, а командиром своим выбрал знаменщика Томпсона, брата упомянутого выше капитана Томпсона. Мятеж распространился и на большую часть полка Айртона, расквартированного в окрестностях Сольсбери, а также на полки Гаррисона и Скиппона. Все они стремились соединиться, чтобы воспротивиться всякой попытке отправить их в Ирландию, прежде чем будут проведены обещанные реформы; все были готовы силою добиться проведения этих реформ. Мятежники все почти были опытными, старыми солдатами. Всадники Скрупа, напр., были еще солдаты первого набора, они, по словам своего собственного манифеста, очень корректно составленного, были людьми, продавшими свои крестьянские хозяйства, бросившими все дела, чтобы бороться против тирании короля и епископов и поэтому не склонными допустить новой тирании *). С такими людьми нельзя было шутить. Поэтому Кромвель и Ферфакс, собрав всех более или менее надежных солдат, которых оказалось около 4000 тысяч, форсированным маршем двинулись в Сольсбери. Прибыв 12 мая в Андовер (Гампшир) они узнали, что мятежники в Ольд-Саруме соединились с четырьмя ротами полка Айртона, а затем направились на север, собираясь, без сомнения, вступить в Букингамшир, где находились их единомышленники (полк Гаррисона) и где вероятно предполагалось соединиться с отрядом капитана Томпсона. Кромвель и Ферфакс также немедленно повернули на север, чтобы отрезать мятежникам путь. В Вантадже (в Беркшире) левеллеры

*) The unanimous Declaration of Colonel Scroope's and Com.-General Iretons Regiments, Old Sarum, май 1649 года

уже натолкнулись на эмиссаров Кромвеля, последние вступили с ними в переговоры, которые однако не имели успеха. Тогда мятежники направились на северо-запад в Абингдон, где к ним примкнули две роты полка Гаррисона; остальным войскам путь уже был прегражден Кромвелем и Ферфаксом. Эмиссары Кромвеля, отправившиеся вслед за мятежниками, число которых доходило в то время до 1200, снова вступили с ними в переговоры и снова безуспешно. За то они повидимому тайком давали знать Кромвелю о движениях левеллеров. Когда последние направились на запад, чтобы соединиться там со своими единомышленниками, они возле моста через реку Темзу вблизи Ньюбриджа, в графстве Оксфордшире, натолкнулись на целый кавалерийский полк под командою полковника Рейнольдса. Не желая без особенной крайности проливать кровь, или чувствуя себя недостаточно сильными для того, чобы начать сражение, мятежники не решились форсировать мост и отыскали брод, перешли его частью вброд, частью вплавь и, не останавливаясь, двинулись через Бамптон в расположенный вблизи границы Глочестершира Берфорд, которого они и достигли к вечеру. Туда же попал и капитан Томпсон. Его маленький отряд еще раньше был разбит полковником Валли, но он сам вместе с несколькими преданными людьми убежал от преследователей. Усталые, промокшие и сверх того убаюканные обещаниями кромвелевского эмиссара, майора Уайта, который назвал требования левеллеров очень разумными, обещал сам вступиться за них и уверил их в благожелательстве генерала, левеллеры улеглись спать и пустили своих лошадей на пастбище. Левеллеры были хорошие люди, но не практичные идеалисты, поэтому Карлейль, пожалуй, прав, когда говорит об их форсированных переходах: «К чему они? Вождя нет. Неугомонный Джон (так Карлейль называет Лильбурна) сидит за каменными стенами». За то Кромвель был настоящим вождем. В этот день он и Ферфакс проехали верхом больше 80 километров, накануне они проехали вероятно не меньше и всетаки решили действовать ночью. Сделав небольшой привал вблизи Берфорда, они около полуночи напали на город. Говорят, что их ввел квартирмейстер Мор, которому левеллеры поручили расставить стражу. Сонные левеллеры изо всех сил старались отразить нападение, но у них не было вождя, не было плана защиты и поэтому они не могли отразить превосходящего их своими силами неприятеля — у Кромвеля были 2000 солдат. Свыше четырехсот человек сдались, когда им обещали помилование и разбор их требований, остальные бежали, бросив лошадей и оружие. Только два эскадрона снова сошлись под командою капитана Томпсона и отступили к Нортгамптонширу *).

На следующий день пленные предстали перед военным судом. Четверо из них, между которыми находился и знаменщик Томпсон, были приговорены к смерти. Молодой Томпсон и два унтер-офицера умерли мужественно, особенно один из последних, о котором говорится: «Он не выказал ни малейшего сожаления о своем поведении, ни малейшего признака страха. Сняв свою куртку, он остановился далеко от стены, предложил солдатам исполнить свою обязанность и спокойно смотрел на них, пока они дали залп; он не обнаружил даже тени страха или испуга». Даже Карлейль, относившийся к левеллерам крайне враждебно, не мог удержаться от следующего замечания по поводу казни: «Так умирают капралы левеллеров, по своему энергично защищающие свободу Англии, непоколебимые

*) Там им удалось взять город Нортгамптон, захватить пушку и боевые припасы, но их было слишком мало и потому они не могли сопротивляться целым полкам. При первой же стычке солдаты сдались на милость победителя, а несколько дней спустя пал и капитан Томпсон во время беспримерной, отчаянной схватки с преследователями, которых было больше ста против него одного. Томпсон не хотел отдаваться в руки врагов живым и, истекая кровью, еще дрался, как лев. Только седьмая, ранившая его пуля была смертельной.

до конца. Они заблуждались. Но история, в течение двух столетий оплакивавшая заблуждавшегося Карла Стюарта, пролившая о нем целое море соленой воды, не откажет в своем сочувствии и этим бедным капралам».

Четвертый из осужденных, знаменщик Дин или Ден, выказал сильное раскаяние и был помилован. Левеллеры считали его изменником, а суд над ним называли условленной раньше комедией; во всяком случае Дэн, как показывают написанные им впоследствии доносы на злодейские намерения левеллеров, не был порядочным человеком. После казни Кромвель обратился к пленным левеллерам с речью, с одной из тех полурелигиозных, полуполитических речей, над которыми так много смеялись и которые все-таки редко не достигали цели. В данном случае те, к кому относилась речь, также обещали отказаться от проведения своих идей в жизнь революционными средствами. После незначительного промежутка времени мятежников распределили по их прежним полкам, а летом отправили в Ирландию, где они частью пали в борьбе с ирландскими «папистами», частью же были расселены в покинутых поместьях последних. Кромвель и его штаб, в день казни, после обеда, отправились в Оксфорд, где тамошний университет поднес им звание почетных членов и т. д. и чествовал их празднествами. Парламент выразил Кромвелю и его сподвижникам благодарность от имени нации, а крупная буржуазия Сити, не раз проклинавшая Кромвеля и не раз отказывавшаяся опорожнять свои карманы на нужды парламентского войска, 7 июня 1649 года, в палате цеха торговцев пряностями, торжественно отпраздновала победу над левеллерами банкетом в честь Кромвеля и Ферфакса, сделавшихся теперь спасителями святой собственности. Чтобы показать свою щедрость, толстосумы Сити подарили Кромвелю и Ферфаксу золотые блюда и тарелки, а затем ассигновали для раздачи лондонским беднякам 400 фунтов стерлингов.

Вероятно почтенные коммерсанты пережили не мало неприятных минут прежде чем Кромвель избавил их от угрожающей им опасности. О злодейских замыслах левеллеров ходили самые нелепые слухи, и многие из доносов на них написаны как будто не в семнадцатом веке, а совсем недавно.

Так, например, за несколько дней до упомянутого выше банкета появилось сочинение: «Люди, открывшие Англию или принципы левеллеров. Где описываются их большие, не имеющие себе подобных заговоры против (прошу внимания!) двенадцати знаменитых корпораций лондонского Сити (следует перечень их) и всех других гильдий, цехов и т. д. Опубликовано с особого разрешения (подразумевается правительства), чтобы раскрыть народу глаза и показать ему вещи, подобных которым не бывало в истории всех времен». Содержание книги явствует уже из самого заглавия ее. Прежде всего левеллеры все без исключения атеисты худшего сорта. «Установим относительно тех, которых называют левеллерами, следующее: 1) Они утверждают, что разум—бог и что он создал вселенную. 2) Они дерзко отрицают бессмертие души и насмехаются над теми, кто считает душу бессмертной... 3) Все, что мы называем библейской историей, они считают выдумкой («idol»), поэтому они говорят, что официальные священники обманули весь свет рассказом о том, как один единственный человек по имени Адам, с'ев один единственный плод, обрек всех нас смерти». Коммунизм левеллеров ужасен: «Они хотят, чтобы никто не мог называть какую бы то ни было вещь своею, по их словам власть человека над землею—тирания, по их мнению частная собственность дело рук диавола, тайна египетского рабства, гибель мироздания, возобновление проклятия, возбуждение лживой, жадной плоти, враг духа и причина всех бедствий, посетивших человечество». Еще

пагубнее, чем теория левеллеров, их практическая деятельность: «Поэтому их эмиссары посылаются прежде всего для следующих целей: для возбуждения батрака (рабочего) против хозяина (мастера), арендатора против замлевладельца, покупателя против продавца, должника против заимодавца, бедняка против богатого, при том же для большой смелости каждый нищий должен быть снабжен лошадью»... Не следует, главное, верить официальным уверениям левеллеров: «Но вы слышите их уверения, будто они противники такого уравнения, пока его не потребует весь народ *). Однако эта отговорка так прозрачна, что каждый видит ее насквозь». Бедняки и рабочие составляют большинство и их легко увлечь подобными обещаниями.

Как видно и тогда уже процветало искусство смешивать истину с ложью, теоретические проекты с практическими требованиями, взгляды, высказанные партией, со взглядами отдельных лиц и групп, чтобы таким образом дискредитировать всех их и оправдать принятые против них жестокие меры. Правда, не было также недостатка в доброжелателях, стремившихся примирить непримиримое. Так, например, на следующий день после берфордской казни в Лондоне появилась брошюра, под заглавием: «Серьезный совет доброму народу этой страны, касающийся так называемых левеллеров». Автор статьи, называющий себя Филолаем, признает справедливость многих требований левеллеров, но предостерегает от крайних мер. «Я по-истине убежден,—восклицает автор в заключение, «что попытка осуществить фантастически-утопическое общество сильнее оттолкнула бы людей, и была бы источником более дурных последствий, чем худшее из всех известных доселе обществ». Даже такой великий мыслитель, как Платон, вызвал своим фантастическим государством только—подумайте!—неодобрительные отзывы **).

Левеллеры с своей стороны также не молчали. Уже вскоре после своего ареста Лильбурн и его товарищи в «Манифесте, изданном для того, чтобы окончательно очистить их от клеветы, распространяемой с целью возбудить к ним всеобщее отвращение», прямо заявили, что считают «уравнение в имуществе и в правах» «крайне вредным», пока народ не выскажется единогласно за эту меру. Парламент, добавляли они, в качестве условного представительства, не может принимать мер, которые так глубоко затрогивают условия частной жизни; даже коммунизм первых христиан был добровольным ***). В мае «многие благонамеренные ученики Криппльгатского участка Лондонского Сити выпустили «Благодарственное и поздравительное послание достопочтенным, находящимся в заключении Лильбурну, Овертону и др.», в котором они горячо отстаивают чистоту намерений названных лиц. В июне появляется памфлет левеллеров, в котором между прочим говорится: «Разве левеллеры хотят отнять у кого-нибудь землю? Поистине, еслиб можно было доказать, что жилище хотя бы одного из них украшено чем-нибудь принадлежащим

---

*) См. об этом ниже.

**) Очень интересной попыткой примирения является памфлет подполковника Джона Джеббса (An Apology etc), между прочим энергично отстаивающий экономические реформы с целью улучшения быта беднейших классов и выставляющий целую программу таких реформ. Из множества памфлетов, написанных военными в защиту левеллеров, следует далее отметить памфлеты капитана Вильяма Брая и его квартирмейстера Джона Найлнера. На обвинения, пред'явленные вождями левеллеров против управления армии, Кромвель написал краткое опровержение, носящее заглавие: «A Declaration of Lieut-General Cromwell concerning the Levellers». Затем был опубликован оффициальный отчет о переговорах управления армии с мятежниками; отчет озаглавлен: «A full narrative of all the Proceedings between his Excellency the Lord Fairfax and the Mutineers».

**) К этому заявлению несомненно и относится соответствующее место упомянутого выше доноса.

народу—«to the commonwealth»,—а не им, то пусть будет так*). Между тем как левеллеров старались выставить «распределителями», их противники на практике занялись распределением. Парламент щедрою рукою раздавал своим заслуженным приверженцам конфискованные земли, а толстосумы Сити по мере сил старались использовать республику. История повторяется удивительно часто.

Однако, цитированные выше памфлеты, также как и напечатанные после них, не могли вернуть движению левеллеров его прежнего значения. Правда, левеллеры имели много сторонников среди лондонского населения, немало друзей они имели также и в армии, но последние не могли соперничать по своему влиянию с Кромвелем, а между тем политика страны все в большей мере зависела именно от армии. В массе народа не обнаружилось сколько-нибудь значительного движения против управления последней, всякое такое движение потеряло кредит в народе. К тому же Кромвель умел, при помощи уверений и обещаний, привлекать на свою сторону многих, стоявших к левеллерам ближе, чем к какой бы то ни было другой партии, он умел быстро подавлять всякое опасное оппозиционное движение в войске и среди офицеров. Особенно много сторонников, преданных лично ему, он приобрел, благодаря своей энергичной и разумной внешней политике. После многих неудачных попыток поднять знамя восстания—наиболее отчаянные из непримиримых врагов Кромвеля (к последним принадлежали почти все левеллеры, называвшие его теперь только изменником и карьеристом, злейшим врагом, тираном, который больше чем кто бы то ни было другой препятствует водворению свободы) перешли к покушению на его жизнь; эти покушения были также неудачны и только отравляли Кромвелю жизнь, мешая ему наслаждаться своим блестящим положением диктатора или лорда-протектора **). Для людей неспособных на такие действия, но не желающих отказаться от своих стремлений, вскоре открылось другое, соответствующее новому положению вещей, поле деятельности.

Но прежде чем мы перейдем к этому вопросу, мы вкратце изложим личную судьбу Лильбурна с 1649 года до его смерти, последовавшей в 1657 году. В конце июля 1649 года, когда Лильбурн сидел еще в Тоуэре, умер его старший сын. Парламент, не ответивший даже на просьбу Лильбурна разрешить ему свидание с умирающим ребенком, выпустил его теперь под залог. Но через месяц у Лильбурна, из-за его нового политического памфлета, был сделан обыск, а в сентябре его, за тот же памфлет, снова арестовали. Совсем почти разоренный в материальном смысле, убежденный, на основании личных наблюдений, что с влиянием Кромвеля немыслимо бороться, Лильбурн уступил настоятельным просьбам своего брата, полковника Роберта Лильбурна и 22 октября, находясь еще в тюрьме, опубликовал открытое письмо к своим последователям, в котором он предлагает уехать в Вест-Индию с тем условием, чтобы его оста-

---

*) Заглавие этого памфлета написано в стихах, которые можно перевести приблизительно следующими словами: «Кому можно доверять, голубым или зеленым? Или—Разум говорит против предательства. Обсуждение недавнего несчастного конфликта в армии, будто бы улаженного теперь». («Seagreen or blue, see which speaks true» etc.).

**) Первыми подстрекателями к таким покушениям являлись, конечно, поборники порядка, престола и церкви. «Почему вы, храбрые левеллеры, не убиваете этих негодяев?» говорится в номере от 20—27 марта 1649 года «Mercurius Pragmaticus». Вы, непоколебимо храбрые мятежники, вы должны стыдиться, ибо вы, подобно торговкам рыбою («like Billingsgate wenches»), умеете только говорить. Я говорю вам, ваши вопли о справедливости не стоют и ломаного гроша, пока они не запечатлены кровью тех, кто отвергает ваши требования. А посему не унывайте, смелые левеллеры, восстаньте, будьте последовательны и поддерживайте свои требования справедливости, хотя бы ради этого пришлось погибнуть изменнику и предателю Ферфаксу».

вили в покое и чтобы всем, кто пожелает примкнуть к нему, было уплачено сполна все жалованье и выдано разрешение сопровождать его, т.-е. Лильбурна. На эту просьбу не последовало ответа, но за то Лильбурн 24 октября предстал в Гильдголле перед особой судебной палатой по обвинению в государственной измене, выразившейся в опубликовании упомянутого выше памфлета: «Обвинение в государственной измене, пред'явленное против Кромвеля etc». Ссылки его на то, что состав суда противоречит основным законам страны, были безуспешны, а его утверждение, что присяжные по закону должны решить не только вопрос о тактической стороне дела, но также и вопрос о применении закона, между тем как судьи являются только «норманнскими пришельцами» и могут потерять всякое влияние на постановление приговора, если этого пожелают присяжные—это утверждение один из взбешенных судей назвал «подлою кощунственною ересью». Но присяжные не разделяли этого взгляда и после трехдневного совещания, к великому ужасу людей и крайней досаде большинства государственного совета, оправдали Лильбурна. Приговор присяжных был такою неожиданностью для судей, что они, услышав его, не верили своим ушам и повторили свой вопрос. Зато публика, наполнявшая залу суда, после прочтения приговора пришла в такой шумный восторг, какого, по единогласному свидетельству современных летописцев, Гильдголль никогда еще не слыхал. Между тем как судьи бледнели и краснели со злости, публика больше получаса кричала «да здравствует» и подбрасывала шапки. Восторг перешел на улицы Лондона и в предместья. Вечером были зажжены праздничные огни, и еще несколько дней спустя событие служило предметом радостных демонстраций. Популярность среди массы лондонского населения была так велика, что в честь его оправдания была даже выбита медаль *).

Правительство втечение нескольких дней оставалось в нерешительности. Лильбурн после оправдания снова был отвезен в Тоуэр, так как предполагалось, при малейшей возможности, возбудить против него новый процесс; но на правительство со всех сторон сыпались настоятельные убеждения признать постановление присяжных и освободить оправданного. Из членов государственного совета в пользу Лильбурна с особенной энергией выступили Генри Мартен и граф Грей оф Гроби, один из немногих лордов, стоявших на стороне индепендентов; в конце концов их мнение восторжествовало, чему в немалой степени способствовало то обстоятельство, что Кромвель с большею частью войска находился еще в Ирландии. Государственный совет признал себя побежденным, и 8-го ноября Лильбурн, Овертон, Прэнс и Вальвин были освобождены **).

---

*) Она носит следующую характерную надпись: «Джон Лильбурн, спасенный могуществом господним и неподкупностью своих присяжных, которые являются судьями, как в смысле установления фактов, так и в смысле применения закона. 26 октября 1649 года».

**) С тех пор имена Прэнса и Вальвина не встречаются более в числе имен участников движения. Овертон, еще во время своего пребывния в Тоуэре опубликовавший несколько памфлетов, в которых он полуюмористически, полуиронически упрекает своих лондонских единомышленников в бездеятельности, впоследствии принимал участие в заговорах Сексби против Кромвеля. Об этом будет речь в следующей главе. В упомянутых здесь памфлетах он упрекает своих лондонских друзей, что они заставили его, Лильбурна и др. выступить против Кромвеля, а затем покинули их («Overton's Defiance of the Act of Pardon», июль 1646 года) и что герои большого митинга 11 сентября 1648 года (ср. стр. 58), в то же время, когда разыгрывалось берфордское событие, были разогнаны, подобно воробьям, игрушечным ружьем. Затем Овертон высказывает надежду, что его грубые слова встряхнут друзей и напомнят им об «Agreement'е» («The Baiting of the great Bull of Bashan»).

В следующем месяце, в конце декабря 1649 года, Лильбурн был избран членом представительства от Сити. Но реакционеры Сити добились от парламента отмены его избрания на том основании, что Лильбурн отказался об'явить себя безусловным сторонником существующего строя и что он, как «лицо опороченное», не имеет права занимать такую почетную должность. Зато летом 1650 года парламент, наконец, отвел ему землю на сумму присужденного ему, но еще не выданного вознаграждения. В 1651 году Лильбурн, благодаря одному из своих родственников, был запутан в гражданский процесс с членом государственного совета и ньюкэстльским губернатором, сэром Артуром Гацельригом. Лильбурн с обычною страстностью вступился за своего родственника, который, по его мнению, лишился своей законной собственности благодаря тому, что влиятельный «гранд» злоупотребил своим положением. В конце концов дело дошло до парламента, который поручил специальной комиссии исследовать его. Приговор был постановлен в пользу Гацельрига, а Лильбурн, назвавший этот приговор в одном из своих памфлетов несправедливым и пристрастным, в начале 1652 года, «за неповиновение» был приговорен парламентом (!) к денежному штрафу в 7.000 фунтов стерлингов и к пожизненному изгнанию. Все протесты и петиции против этого приговора оказались безуспешными, и весною 1652 года Лильбурн во второй раз очутился изгнанником в Голландии; на этот раз он оказался там в обществе вождей той партии, от которой он бежал раньше: в Голландии нашли себе приют многие изгнанные и добровольно эмигрировавшие «кавалеры». Соблазн вступить с ними в союз против ненавистного «узурпатора» Кромвеля был очень велик, и кавалеры, наверно, не раз делали предложения в этом смысле, но у нас нет никакого основания не верить пылкому заявлению Лильбурна, что он отклонил всякие сношения с ними. Правда, в Лондоне было получено донесение, что Лильбурн предложил герцогу Букингамскому и другим кавалерам вернуться за 10.000 фунтов стерлингов в Англию и низвергнуть Кромвеля; однако Лильбурн вполне убедительно показал, что это донесение составлено шпионами, находившимися на содержании у Кромвеля, а им вряд ли можно доверять больше, чем самому Лильбурну, наиболее характерной чертой которого являлась беззаветная правдивость, много раз вредившая его собственным интересам. К тому же Лильбурн был слишком умен для того, чтобы надеяться, при помощи сравнительно ничтожной суммы, достигнуть низвержения Кромвеля как раз в тот момент, когда последний, благодаря своим новым победам над шотландцами и ирландцами, достиг апогея власти, т.-е. достигнуть того, чего не могли сделать, при гораздо более благоприятных обстоятельствах и при наличности несравненно больших средств, Карл I и купечество Сити. Против этого обвинения говорят, наконец, письма, которые Лильбурн писал в изгнании своим политическим друзьям. В этих письмах он непрестанно увещевал последних не отступать от радикально-республиканских принципов и неустанно бороться за их осуществление. Об одном из этих писем мы уже упоминали выше (стр. 60). Оно адресовано Генри Мартену и замечательно тем, что содержит пространный очерк борьбы партий в Риме и Греции, и что автор заимствует республиканские образцы именно из истории этих стран, игнорируя библейские примеры. В этом также сказывается переход к идеологии, характеризующей французскую революцию.

Когда Кромвель, в апреле 1653 года, силою разогнал оказавшийся совершенно недееспособным долгий парламент и созвал новый, состоявший из 139 влиятельнейших индепендентов, уже охарактеризованный нами (стр. 61, прим.) «малый парламент или парламент Барбона, Лильбурн подумал, что по закону, вместе с парламентом, должно быть также уничтожено изданное последним постановление об изгнании его, Лильбурна, и поэтому вернулся в Лондон. Кромвель, однако, держался иного мнения.

Как только Лильбурн вернулся, он велел арестовать его и подвергнуть суду за нарушение постановления об изгнании, что каралось наравне с государственной изменой. Снова на государственный совет отовсюду посылались массовые петиции в пользу Лильбурна, но они остались такими же безрезультатными, как опубликованное Лильбурном, немедленно после его возвращения, послание: «Обращенная к Кромвелю просьба изгнанника о защите». Парламент, к которому Лильбурн обратился, как только он был созван (в начале июля 1656 г.), тоже мог только передать дело Лильбурна суду присяжных, так как оно было подсудно последнему. Впрочем, это было скорее в интересах Лильбурна, нежели в интересах Кромвеля. Если бы большинство этого «пуританского» парламента было менее независимым, то ему стоило бы только уважить просьбу Лильбурна—судить его, чтобы иметь возможность постановить приговор, которого тот не мог бы опротестовать. Но для этого большинство было именно слишком независимо, «индепендентно». Перечень реформ, начатых этим парламентом, показывает, что его политические взгляды были очень близки к взглядам Лильбурна. Особенно упомянутое уже выше постановление парламента о составлении свода законов на английском языке вполне соответствовало требованиям, изложенным Лильбурном в его сочинении: «The Legal Fundamental Liberties».

Прошло несколько недель, прежде чем присяжные в Ольд-Байлее приступили к разбору дела Лильбурна, который настоятельно требовал, чтобы ему до разбора дела был вручен обвинительный акт, для того, чтобы он мог посоветоваться с юристами. Справедливость и законность своего требования Лильбурн доказывал с обычною диалектикою и, в конце концов, совершил, по выражению одного выдающегося английского юриста, «великий, никем раньше его не совершавшийся, подвиг»: добился выдачи ему обвинительного акта. 20 августа состоялся суд. Сочувствие населения к Лильбурну возросло до такой степени, что Кромвель счел нужным держать под оружием несколько полков, чтобы, в случае надобности, пустить в ход силу (Thurloe, State papers, стр 366).

Среди населения во множестве распространялись листки с надписью:

«And what, shall then honest John Lilburne die!
Three score thousand will know the reason why» *).

Число приверженцев Лильбурна не было, правда, так велико**), но агитация в это время сделалась крайне интенсивной, и популярность Лильбурна очень возросла; это доказывается как упомянутой выше мерой Кромвеля, так и множеством памфлетов той эпохи, написанных по поводу процесса Лильбурна ***). После двадцатичасового заключительного заседания, во время которого Лильбурн защищался с обычным своим искусством (процесс со всеми подробностями отпечатан в «State Trials» Коббета), суд постановил приговор: невиновен.

*) Что? Честный Джон Лильбурн должен умереть?
Трижды двадцать тысяч человек хотят знать причину.

**) Впрочем, в одном памфлете 1649 года говорится, что под Agreement'ом левеллеров имеется уже 98.064 подписи, и что число их с каждым днем увеличивается («The Remonstrance of Many Thousands of the Free People of England»).

***) «О, Лильбурн, Лильбурн,—говорится в одном из них, принадлежащем перу радикального индепендента, Самуила Чайдлея, старающегося оправдать политические мероприятия Кромвеля,—послушай, что говорит человек, полагающий, что люди были бы мудрыми, если бы не мешали сами себе. Если бы у тебя было столько мудрости, сколько смелости, столько ума, сколько самоуверенности, столько крепости и смирения, сколько памяти, столько глубины понимания, сколько легкости речи, то ты был бы редкою птицею Фениксом, райскою птицею» (An additonal Remonstrance etc. With a little friendly touch to Lieut.—Colonel John Lilburne, London 1653). В ответ на такого рода увещания, Лильбурн выпустил тогда свое сочинение: «The just defence of John Lilburne against such as charge him with turbulency of spirit».

Тут, однако, снова оказалось, что быть оправданным еще не значит— быть освобожденным. Государственный совет держал Лильбурна под строгим надзором и велел тщательно проверить его дело, для того, чтобы иметь возможность отменить приговор. Присяжных каждого по одиночке привлекали к ответственности, но они не сдались и твердо поддерживали свой приговор. Очевидно путем законного судебного преследования Лильбурна невозможно было засудить. Оставалось прибегнуть к помощи «государственных соображений». В декабре 1653 года был распущен «малый парламент», создана новая конституция, а Кромвель был назначен «лордом-протектором» республики, с почти королевскими полномочиями. В марте 1654 года Лильбурна. на основании высказанных им во время его процесса «мятежных» взглядов, перевели на остров Джерсей, где его держали в заключении, как государственного преступника. На Джерсее, где английских законов не существовало, было легче всего не обращать внимания на ссылки на «Habeas-Corpus». Пока Кромвель мог доверять губернатору острова, до тех пор опасный народный вождь был безвреден для него.

Лильбурн был обезврежен, и Джерсей в этом смысле сделал больше, чем мог ожидать Кромвель. Парламент ассигновал Лильбурну содержание в два фунта стерлингов в неделю, так что в материальном отношении, по крайней мере. ему не приходилось терпеть нужду, но зато духовное одиночество повидимому отражалось на нем очень тяжело. Не менее угнетающе действовали на Лильбурна также и вести из Англии, откуда сообщалось о неуспехе всех предпринятых его товарищами против Кромвеля действий: с 1654 года, со времени установления протектората начался целый ряд покушений на жизнь Кромвеля, которые устраивались левеллерами, анабаптистами, монархистами и проч. В душе Лильбурна произошел перелом, который впрочем пришлось пережить многим его единомышленникам. В нем наступила реакция против прежней кипучей жажды деятельности, он стал пассивнее относиться к жизни, его охватили сомнения в правильности старого метода борьбы, сомнения в возможности достигнуть желанной цели путем политической борьбы, сомнения в зрелости народа: к этому присоединилось дурное состояние здоровья—и Лильбурн отказался от ведения борьбы прежними средствами, пылкий дух его был сломлен. Осенью 1655 года, государственный совет, вероятно осведомленный о происшедшей в Лильбурне перемене, перевел его с острова Джерсея в Дуврскую крепость. Здесь он по прежнему находился в заключении, но имел зато возможность чаще видеться с друзьями. Спустя несколько недель после переселения Лильбурна в Дувр в лондонских газетах появилось известие, подтвержденное письмами Лильбурна к его друзьям, что он примкнул к вновь народившейся и приобретавшей все большее значение секте квакеров, облекся в одежду друзей внутренего света. Самый выдающийся вождь политических левеллеров кончил свою деятельность также, как и главный представитель истинных левеллеров.

Кончилась впрочем не одна только политическая деятельность Лильбурна. В конце июля 1657 года он получил разрешение отправиться (по представлении залога) в Эльтгам, возле Лондона. Здесь он нанял для своей жены дом, для того, чтобы она, в случае болезни, была вблизи своих родных. Услышав об этом, Кромвель 19-го августа собственною властью приказал, чтобы Лильбурн в течение десяти дней вернулся в Дувр. Вероятно Кромвель не верил в безвредность Лильбурна. Впрочем приказ его оказался излишним, иная власть наложила свою руку на опасного человека. Десять дней спустя, 29-го августа 1657 года, «беспокойный» Джон сделался совсем спокойным человеком. Постоянные преследования преждевременно сломили его силы, и он умер сорока лет.

Тело Лильбурна было перевезено в Лондон, где оно еще послужило предметом спора между его старыми и новыми единомышленниками. Первые желали хоронить его, по обычаю, с покровом, последние же (квакеры) в простом гробу без всяких украшений. Квакеры составляли в толпе, собравшейся перед домом Лильбурна, большинство (!), и поэтому их желание восторжествовало. Когда гроб выносился из дому, кто-то сделал попытку покрыть его бархатным покровом, но квакеры воспрепятствовали этому. Они подняли гроб и, неся его на плечах, сомкнутыми рядами отправились на кладбище.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЛЬБУРНА И ЛЕВЕЛЛЕРОВ. — РАЗЛИЧНЫЕ ТЕЧЕНИЯ, НА КОТОРЫЕ РАСПАЛОСЬ ИХ ДВИЖЕНИЕ.— ЗАГОВОРЫ. — ЧАРТИСТЫ — ПРЕЕМНИКИ ЛЕВЕЛЛЕРОВ.

Современники Кромвеля передали нам его образ в очень искаженном виде, но исторические исследования XIX века очистили его от многих искажений. В настоящее время дунбарский победитель является для нас уже не коварным, двуязычным интриганом, не «великим обманщиком», ради одного своего честолюбия топчущим сегодня то, что он вчера, казалось, почитал, каким его считали многие из его соратников. Книга Гардинера уничтожила последние сомнения в этом отношении и дала ключ к пониманию таких превращений Кромвеля, которые до сих пор считались необ'яснимыми. Гардинер яснее, чем кто бы то ни было другой, анализировал различные факторы, влияния и обстоятельства, определявшие действия Кромвеля, точнее, чем кто бы то ни было другой, установил их хронологическую связь, и вот почти в каждом данном случае «обман» Кромвеля оказывается оппортунизмом, который, по крайней мере с суб'ективной точки зрения, вполне может быть оправдан. Но выигрывая как человек и государственный деятель, Кромвель теряет, как революционер. Великий полководец был великим государственным деятелем потому, что являлся в то же время великим оппортунистом, но по этой же самой причине он оказался плохим революционером. В тот период, когда борьба с устарелыми формами власти стала приближаться к революционной развязке, Кромвель часто выказывал нерешительность и малодушие, делал решительные шаги лишь под воздействием других элементов и всегда почти являлся только вершителем, а вовсе не подготовителем событий, каким считали его современники. В революционную во всех отношениях эпоху с 1646 по 1648 год Кромвель в понимании необходимых политических мероприятий, в способности быстро ориентироваться при изменившихся условиях, отставал от других, особенно от левеллеров, которые велики были именно в том, в чем он был слаб. В эту эпоху все больше и больше выступали на первый план плебейски-радикальные элементы армии и буржуазии, в эту эпоху они указывали путь революции. Левеллеры в народе и простые рядовые—агитаторы—в армии первые поняли необходимость энергичного противодействия контр-революционным элементам парламента и они же раньше других пришли к сознанию, что ни один плод их побед не будет обеспеченным, пока революция будет признавать традиционную безответственность короля, пока она будет обращаться с ним, как с военнопленным, а не как с государственным преступником. В то время, когда Кромвель еще пытается выторговать у Карла I незначительные уступки, левеллеры и их друзья давно поняли, что революция против этого монарха нуждается в «Аоде» *).

*) Ср. Putney Projects Уайльдмана. Лондон, 1647. Аод—восхваляемый в книге судей (глава 3) убийца «зело добротелесного» царя моавитян, Еглона.

Но среди самих левеллеров по демократическому инстинкту и, даже более того, по замечательному политическому чутью (по крайней мере, постольку, поскольку дело касается демократии) особенно выдается Джон Лильбурн. В цитированном нами в нашем введении месте Массон говорит, что, по его мнению, Лильбурн был «ослом»; это верно постольку, поскольку Лильбурн был политический доктринер и, как таковой, отличался односторонностью. Однако, этот доктринер понимал иные вещи изумительно ясно и не раз бывал прав, когда расходился во взглядах с государственными деятелями. Так, например, он уже в 1646 году, когда еще никто из политических вождей и не думал о нападках на палату лордов, писал: «Всякая законодательная власть, по самому существу своему, совершенно произвольна, и дарование какому бы то ни было классу людей права пожизненно и свободно распоряжаться — величайшее рабство (в виду испорченности и корыстолюбия всех, даже самых хороших людей). Однако, притязания лордов не ограничиваются тем, чтобы воплощать собою всю жизнь произвольно распоряжающуюся власть, они хотят передать эту власть по наследству своим сыновьям, хотя бы последние были негодяями или глупцами, и это рабство—наигоршее» («A whip for the present house of Lords»). Только три года спустя, гранды армии и парламет пришли к заключению ,что Лильбурн прав, и упразднили палату лордов. Мы видели также выше, что Лильбурн в своей боязни перед произволом и возможным злоупотреблением властью не останавливался даже перед нападками на парламент и энергично противодействовал попытке установить военную диктатуру, хотя сам находился в постоянных сношениях с демократическими элементами армии. А вот еще один пример: «Если уж мы должны иметь короля»— говорит Лильбурн в «Agreement'е» издания 1-го марта 1649 года, «то я предпочел бы принца *) всякому другому человеку в мире, потому что он может сослаться на свое большое, якобы, право. Конечно, еслиб он явился с вооруженными силами, с помощью иностранцев, то одна эта попытка, очевидно, лишила бы его всего, ибо она сплотила бы разрозненные теперь элементы, которые в с е, к а к о д и н, о б р а т и л и с ь бы п р о т и в н е г о. Но еслиб он явился при помощи англичан, на основании договора («by contract») об изложенных здесь принципах (Agreement'а), легко осуществимого, то народ скоро убедился бы, что это выгодно, ибо, благодаря тому, что король находится в мирных отношениях с чужими нациями и не имеет соперников королевского рода, можно распустить армию, гарнизоны и флот, за исключением гарнизонов пяти военных портов... Если же теперешняя армия провозгласит королем мнимого святого Оливера или кого-нибудь другого, то с начала до конца будут происходить постоянные убийства и войны. Да, и к этому присоединится необходимость содержать никогда не распускающееся постоянное войско, при котором народ является безусловным рабом».

«Невозможно считать человека, написавшего эти строки, простым крикуном»,—говорит Гардинер,—и он прав. К тому же, именно, цитированное место дает Лильбурну не особенно благоприятную характеристику, ибо в этом месте он настолько увлекается идеологией, что считает возможным добросовестное отношение принца к своей подписи под «народным договором». Но зато он верно предсказал, что военной диктатурой борьба не кончится и верно охарактеризовал опасности такой диктатуры. С другой стороны он, как политик, далеко превосходит приверженцев пятого царства, которые рабски придерживались формы республики.

Считаем нелишним привести здесь еще несколько суждений о Лильбурне.

---

*) Впоследствии взошедшего на престол под именем Карла II, но тогда еще не обнаружившего своего характера.

«Лильбурну страх был так мало знаком, что он во всякое время был готов вступить в борьбу, несмотря ни на какие неблагоприятные обстоятельства» (A. Bisset. Omitted Chapters of the History of England I, стр. 145).

«Он (Лильбурн) от природы был одарен непоколебимым мужеством и острым умом. Он не боялся никаких последствий и никогда никакое насилие не могло поколебать его решимости и настойчивости... Это был человек знатного происхождения и пылкого темперамента, к тому же одаренный необыкновенными способностями (W. Godwin, History of the Commonwealth).

И совсем недавно профессор Ч. Г. Фирт в Dictionary of National Biography, в конце длинной статьи о Лильбурне, писал:

«Политическое значение Лильбурна легко об'яснимо. Во время революции, когда другие спорили о правах короля и парламента, он постоянно говорил о правах народа. Его непоколебимое мужество и красноречие сделали его кумиром массы народа. С «Учреждениями» Кока в руках Лильбурн мог бросить вызов любой судебной палате. Он был готов бороться против всякого злоупотребления, что бы ему это ни стоило, но присущее ему страстное самомнение делало его опасным приверженцем партии, и он постоянно жертвовал общественными интересами ради собственной, личной жажды мщения. Было бы несправедливостью не признавать, что он чувствовал искреннее сострадание ко всем бедным и угнетенным; даже будучи в изгнании, он обратил внимание на страдания английских военнопленных и употребил все влияние, какое ему удалось сохранить на родине для того, чтобы улучшить их положение. В своей полемике он был легкомысленным, безмерно мстительным и мало заботился о справедливости своих обвинений. Он нападал поочередно на все установленные авторитеты, на лордов, на чинов палаты общин, на государственный совет и совет офицеров и поочередно спорил со всеми своими союзниками». В биографической статье о Лильбурне, опубликованной в 1657 году, ему посвящается следующая эпитафия:

Is John departed and is Lilburne gone!
Farewell to Lilburne, and farewell to John;
But lay John here, lay Lilburne here about,
For if they ever meet they will fall out *).

Это мнение не вполне справедливо. На упрек в пристрастии к спорам, Лильбурн, в своем уже упомянутом выше защитительном сочинении, написанном в 1653 году, имел полное право ответить ссылкой на тот факт, что все его процессы и конфликты происходили из-за важных вопросов, касающихся общего блага и законов. Лильбурн действительно, как уже было сказано выше, был идеальным «борцом за право», а так как он, к тому же, отличался вспыльчивостью, то неизбежно попадал из одного конфликта в другой. По свидетельству многих специалистов, он, вообще, мог бы сделаться выдающимся адвокатом, если бы только пожелал этого. Но подобно тому, как он, несмотря на свои военные способности, был самым решительным противником военной диктатуры, так он был самым от'явленным врагом профессиональных юристов, несмотря на свои познания в области права, а может быть именно благодаря им.

Тот факт, что ни разу не было речи о распре между Лильбурном и настоящими его единомышленниками, которые, наоборот, до последней минуты очень любили его и выступали на его защиту, говорит не в пользу

*) Джон умер и Лильбурн скончался—
Прощай, о, Лильбурн, прощай и Джон!
Однако, положите Джона здесь, а Лильбурна немного в стороне,
Ибо если они окажутся вместе, они сейчас же вступят в спор.
(Из «The self afficted lively described», 1657).

тех, кто приписывает Лильбурну чрезмерную страсть к спорам. Он был вспыльчив, но охотно сознавался в своих заблуждениях. Подметив раньше, чем кто бы то ни было другой, честолюбие Кромвеля и заклеймив его склонность к политическим уверткам, Лильбурн все-таки был готов сложить оружие, если бы только Кромвель выказал намерение вести демократическую политику, демократическую в том смысле, в каком понимал это Лильбурн. Но это вовсе не входило в планы Кромвеля, типичного представителя имущих классов, и если он пользовался радикальной терминологией, то придавал ей всегда совсем иной смысл, чем Лильбурн. Благодаря этому, он должен был показаться последнему политическим жонглером («juggler») даже тогда, когда он не играл словами, а когда его мероприятия просто не соответствовали основанным на его же собственных словах ожиданиям Лильбурна.

Время тогда было беспокойное и всякий, кто, подобно Лильбурну, решительно стоял на стороне народа—крестьян, ремесленников, рабочих и т. д., неминуемо должен был «нападать поочередно на все установленные авторитеты». Смешно видеть в этом доказательство «самомнения» Лильбурна. Позиция, занятая им по отношению к «установленным авторитетам» и к Кромвелю, обусловливалась его политическими убеждениями, и такую же позицию занимали во время буржуазных революций все наиболее замечательные защитники интересов народа. Лильбурна можно назвать демагогом в том же смысле, в каком демагогами называют Марата, Дэмулэна, О'Коннеля, и среди людей, подобных им, он занимал далеко не последнее место. Он был блестящим оратором, одинаково искусно и смело владевшим как мечом, так и пером. Хотя некоторые соратники, быть может, и превосходили его глубиною познаний — его познания были тоже далеко не малыми — или социальным радикализмом, все же ни в одном из них не соединялось столько блестящих качеств народного агитатора, как в Лильбурне, которого даже Юм называет «необузданнейшим, но зато прямодушнейшим и мужественнейшим из всех людей». Со свойственным идеологу непоколебимым пристрастием к правомерности и законности, Лильбурн соединял решимость опытного революционера и здравый смысл политика-практика.

Этому отнюдь не противоречит тот факт, что Лильбурн не всегда верно оценивал действия Кромвеля. Он был представителем иного класса, иных принципов, чем Кромвель, и он был бы плохим представителем их, если бы прикладывал к поступкам сильных мира сего иную мерку, чем ту, которая могла быть приложена к ним с точки зрения представляемых им принципов. Партийный боец не может и не должен относиться к людям и обстоятельствам с об'ективностью, свойственной историку. Впрочем, демократические партии вообще никогда не отличались уменьем вести большую политику. Кромвель, с своей стороны, и душою и телом был представителем имущих классов и как таковой являлся неумелым и даже прямо ограниченным именно в тех вопросах, в которых Лильбурн мог бы считаться авторитетом. В существовавшем тогда делении общества на дворянство, буржуазию и рабочее население, в различиях в правовом положении этих классов, Кромвель видел ненарушимый «естественный» миропорядок.

«Различие между дворянином, джентльменом и иоменом (крестьянином и ремесленником) представляет собою важный и значительный интерес для нации. Разве естественный (!) строй («Magistracy») нации не попирался с насмешкою и презрением людьми, исповедующими уравнительные («levelling») принципы? Разве все эти принципы не имели целью принизить всех к одному уровню? Сознательно или бессознательно было стремление осуществить эти принципы на практике по

отношению к собствености и прибылям? Была ли у них, во всяком случае, иная цель, кроме цели поставить арендатора в такое же хорошее положение, как и лэндлорда? По моему это, если бы даже и было достигнуто, продолжалось бы недолго. Люди, проповедующие этот принцип, скоро сами сделались бы ярыми защитниками собственности и прибылей, как только бы достигли своей цели. Я привожу только один этот пример, хотя их много. Что такая проповедь грозила получить широкое распространение и в самом деле была сильно распространена, не подлежит сомнению, ибо она всем бедным людям кажется райской вестью, а всем дурным конечно не может быть неприятна». Так говорил Кромвель в своей речи от 4 сентября 1654 года при открытии заседаний первого парламента, созванного после провозглашения его протектората. В речи, произнесенной 22 января 1655 года при распущении этого парламента, Кромвель снова указывает на опасность, которая угрожает со стороны левеллеров и говорит: «Доставляет известное удовлетворение, когда общество, осужденное на гибель, погибает благодаря людям, а не благодаря существам, мало отличающимся от животных, когда общество, осужденное страдать, страдает от богатых людей, а не от бедных, которые, по словам Соломона, обрушиваясь на что-нибудь, не оставляют после себя ничего и подобны смывающему все проливному дождю».

Из этих слов «его величества»—так Лильбурн окрестил Кромвеля еще за год до совершенного последним государственного переворота—явствует, что Кромвель держался буржуазных убеждений, и кроме того, что движение левеллеров в 1655 году еще не совсем замерло. Конечно, Кромвель, мастер производить впечатление в парламенте, преувеличивал; опасность со стороны левеллеров грозила скорее лично ему самому, нежели государству и обществу. С 1654 года покушения на жизнь «лорда-протектора» быстро следовали одно за другим, и все они, почти без исключения, производились бывшими левеллерами или последователями родственных им радикальных сект, при поддержке роялистов, которые иногда даже оплачивали покушения. Самыми замечательными из них были покушения Сексби-Зиндеркомба.

Эдуард Сексби, с которым мы познакомились в одной из предыдущих глав, где он фигурировал в качестве «агитатора» армии и доверенного Лильбурна, был несомненно очень даровитым и чрезвычайно энергичным человеком. Он начал службу простым рядовым и постепенно достиг чина полковника. Благодаря, главным образом, его усилиям, состоялось весною 1647 года свидание в Ньюмаркет-Гите, на котором армия обязалась поддерживать демократию. В состоявшихся осенью того же года в Путнее (см. стр. 51) совещаниях между штабом Кромвеля и агитаторами, Сексби явился представителем радикального направления. Когда обсуждался вопрос об избирательном праве, Сексби указал на многие тысячи солдат, которые, будучи такими же бедными как он сам, рисковали жизнью ради «прирожденных прав и привилегий, принадлежащих им как англичанам». Почему же теперь, говорил он, понадобилось лишать их прирожденных прав из-за того, что у них нет земельной собственности? Я с своей стороны никому не уступлю своих прирожденных прав *).

---

*) Гардинер, I. c. стр. 387. Очень характерен ответ Кромвеля на эту речь. Она сказана в неуместном тоне, «слишком сильно пахнет своеволием». Зачем поднимать спор на отвлеченные темы, лучше исследовать, насколько может быть распространено, без ущерба для дела, существующее избирательное право? Нельзя ли, напр., даровать право голоса наравне со свободным землевладельцем («freeholder») и оседлому арендатору («copyholder»)? (Дебаты подробно изложены в Clarke Papers, ч. I, стр. 226 и след.).

Очень интересна его критика политической тактики, которой до тех пор держалась администрация армии. «Мы всем хотели угодить, и это конечно было хорошо, но как только мы обнаруживали свое хотение на практике, тотчас же оказывалось, что мы всех восстановляем против себя. Мы пытались заслужить одобрение короля, но мне кажется, что мы не сумеем добиться его, пока не решимся сами себе перерезать горло. Мы поддерживали дом, который оказывается построенным из гнилых бревен,—я разумею здесь парламент, представляющий собою собрание гнилых членов». Кромвель и Айртон в то время еще верили в соглашение, но вскоре должны были убедиться, что Сексби верно охарактеризовал как парламент, так и короля. В 1648 году Сексби передал Кромвелю упомянутое на стр. 55 письмо Лильбурна, в котором последний предлагает примирение *). В первые годы существования республики он оставался на службе у нее; но со времени провозглашения протектората, со времени незаконного изгнания Лильбурна и преследования других республиканцев, Сексби, подобно многим другим левеллерам и республиканцам, стал считать устранение «всемогущественного деспота» и «предателя» Кромвеля необходимым условием достижения желанного политического идеала. Таким образом Сексби и другие, убежденность которых также не подлежит ни малейшему сомнению, пришли в такое настроение, что даже союз с роялистами, испанцами и т. п. против Кромвеля, даже принятие финансовой поддержки от них против последнего **) стали казаться им средствами, вполне оправдывающимися их

---

*) Hyde-Clarendon, современник революции и историк ее, рассказывает. что Кромвель несколько раз приглашал Сексби спать с ним в одной постели, «такого доверия часто удостоивались люди, которым Кромвель давал важные поручения и с которыми он не мог поговорить свободно в другое время». (History of the Rebellion, XV, стр. 133).

**) Иные историки утверждают, впрочем, что Сексби был просто «браво», желавший только «заработать деньги». Так, между прочим, говорит г. Мориц Брош в своей книге «Oliver Cromwell und die puritanische Revolution» (стр 472, 473) Но уже не говоря о том, что вся биография Сексби и его продолжавшиеся до самого конца интимные отношения к другим левеллерам и радикальным политикам той эпохи противоречат этому утверждению, последнее опровергается также перепиской между Карлом Стюартом и его повереннным Гайдом с одной стороны и роялистскими вождями полковником Тальботом, полковником Титусом, сэром Мармэдюком Ландгалем и лордом Ормондом, а также иезуитским патером Тальботом с другой. В этой переписке, относящейся к 1655—1657 гг., очень часто упоминается Сексби, но о нем говорится всегда только как об очень даровитом, энергичном человеке, ненависть которого к Кромвелю следует использовать, но с которым надо держать себя крайне осторожно в виду его политических убеждений. Мы приведем здесь несколько выдержек из этой переписки, бросающей вообще очень яркий свет на политические события и интриги той эпохи. (Выдержки из этой переписки напечатаны в «Calendars of Clarendon State Parers») Весною 1655 года при посредстве испанского уполномоченного графа Фуэмалдания были завязаны сношения с Овертоном, Сексби и другими левеллерами. 9 сентября 1655 года сэр М. Ландгаль, извещая Карла Стюарта о переговорах с ними, пишет что на свидании в Брюсселе Овертон и Сексби отказались даже предложить своей партии союз с королем. Ландгаль предостерегал короля от этих людей, советовал пользоваться ими, но не доверять им. Иностранцы, по мнению Ландгаля, наилучшие агенты, потому что у них нет политических интересов. 7 января 1656 года полковник Тальбот писал Ормонду, находившемуся при короле, что, по его мнению, Сексби величайший враг Кромвеля, но что Сексби и его товарищи ненавидят короля также как Кромвеля. 17-го марта Гайд давал Ормонду инструкции относительно того, как ему и королю следует держать себя при предполагаемом свидании с Сексби. При этом Гайд советует особенно подчеркивать (magnify) значение великой хартии, а также полномочия свободно избранного парламента; если же нельзя будет совсем отвергнуть радикальные («неразумные») требования, он рекомендует—этот совет очень характерен—принять их со следующей оговоркой: «как только этого потребует от его величества свободно избранный парламент». Между тем Ормонд завязал сноше-

великой целью. Что касается союза с испанцами, то в этом отношении левеллерам показал пример наследственный король «божией милостью»: а Карл Стюарт также уже в начале 1654 года, преисполненный сознанием своего «божией милостью» права, выпустил прокламацию, в которой тому, кто «...при помощи меча, пистолета или яда устранит... подлого, низкого негодяя Кромвеля», было обещано 500 фунтов стерлингов годового дохода, чин полковника и другие почести. Обещание было скреплено «словом христианского короля» (!). Хотя это обещание было очень заманчиво для «смелых людей, очутившихся в стесненном положении» (Карлейль), все же до сих пор никто еще не сумел заслужить обещанного, потому что Кромвель никогда не выезжал без хорошей охраны, да и вообще постоянно заботился о целости своей особы. Теперь за дело взялись разочарованные и озлобленные левеллеры, они не боялись рисковать ради его успеха жизнью. Денег, собранных Сексби, не хватило для организации большого восстания, оставалось только устроить покушение; некоторые из товарищей Сексби на время присоединились к гвардии Кромвеля, чтобы иметь возможность приблизиться к нему во время его прогулок в Гайд-Парке, но им не удалось сделать это ни разу, и наконец один из них, Майльс Зиндеркомб предложил устроить дело иначе. Сексби дал ему для этой цели 1.600 фунтов стерлингов, а сам снова отправился заграницу для сбора денег.

Майльс Зиндеркомб, подобно Сексби, поступил в парламентскую армию молодым, восторженным человеком. В 1649 году, он уже в звании капрала принимал участие в восстании левеллеров за «Agreement», был арестован в Берфорде и несомненно разделил бы участь других арестованных капралов, если бы ему не удалось спастись бегством накануне казни. Он отправился в Шотландию, в стоявшую там парламентскую или же теперь уже республиканскую армию, быстро дослужился до казначея и в 1654 году принимал участие в попытке заменить командующего генерала Монка, которого республиканцы и левеллеры в армии, как оказалось впоследствии вполне справедливо, считали ненадежным, республиканцем, полковником Робертом Овертоном. Когда заговор был открыт, Монк отрешил Зиндеркомба от должности и последний вер-

---

ния с левеллером Румбольдом, и в письме от 21 июня старается узнать от него, состоит ли друг Румбольда Уайльдман в переписке «с неким Сексби» и какого он о нем мнения. 25 августа патер Тальбот писал королю относительно Сексби, что последний «расположен к королю не больше чем прежде». 12 октября Тальбот просит короля написать ему письмо, которое он (Т.) мог бы показать Сексби в доказательство того, что король согласен принять его политические требования. Сексби отличается «нравственной порядочностью и чувством чести, больше которых нельзя ожидать и желать от человека не кавалера». 17-го октября патер Тальбот доносил Ормонду, что король поручил ему пойти к Сексби и убедить его образумиться, и что ему дано полномочие сделать Сексби лично важные предложения. Но только месяц спустя иезуит мог доложить королю, что Сексби согласен на частное свидание с ним, с тем однако условием, что ему не надо будет преклонять перед ним колена. Требование это удовлетворяется. В конце 1656 года последовало покушение Зиндеркомба. Полковник Титус писал Гайду, что Сексби советовал не предпринимать покушения, потому что успех его в слишком сильной степени зависит от случайностей, и потому что надо было посвятить в него слишком много людей. 13 июля Титус доносил, что Сексби уже снова в Англии и очень недоволен им за то, что он (Титус) слишком привержен к королю. После ареста Сексби Титус писал (12-го ноября), что надеется, что Сексби, помешавшийся в заключении, никогда больше не поправится; 3 декабря он повторяет свое благочестивое пожелание, услышав, чт Сексби выздоравливает.

Каково бы ни было мнение о политических переговорах левеллеров и др. с будущим Карлом II, во всяком случае надо признать, что вся относящаяся сюда переписка характеризует Сексби с наилучшей стороны.

нулся в Лондон, где вступил в сношения с Сексби и другими заговорщиками. Когда Сексби уехал на континент, Зиндеркомб намеревался лишить Кромвеля жизни при помощи взрывчатого снаряда особого устройства. Для этой цели он нанял дом в Гаммерсмите близ Лондона. Этот дом выходит окнами на улицу, по которой Кромвель проезжал на пути из Гамптон-Курта в Уайтгиль. Однако опыты Зиндеркомба были неудачны, поэтому он отказался от своего плана и решил поджечь Уайтгилль, где Кромвель жил зимою, а затем, во время переполоха, схватить «тирана» при помощи известного числа сильных людей. Ему удалось навербовать сто человек и приготовить для них сотню быстрых лошадей. 8 января 1657 года, в половине двенадцатого ночи, благодаря запаху гари, была найдена корзина, наполненная горючими веществами, которых было «достаточно для того, чтобы прорвать каменную стену» и соединенная с горящим фитилем. Вечером накануне возле Уайтгилля видели Зиндеркомба и одного из его сообщников. Стража немедленно же доложила о своей находке. Был снят допрос со всех часовых, гвардейцев и т. д. Один из гвардейцев, осведомленный о заговоре, сознался во всем,—возможно, что он с самого начала хотел предать Зиндеркомба. Последнего, несмотря на яростное сопротивление, арестовали и посадили в Тоуэр; 9-го февраля высший суд приговорил его к смертной казни за государственную измену. Казнь была назначена на 14 февраля 1657 года, но Зиндеркомб ночью накануне казни отравился ядом, который ему подсунула при прощании сестра. «Он принадлежал к отвратительной секте спящих душ (soul sleepers), которые думают, что вместе со смертью засыпает и душа», говорится о Зиндеркомбе в дневном рапорте. «Умирая, он сказал, что не заботится о своей душе». Мы знаем кто были «спящие души»—так называли себя приверженцы материалистической теории Ричарда Овертона (Ср. Массон, I. с. V, стр. 120). В памфлете, написанном озлобленным противником Кромвеля и появившемся после смерти Зиндеркомба, последний в самых восторженных выражениях ставится на одну доску с лучшими борцами за свободу в древности. «Он был мужествен как римлянин», говорится о нем между прочим в памллете.

Этот памфлет, озаглавленный: «Умерщвлять не значит убивать» («Killing no murder») возбудил при своем появлении величайшую сенсацию. Его брали нарасхват и нельзя было купить его дешевле, чем за пять шиллингов. Уже самое заглавие показывает, что он заключает в себе совет предпринимать покушения,—само собою разумеется на Кромвеля. Он написан чрезвычайно сильно и ему удалось прежде всего окончательно испортить Кромвелю удовольствие наслаждаться достигнутой им беспримерной властью. Всемогущему протектору приходилось принимать все больше мер предосторожности при выездах в экипаже и верхом. Кто был автором памфлета, резкого по тону и чрезвычайно хорошо написанного—вопрос спорный. После реставрации полковник Титус, покинувший Кромвеля и перешедший к Стюартам, выдавал за автора памфлета себя; однако показание этого возведенного в звание камергера «лакея» (Карлейль) не внушает особенного доверия, ибо он желал добиться только материальных выгод, и с этой целью признавался в авторстве. Еще раньше признал себя автором Сексби, который между тем умолкнул навсегда; достойный, несмотря на всю горечь и резкость, язык памфлета, а также заключающиеся в нем теплые слова, посвященные памяти Зиндеркомба, дают возможность думать, что памфлет написан скорее одним из единомышленников последнего. Единственное обстоятельство заставляющее нас сомневаться в достоверности показания Сексби, заключается в том, что последний признал себя автором памфлета в Тоуэре и при таких условиях, которые давали возможность предполагать, что признание было вынужденным.

Вскоре после смерти Зиндеркомба Сексби тайно вернулся в Лондон, вероятно для того чтобы вновь организовать раздробленные силы заговорщиков. В это время появился памфлет «Killing no murder», а в июле Сексби снова сделал попытку, переодевшись, сесть на корабль, отплывавший в Нидерланды. Несмотря на то, что он отростил длинную бороду и переоделся, правительственные чиновники узнали и арестовали его, а затем препроводили в Тоуэр. Там он, по свидетельству наместника сэра Джона Баркстида и других лиц, признался, что получал от уполномоченных и союзников Карла Стюарта деньги для организации покушений, что он был инициатором покушения Зиндеркомба и автором сочинения «Killing no murder». (Ср. Cobbet, State Trials, том V, стр. 844, 845 и 852 и сл.). Вскоре после этого Сексби будто бы впал в безумие. Он умер уже в январе 1658 года.

Если признание не было вынуждено у Сексби пытками, а скорая смерть его дает полное основание предполагать, что пыткам его подвергали, то его показания во всяком случае заслуживают больше доверия, нежели показания негодяя Титуса. Наконец, возможно также, что выставленное на памфлете имя не было, как думали до сих пор, псевдонимом, но подлинным именем автора. Левеллер Вильям Аллен действительно существовал и—это особенно важно в данном случае—стоял в близких отношениях к Сексби. Замечательно, что до сих пор никто не упоминал о следующем факте: в апреле 1647 года три агитатора, Вильям Аллен, Эдвард Сексби и Томас Шеппард подали генералам Кромвелю, Ферфаксу и Скиппону, от имени всех своих товарищей, отнюдь не приятное генералам заявление, в котором очень определенно было выражено недоверие армии к парламенту. Скиппон говорил об этом в парламенте; тогда последний подверг подателей заявления допросу, и благодаря этому только существование агитаторов сделалось известным широким кругам. Дело кончилось большими демонстрациями в Нью-Маркете и Триплое-Гите, последовавшим вскоре после этого занятием Лондона армией и очисткой парламента от одиннадцати враждебных армии пресвитериан. Словом, Вильям Аллен и Сексби были в числе первых агитаторов. Поэтому вполне возможно, что Аллен в 1657 году был еще жив и писал против Кромвеля *). Если же его к тому времени уже не было в живых, то выбрать его имя псевдонимом опять-таки скорее всего мог его старый товарищ Сексби **).

---

*) Так, напр., в помеченном 28 июля 1655 года письме иезуитского патера Тальбота к королю говорится, что Сексби, находившийся в Брюсселе, получил письма от своих друзей в Англии, которые уполномочили его действовать как он найдет нужным. Между прочим, ему безусловно преданы лорд Грей оф-Гроби, Уайльдман, Аллен и многие анабаптисты». Возможно, что здесь подразумевается упомянутый нами в примечании на стр. 54, генерал-ад'ютант Аллен, также анабаптист и противник Кромвеля. Однако, «агитатор» Аллен также несомненно достиг высшего военного чина, и его современник, генерал Эдв. Лудлоу в своих мемуарах прямо отожествляет его с генерал-ад'ютантом Алленом; трудно допустить, что Лудлоу ошибался. Карлейль оспаривает, что Аллен генерал-ад'ютант и Аллен агитатор одно и то же лицо; насколько он прав или неправ мне не удалось установить.

**) Если сравнить «письмо агитаторов» с упомянутым памфлетом, то кажется неподлежащим никакому сомнению, что оба написаны одним лицом. «Killing no murder» отличается от других памфлетов той эпохи не тем, что он оправдывает вообще покушения на Кромвеля, а чрезвычайно сильной, неотразимой аргументацией, при помощи которой доказывается, что Кромвель не достоин жить, что он превзошел Карла I преступлениями. Я не знаю ни одного памфлета той эпохи, который был бы написан так сжато, с таким сарказмом, с такой жестокой и неотразимой диалектикой, как «Killing no murder». Но ту же диалектику, тот же энергичный стиль мы видим в письме агитаторов, в заключающемся в этом письме обвинении против парламента, руководствуемого пресвитерианами. «Он»—говорится там по поводу предложения парламента дислоцировать армию—

«Killing no murder» появился как раз в то время, когда парламент предложил Кромвелю изменить конституцию и принять королевский титул (так назыв. «humble Petition and Advice»). После довольно продолжительных размышлений Кромвель отказался от королевского титула: хотя армия тогда была очень покорна ему, все же она воспротивилась принятию королевского титула. Однако, еще раньше, чем Кромвель пришел к этому или иному решению, некоторые буржуазные элементы, вместе с некоторыми военными, вышедшими из армии, попытались произвести в Лондоне республиканское восстание: приверженцы «пятого царствия»— теперь бы их назвали теоретическими республиканцами—условились со своими единомышленниками собраться 9 апреля в Майльэнде, в одном из предместий Лондона, с запасом оружия и снарядов и призвать народ на защиту окрепшего царствия божия. При этом заговорщики рассчитывали на симпатии, которыми республиканские идеи пользовались среди населения, в армии и среди многих отставных офицеров. Но они не приняли ы рассчет бдительности Кромвеля и его шпионов. Когда главари заговора утром в назначенный день явились на условленное место, они нашли там уже конницу Кромвеля; она арестовала около двадцати человек и конфисковала привезенные ими прокламации, листки и знамя, на котором был изображен дремлющий лев, «лев племени Иуды» с девизом: «кто разбудит его?» В следующие дни были арестованы еще некоторые лица, заподозренные в тайной поддержке заговора и «пятое царствие оказалось сидящим под замком». До процесса дело не доходило. Большинство арестованных на время были посажены в Тоуэр, остальных разместили по разным крепостям и замкам *).

После первого предприятия Веннера, вслед за распущением третьего парламента времен протектората (февраль 1658 года), в мае 1658 года была сделана попытка роялистского восстания, во главе которого стоял пресвитерианский священник, д-р Гьюит. Но и в этом случае слуги Кромвеля оказались более ловкими, чем заговорщики. «Анархистское» движение левеллеров, анабаптистов, приверженцев пятого царствия и т. д., направленное против новой конституции, также было подавлено в зародыше. Зато Кромвель тоже погиб 30 августа того же 1658 года от злокачествен-

---

служит только ширмой для некоторых лиц, у которых недавно появились самодержавные аппетиты, и которые, возвысившись из своего низкого положения, стремятся сделаться господами, чтобы потом превратиться в тиранов». (Ср. Гардинер, III, глава 48).

*) Главою этого заговора был винодел Т. Веннер. После реставрации Стюартов, когда последние с изысканной жестокостью отомстили «цареубийцам», Веннер с горстью безумно-смелых единомышленников, вдохновленных его проповедью, 6 января 1661 года снова сделал попытку восстать во имя «Царствия Христова». Заговорщиков было не больше шестидесяти с лишним человек, но они взбунтовали весь город. Уступая численному превосходству милиции и солдат, они отступили в расположенную к северу от Лондона, между Гайгатом и Гамистэдом рощу, но 9-го января вернулись в Лондон. Их было тогда только 31 человек, но они были в экстазе, глубоко убежденные, что ни меч, ни пуля не могут задеть христовых воинов, и что Царствие Христово приближается. Они «обратили в бегство встретившую их городскую милицию, также как и королевскую гвардию, убили (защищаясь) двадцать человек и дважды брали с бою ворота Сити; все это происходило среди бела дня, в то время, «когда весь Сити был под оружием». Так рассказывает в своем дневнике Pepys (10 января 1661 г.). Установив их численность, Pepys добавляет: «мы думали, что их по крайней мере пятьсот человек. Это неслыханная вещь, чтобы такая маленькая кучка людей могла осмелиться и наделать столько бед». Наконец, их окружили со всех сторон, но они проложили себе путь в один дом и довольно долго отбивались в нем от тысячи солдат. Когда половина из них пала, войскам удалось насильно схватить остальных—добровольно не сдался ни один. Все они, в том числе Веннер, умерли на виселице. Веннер и некий Притчард, кроме того, были еще четвертованы. Их молитвенный дом был разрушен.

ной, перемежающейся лихорадки. Вечная борьба, постоянные душевные волнения также преждевременно истощили его орагнизм.

Последующие события показали, как мало могла подвинуть смерть Кромвеля то дело, за которое боролись левеллеры. Иные лица, иные группы имущих классов борются между собою за господство, о народе ничего больше не слышно *). Наконец, после недолгого существования воскрешенного «долгого» парламента последовала реставрация Стюартов генералом Монком в 1660 году. Восторженно приветствуемый, Карл II вступил в Лондон. У Англии снова появился король. Да еще какой король! Бесхарактерное беспутное существо, не обладающее ни одним из положительных качеств Кромвеля, обыкновенный бабник и расточитель, в царствование которого достигло полного расцвета именно то, против чего так часто восставали левеллеры: раздаривание государственных земель, угнетение и вытеснение крестьян лэндлордами. Дворяне-землевладельцы стряхивают с себя последние остатки феодальных повинностей и зато вотируют для короля определенное содержание, которое, в виде косвенных налогов, падает всей тяжестью на бесправную массу народа. «Достославная» революция вигов 1688 года, заменившая династию Стюартов династией Оранцев, вместо облегчения принесла сельскому населению только ухудшение его положения. Государственные земли совсем упраздняются, а разграбление обширных земель приобретает печать законности, благодаря знаменитым «Enclosures-Ast» (законы об огораживании), изданным парламентом, самодержавие которого при нереформированном избирательном праве означает не что иное, как самодержавие класса эксплоататоров. «Около 1750 г. Ieomanry (свободное крестьянство) уже не существует, а в последние десятилетия XVIII столетия исчез всякий след общинного землевладения земледельцев». (Маркс, «Капитал», том I, стр. 611).

Не улучшила реставрация также и положения городских рабочих. Вспомним, что говорится об этом во второй главе устами Торольда Роджерса .Крестьяне, рабочие и ремесленники надолго остались политически-бесправными, и если рабочим по временам удавалось облегчить свое экономическое положение, то они добивались этого не благодаря законодательству, а скорее вопреки ему. Сколько-нибудь значительного движения против абсолютной отныне политической власти крупных эксплоататоров не обнаруживалось среди низших классов ни в XVII, ни в XVIII столетии. Вместе с левеллерами были раздавлены передовые политические борцы низших слоев народа, оппозиционный дух обнаруживается только в форме религиозных сект и даже внутри сект, переживших реставрацию, происходит переворот. Они все более и более утрачивают свой религиозный характер, приобретают этический оттенок и постепенно все делаются более или мене «респектабельными».

Индепенденты умеренного направления—«джентльмены»—в политическом смысле примыкают к вигам, движению которых наиболее богатые джентльмены оказывают весьма существенную денежную поддержку, когда дело в 1688 году доходит до устранения династии Стюартов. В конце XVII века умеренные индепенденты представляли собою настолько значительную финансовую силу, что Карл II не осмеливался трогать их церкви и бывал рад, когда ему удавалось занять у них денег. Индепенденты были учредителями британского банка. Прикрываясь этими влиятельными элементами, могли, однако, существовать также и индепендент-

*) Каким влиянием имя Лильбурна пользовалось даже несколько лет спустя после его смерти, показывает, между прочим, следующее, появившееся в эпоху «анархии», сочинение: «Дух Лильбурна, с кнутом в одной руке, для того, чтобы согнать тиранов с их мест, дающих им возможность властвовать, и с бальзамом в другой, для того, чтобы излечить раны нашего, все еще испорченного, государственного строя». Лондон, 1659. В этом сочинении защищаются принципы «Agreement'a.

ские конгрегации, сохранившие известный оттенок традиционного радикализма; и доныне еще конгрегационалисты, так называются все вообще индепенденты, поставляют известный контингент борцов политически-радикальных движений.

Часть более оппозиционных элементов индепендентства эпохи революции сливается с остатками баптистского движения и образует баптистские общины. В настоящее время не легко проследить возникновение последних и конец анабаптизма. Но так как с самого начала существовали различные течения среди анабаптистов, умеренные и радикальные, буржуазные и коммунистические, так как все они долгое время были известны под одним общим названием—именно анабаптизма, то исследование их происхождения было бы даже бесцельным. Если теперь респектабельные баптисты претендуют на то, что их общины ведут свое происхождение от индепендентизма, представляют собою отпрыски его, то спорить с ними не стоит, тем более, что связь индепендентизма с анабаптизмом не подлежит никакому сомнению. Дело в том, что в рассматриваемую нами эпоху сектантское движение было очень интенсивным, одна секта превращалась в другую, название их постоянно меняли свое значение. Даже между отдельными группами приверженцев пятого царствия существовали весьма важные различия. Баптисты, в свою очередь, также распадаются на множество толков, но все они, также как и основанная в средине XVIII столетия секта методистов (веслейанцев), вербуют своих членов в рядах трудящихся классов. До самого последнего времени эти секта превращалась в другую, названия их постоянно меняли свое знационные тенденции трудящихся классов, являясь то центрами оппозиции, то в некотором роде предохранительными клапанами—на пользу буржуазных классов.

Во всяком случае надо признать, что современные английские баптисты происходят не от коммунистических анабаптистов. Когда революция уже была закончена, и подготовлялась реставрация. анабаптисты-коммунисты нашли пристанище не в баптистских и анабаптистских общинах, а в секте квакеров. Эта секта, дитя второго периода революции, периода разочарований, отразила в себе, в соответственной форме, самые радикальные этические и социальные тенденции революции. Мы видели, что Лильбурн и Винстэнли после крушения всех своих стремлений примкнули к квакерам. Потому ли они это сделали, что отказались от своих идеалов? Вовсе нет. Они только усомнились в правильности избранного ими пути. Они пришли к тому выводу, к которому при подобных поражениях приходят все: политика не есть подходящее средство для того, чтобы увлечь массы, поэтому надо начинать с морали, надо проповедывать новую мораль. А мораль квакеров, несомненно, носит коммунистический характер. Первые квакеры были далеко не безвредными религиозными фанатиками, стремящимися только углубить религиозные идеи. Наоборот, религиозная оболочка у них только прикрывает собой коммунистические или сродные коммунизму тенденции. Лишь постепенно и здесь то, что первоначально служило лишь формой, оболочкой, превращается в сущность, лишь постепенно «друзья», приверженцы «света», из преследуемых пропагандистов опасных для государства идей, превращаются в настоящих, примерных буржуа. Когда Лильбурн примкнул к ним, все они, или, по крайней мере, многие из них, были отказавшимися, правда, от насильственных средств, но все же пропагандистами социальных реформ, «этическими» социалистами своей эпохи. Первой личностью, представляющею известный интерес для истории социализма после реставрации, является квакер—Джон Беллерс, игравший в истории социализма немаловажную роль.

По этой, а также и по многим другим причинам, мы посвятим квакерам отдельную главу. Зато мы можем не касаться здесь всех остальных сект революционной эпохи. Смотря по характеру своих основных догматов, приверженцы этих сект примкнули либо к буржуазным движениям, либо к реставрированной государственной церкви, либо, наконец, к квакерам. К последним, например, несомненно примкнули многие антиномисты, фамилисты и рантеры; относительно радикальной группы баптистов точно установлено, что они присоединились к движению квакеров.

В XVIII столетии, благодаря непрестанным торговым войнам и гигантскому росту английских колониальных владений, поглощавших массу наиболее деятельных элементов народа, как политическое, так и социальное реформационное движение, в общем, осталось бесплодным. Занятая накоплением буржуазия относилась совершенно спокойно к тому, что от ее имени правил не только король, но также обновленная и дополненная сыновьями мэстрес и т. п. аристократия. Она относилась спокойно также к избирательной системе, лишившей избирательного права также значительную часть имущей буржуазии. Отдельные голоса, восстававшие против этой системы, были бессильны чего-либо достигнуть. Лишь после окончания наполеоновских войн возникло более энергичное движение в пользу реформ, после того как 1832 году избирательное право было распространено на мелкую буржуазию; от этого движения отделились пролетарские элементы, образовавшие чартистскую партию, которая в XIX столетии начала с того, чем кончили в средине XVII левеллеры. Чартисты, несомненно, наследники левеллеров. Их народная хартия, сообразно свершившемуся в это время экономическому развитию, прямо требует избирательного права для всех взрослых мужчин, но во всех остальных пунктах она не радикальнее народного договора левеллеров, который Карлейль насмешливо называет преждевременной «Бентам-Сийесовой», но который автор его, Лильбурн, с гораздо большим правом назвал «законной основой народной свободы». И подобно тому как чартисты происходили от левеллеров, так великий английский утопист XIX века, Роберт Оуэн, происходил прямо от «истинных левеллеров». Он сам ссылается на Джона Беллерса, как на своего предшественника, а ниже мы увидим, что Джон Беллерс, в свою очередь, опирается на Джерарда Винстэнли.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Орган левеллеров.

Наше изложение было бы неполным, если бы мы не посвятили несколько слов органу левеллеров. Среди листков, появившихся в революционные 1648—49 годы, есть один, тон которого был вполне выдержан в духе левеллеров, который воспроизводил их прокламации и памфлеты, и который, поэтому, может быть и даже был назван их органом. (См. между прочим Gardiner, History of th Commonwealth etc., стр. 52). Он носит заглавие «The Moderate»—Умеренный,—название несколько странное для газеты наиболее радикальной политической партии той эпохи. Но в этом названии не заключалось никакой иронии, никакого лицемерия. В нем отражается лишь идейная сторона движения. В самом деле язык «Moderate'a» далеко не санкюлотский, как это называет старший Дизраели, в «Curiosities of Literatur»*),—язык его безусловно спокоен

*) По поводу подзаголовка «Moderate'a»: «impartially communicating martial affairs to the Kingdom of England», Дизраели иронизирует, что приверженцы республики, повидимому, еще не удосужились изгнать из своего лексикона монархический титул. Дело, однако, в том, что «Moderate» начал выходить летом 1648 года, когда Англия была еще королевством. Кроме того, «Moderate» был антгонистом «Moderate Intelligencer», носившего тот же подзаголовок.

и об'ективен. Нигде в этом листке мы не встречали оборотов, хотя бы отдаленно-напоминающих собой грубые, вульгарные фразы, какие встречаются чуть ли не в каждом номере роялистских изданий той эпохи, напр. «Man in the Moon», «Mercurius Elencticus» etc.

Зато «Moderate» был одной из первых, а может быть даже первой газетой, в которой иногда появлялись руководящие статьи или по крайней мере нечто вроде таковых. Некоторые номера его начинаются рассуждениями по политическим и даже экономическим вопросам. Я считаю уместным дать здесь резюме одной из таких статей. Познакомившись с ними можно будет судить о том, насколько справедливо данное «Moderate'у» название первого предтечи социал-демократической прессы. В номере 61, от 5—12 сентября 1649 года, в самом начале говорится следующее:

«Войны во все времена прикрывались самыми соблазнительными предлогами: реформацией религии, законами страны, свободой подданных и т. д. хотя влияние войн было крайне гибельно для них (целей) и разоряло нацию, ибо войны на целые столетия делали основой всякого авторитета не народ, а меч, лишая человека первородного права, передавали в руки немногих достойную проклятия собственность—причину всех гражданских войн между партиями и главный повод для прегрешений против небесного божества. Таким образом тирания и угнетение вошли в плоть и кровь многих наших предков, а так как тирания, основываясь на королевской власти, слишком долго поддерживалась силой меча, то она в конце концов настолько вошла в привычку, что стала казаться народу вполне естественной—это единственная причина, почему народ в настоящее время так невежественен и неосведомлен о своем природном праве равенства, о своей единственной свободе. Наконец божественное провидение увенчало успехом восстание порабощенного народа против могущественного врага. Народ мнил, что, благодаря этому, ему будет обеспечена свобода от прежних угнетений, тягостей и рабства, что ему будет обеспечен счастливый плод того, что он мог считать только величайшим своим благом как для тела, так и для души. Но гордыня, жадность и себялюбие взяли верх над таким неоцененным благодеянием, и многие поддались искушению пуститься в плавание по этому золотому океану, поэтому притеснения народа не только продолжаются, но даже увеличились и конца им не видно. Народ, который теперь нельзя дольше обманывать, который хочет получить облегчение и сделаться не только по имени, но и действительно источником всякого законного авторитета—народ от этого стал приходить в негодование, он требует законного представительства и разумных законов, способных действительно сделать его счастливым. Если они не будут даны, если кой-какие старые искры будут раздуты бурей новых распрей, то разгорится огонь, поднимется ветер, и если горючий материал сухой, если не будут приняты быстрые предупредительные меры к облегчению, тогда вред для немногих будет велик, но еще больше будут выгоды, которые достанутся на долю всех остальных».

В настоящее время такой образ мыслей выражается лозунгом: «Реформа или революция».

Господин Исаак Дизраели страшно озлоблен за то, что в номере «Moderate'a» от 31 июля—7 августа 1649 года, по поводу казни нескольких разбойников, обвиняемых в краже скота, институт собственности делается ответственным за то, что эти люди лишаются жизни, и затем доказывается, что если бы не существовало частной собственности, то казненные не имели бы надобности воровать для поддержания своей жизни. «Собственность,—говорится в этой статье,—есть основная причина всяких недоразумений, происходящих на почве гражданских отношений между партиями. А так как тиран (король) устранен,

и правительство по названию изменилось, то собственность и на деле должна бы вернуться в руки народа. Хотя последний не может ожидать этого в течение ближайших лет, в виду большого числа имущих (gentry), вооруженных властью и высоким положением и применяющих все искусственные средства, чтобы поддержать старый образ правления, а вместе с тем свои интересы и рабство народа,—все же не может быть сомнения, что со временем народ и в этом отношении поймет свою слепоту и невежество».

Из отчетов «Moderate'a», а также и из других листков того времени явствует, что движение левеллеров отнюдь не ограничивалось Лондоном и его ближайшими окрестностями, но имело приверженцев во всей стране. Очень интересна в этом отношении корреспонденция из Дерби, помещенная в номере за последнюю неделю августа 1649 года, особенно потому, что в ней упоминается категория рабочих, о которых вообще в описании движения нет речи, а именно горнорабочие. У них возник конфликт с графами Рутландт, и они обратились с просьбой о помощи к парламенту. В корреспонденции говорится, что они решили, в том случае, если парламент не поддержит их, прибегнуть к естественному закону. Число их, вместе с друзьями и одинаково с ними заинтересованными в деле лицами, доходит до двенадцати тысяч. Если их просьба будет оставлена без внимания, они образуют грозную и решительную армию, «Партия левеллеров в городе,—говорится далее,—обещает помочь им добиться исполнения их справедливых требований» .

Уже несколько дней спустя, в заявлении «землевладельцев и владельцев копей и т. д.» дербиширского горнопромышленного округа, помещенном в кромвелевском листке *), делается возражение, что число горнорабочих не более четырех тысяч, и что у левеллеров в Дерби не найдется даже и дюжины приверженцев. Кроме того, на рабочих взводится обвинение, что они несколько раз брали сторону короля, между тем как гораздо более многочисленные свободные крестьяне и владельцы рудников стояли на стороне парламента. Это вызвало в свою очередь возражение, напечатанное в 61 номере «Moderate'a». В этом возражении, повидимому, вполне основательно говорится, что упомянутое выше заявление—дело рук графа Рутланда и его агентов, что крестьяне и более мелкие собственники не имеют ничего общего с ним, и что в ответ на упрек в приверженности к королю можно привести уже установленный в первоначальной петиции горнорабочих факт, что граф Рутланд, тогда еще мистер Манерс **), не раз при помощи «кавалеров» выгонял горнорабочих из их рудников, а когда они жаловались на него, взводил на них ложные обвинения. Это тот же метод, которому, как мы видели, следовали кобгемские землевладельцы в своих мероприятиях против диггеров. Очень характерно, что имущие, при конфликтах с неимущими, всегда хватаются за стоящих в данную минуту у власти, хотя и проклинают их постоянно.

---

*) «A modest Narrative of Intelligence for the Republique of England and Ireland», № 22, от 25 августа до 1 сентября 1649 года. В 23 номере этого листка помещена корреспонденция из Ярмута (Норфольк), сообщающая о собраниях левеллеров в этом крупном приморском городе, на которых было решено сделать новые попытки восстания.

**) Манерс—фамилия графов, а ныне герцогов Рутланд. Один лорд Джон Манерс, как известно, был в свое время вместе с Вениамином Дизраели вождем «молодой Англии». В цитированной выше статье Исаака Дизраели,— «The Rump» об этой полемике «Moderate'a» с тогдашним графом Рутландским не упоминается.

63 номер был последним номером «Moderate'a». 20 сентября 1649 г. парламент выпустил эдикт о печати, который восстановлял концессионный порядок и устанавливал тяжелые наказания за издание и распространение «преступных и клеветнических» произведений печати. Таким образом жизненный нерв газеты был перерезан. С другой стороны в сентябре снова происходили переговоры между левеллерами и представителями армии и парламента, имевшие целью сделать возможными мирные отношения между ними. Возможно поэтому, что«Moderate» прекратился вследствие того, что не было уже больше надобности в социальном органе левеллеров. 1 сентября«Moderate» сообщает—и его сообщение подтверждается в Perfect Weekly Account, газете, стоявшей ближе к парламентской партии—что по четыре представителя от парламента, армии и левеллеров, по предварительному уговору, собирались на конференции, имевшие целью достигнуть взаимного соглашения и, если можно, устранения всех разногласий. «Время скоро покажет, к чему все это поведет». Компромисс не состоялся, но после оправдания Лильбурна в октябре, повидимому, наступило нечто вроде перемирья, ибо в течение 1650—51 годов левеллеры держатся безусловно выжидательно.

«Moderate» заключает в себе еще массу других интересных заметок и сообщений, но рассмотрение их здесь завело бы нас слишком далеко. Не следует конечно, думать, что «Moderate» представлял собой газету в современном смысле слова; это листок, заключающий в себе 8 страниц небольшого формата in quarto; главное содержание его составляют различные известия. Он существовал больше года, с июля 1648 до конца сентября 1649 года. Полного комплекта его номеров не имеется, они находятся в разрозненном виде в собрании памфлетов так называемой библиотеки Томассона, в Британском Музее.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

БУРЖУАЗНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ 17-го ВЕКА: «ЛЕВИАФАН» ГОББСА И «ОЦЕАНА» ГАРРИНГТОНА.

Литература великой английской революции представляет собой преимущественно временный интерес, так как она отвечала, главным образом, непосредственным потребностям данной минуты. Это верно даже относительно таких сочинений, как «The Tenure of Kings and Magistrates» *), Мильтона, рассматривающего свою тему с более принципиальной точки зрения. Лишь относительно религиозного вопроса можно сказать, что революции предшествовала национальная революционная литература. Но хотя религиозный вопрос в известном смысле был вопросом политическим, все же обсуждавшие его сочинения не касались данного общественного порядка и государственного строя. Когда дело дошло до открытой борьбы между королем и парламентом, умы были заняты не теоретическими рассуждениями о сущности и задачах государства; это борьба была только более обострившейся стадией борьбы короля с парламентом. В этом заключается одно из величайших различий между английской и французской революциями. Последней предшествовало радикальное исследование и подкапывание путем литературы оснований государства и общества; первая же лишь впоследствии вызвала возникновение собственной политической и философской литературы. Сочинения итальянских государственных философов, особенно Маккиавелли, шотландца Буханана и голландца Гротиуса, несомненно имели известное влияние

*) «Границы власти короля и администрации». Книга эта написана Мильтоном в 1649 году в защиту судопроизводства над Карлом I.

на наиболее начитанных вождей партий. Однако там, где ссылки на древнее английское право было мало, революционный материал должна была давать, главным образом, библия, и она дала его действительно не мало.

Но так как литература в Англии едва успевала за событиями, то неудивительно, что первое значительное сочинение по государствоведению той эпохи было враждебно революции. Приверженцы революции были слишком заняты обсуждением практических мероприятий и не имели времени подолгу разбираться в социальных и государственных теориях. Они брались за перо лишь для того, чтобы подвергнуть критике или оправдать определенные мероприятия или проекты. Первый написавший чисто теоретическое сочинение о сущности и принципах государства был Т. Гоббс, знаменитый философ государственного абсолютизма.

Это сочинение, появившееся в 1651 году на английском языке,— «Левиафан». Ему в 1642 году предшествовал трактат о «гражданине», основные положения которого повторяются в «Левиафане». Поэтому мы ограничимся рассмотрением изложенной в последнем социальной теории, имевшей такое большое влияние на всю государственно-философскую литературу XVIII века и даже на многих социалистов XIX столетия.

Название «Левиафан» намекает на чудовищную мифическую рыбу, о которой идет речь в книге Иова. Гоббс называет Левиафаном государство или государственную власть *), благодаря которой «война всех против всех», которая иначе свирепствовала бы, принимает правильную форму, и вследствие этого человеку гарантируется безопасное пользование плодами его труда или собственности. Левиафан суверенный повелитель государства (по латыни civitas, по английски commonwealth), и хотя Гоббс высказывается очень решительно за абсолютную монархию, как за наиболее целесообразную форму правления, он заявляет, что теория одинаково применима, идет ли речь об абсолютной суверенности отдельного лица, или целого собрания лиц. Он безусловный противник разделения власти. Суверенные права должны принадлежать определенной личности или корпорации. Для Гоббса вся суть в порядке; его можно было бы назвать философом порядка во что бы то ни стало. У него все подчинено суверенной власти государства, в такой степени, что после реставрации, его, безусловного сторонника государственной церкви, епископы последней обвиняли в неуважении к богу. Не потому, чтобы он отрицал бога,—несмотря на весь свой материализм, он безусловно настаивал на существовании бога **),—но потому, что он отрицал всякое право церкви по отношению к государству***), а это, с точки зрения епи-

*) Вот полное заглавие сочинения: «Левиафан или материал, форма и сфера власти церковного и гражданского государства».

**) Так он говорит напр., что называть бога миром или душой мира, значит отрицать его и выражаться о нем непочтительно. Если бог мир, то он не может быть причиной мира. Нельзя также называть мир бесконечным. Что не имеет начала, то не было бы также создано и не имеет следовательно своей причиной бога. Трудно, конечно, предположить, чтобы от такого проницательного в этих вещах и проникнутого естественно-научными принципами мыслителя, могла ускользнуть нелепость этой аргументации. Таким образом все снова приводит к заключению, что Гоббс придерживался в своих сочинениях религии лишь потому, что ее «следовало сохранить народу», и что он, наоборот, должен был делать следующий вывод: так как мир бесконечен, то нет места для бога вне мира. С этим вполне согласовался бы его взгляд на священников, как на простых чиновников гражданского государства.

***) В дневнике Самуила Пепи, под 3 сентября 1668 года сказано: «Ходил сегодня к моему книгопродавцу за «Левиафаном» Гоббса, на который теперь громадный спрос; за один экземпляр, стоивший до сих пор восемь шиллингов, я теперь, получая его уже из вторых рук, плачу двадцать четыре шиллинга. За него платят даже тридцать шиллингов, потому что это книга, которую епископы не хотят позволить выпустить вторым изданием».

скопов, было, конечно, гораздо хуже. Последовательный теоретик государственного абсолютизма на время сумел даже навлечь на себя вражду своего царственного ученика Карла Стюарта, впоследствии Карла II, потому что он выводил абсолютную власть королей не прямо от бога, но обосновывал ее чисто утилитаристическим путем. Королевская власть по Гоббсу лишь постольку исходит от бога, поскольку она вытекает из природы вещей, созданных богом, и представляет собой наиболее благоприятный исход из того состояния, когда люди представлены самим себе, когда «homo homini lupus est».

Абсолютная государственная власть у Гоббса основывается первоначально либо на подчинении завоевателю, либо на договоре. В том и в другом случае перенесение власти происходит из страха. В первом случае из страха перед завоевателем, во втором из страха перед дурными наклонностями людей, от которых должен защитить правитель. В обоих случаях раз переданная или признанная власть не может быть отнята, она раз навсегда принадлежит суверену, и последний может только добровольно отказаться от нее, но она не может быть потеряна им юридически. Лишь в том случае, если он окажется неспособным следить за соблюдением законов и защищать страну, прекращается обязанность подчиняться ему.

Каждым правом, которым отдельная личность пользуется на законном основании, она обязана суверену, ни у кого нет никаких прав против суверена. Так называемое естественное право действует только в отношениях стоящих вне гражданского права и не может быть противопоставляемо последнему. Собственность существует только благодаря гражданскому праву; в естественном состоянии все имеют одинаковые права на все; каждое отдельное лицо, каждая группа лиц обладает лишь тем, чем они завладели благодаря хитрости или насилию. «Существующее в настоящее время неравенство введено гражданскими законами (стр. 76 изд. Morley). «Распределение этих средств пропитания (земли, привилегий промышленности и торговли) установляет «мое, твое, его», т.-е., одним словом, собственность, и во всех государствах, с каким бы то ни было устройством, оно подчинено суверенной власти»... «Отсюда мы можем сделать вывод, что собственность каждого подданного на его землю выражается в праве не допускать всех других подданных к пользованию этой землей, но не в праве не допускать к пользованию ею своего суверена, кто бы он ни был—коллегиальное учреждение или монарх» (l. c., стр. 116).

Можно было бы присоединить к этим положениям о собственности еще многие другие, подобные им, заключающиеся в «Левиафане», и не нужно подробных комментариев, чтобы доказать, как легко из этих положений сделать выводы в духе социализма. Однако Гоббс, несмотря на свои добрые намерения, был очень далек от каких бы то ни было выводов в социалистическом духе. Идеи его имели совсем другое направление. Но он был так же далек от чистых умозрений; его выводы, наоборот, несмотря на абстрактную формулировку, имеют очень конкретный смысл и относятся к политической борьбе его эпохи. Это явствует из 29 главы книги Гоббса, где он говорит о причинах распадения государств. Там идет речь обо всех огорчениях приверженцев королевской власти *).

*) Между прочим об огорчении по поводу «безмерной величины города, который, благодаря этому, в состоянии собрать из числа своих жителей и собственными средствами целую армию»,—что, как мы видели, Лондон сделал в 1642 году. Далее следует огорчение, вызываемое «правом людей, считающих себя умными политиками, полемизировать против абсолютной власти. Люди эти, хотя и выросшие большею частью в низших слоях народа, воодушевлены ошибочными теориями, постоянно колеблют основные законы и становятся в тягость государству» (стр. 152).

и между прочим говорится, как о большом зле, как о «болезни» государства, о трудности, с которой сопряжено взимание денег для целей государства, особенно, когда приближается война. «Эти затруднения,—говорится далее,—возникают, благодаря установившемуся мнению, что каждый подданный обладает правом собственности на свои земли и богатства, исключающим право суверена пользоваться ими». Такова сокровенная причина слез, проливаемых добряком Гоббсом по поводу теории святости частной собственности. Называя далее накопление больших сумм денег в руках немногих, благодаря откупам и монополиям, болезнью государства, и сравнивая эту болезнь с плевритом у человека, Гоббс оригинален лишь в этом сравнении, вообще же он опять говорит только о д е н ь г а х как о «крови» социального организма, а не о накоплении какого бы то ни было имущества,—против крупного землевладения он ничего не имеет.

Однако нельзя безнаказанно возводить чисто практические вопросы на степень теоретических аксиом, поэтому master Hobbs (Hobbes—латинская орфография) после смерти прослыл социалистом и утопистом *). Действительно, стоит только заменить абсолютного монарха или абсолютное коллегиальное правительство абсолютным суверенитетом народа, и тогда, благодаря приведенным выше положениям, окажутся на лицо все необходимые для радикального преобразования общества условия. Однако Гоббс, несмотря на свой материализм, является утопистом также и как теоретик монархического абсолютизма, ибо обосновывает его на «правах», не имеющих под собой почвы. Правда, в одном месте (стр. 88) он говорит, что суверен может передать многие из своих прав и все-таки остаться патроном, если он только сохранит за собой вооруженную силу, право взимать деньги и определять, какие учения могут быть распространяемы; но каким образом и при каких обстоятельствах это возможно, об этом Гобсс не говорит ничего. Наоборот, он здесь же приписывает причину гражданской войны распространению «м н е н и я» (opinion), будто эти полномочия распределены между королем, лордами и палатой общин. Не будь это мнение так распространено, «народ никогда не раскололся бы на партии».

Из всех возражений, вызванных «Левиафаном» со стороны современников Гоббса, несомненно самым замечательным и единственным, представляющим для нас интерес, является «Оцеана» Джемса Гаррингтона. Гаррингтона, также как и Гоббса, нельзя назвать социалистом, но его литературная деятельность имела большое и можно даже сказать законное влияние на развитие социалистических идей. Мы даже увидим ниже, что несомненный буржуа по убеждениям, Гаррингтон имеет больше прав на место в истории социализма, чем многие другие стряпавшие социалистические «государства будущего».

Прежде всего считаем нужным сказать несколько слов о личности Джемса Гаррингтона. Он родился в 1611 году, происходил из очень состоятельной и видной семьи Рутландшира, связанной узами родства со многими представителями высшего дворянства. В молодости Гаррингтон отличался крайней любознательностью, а своей серьезностью внушал своим родителям больше уважения, чем они ему. В зрелом же возрасте он отличался, наоборот, жизнерадостным веселым темпераментом и блестящим остроумием. Проучившись несколько лет в Оксфордском университете, он, для расширения своих познаний путем непосредственных наблюдений, путешествовал по Голландии, Дании, Германии, Франции и Италии. В последней на него особенно сильное впечатление произвела венециан-

*) Утопистом его называл между прочим M. R. Reybaud.

ская республика и ее устройство. Возвратившись в Англию, где между тем умер его отец, он посвятил себя воспитанию своих родных и сводных сестер и братьев, продолжая в то же время учиться и управлять своими имениями. Он славился чрезвычайной щедростью. Когда друзья убеждали его ничего не дарить неблагодарным, он, говорят, возражал им, что у них души ростовщиков, если они за подарки требуют такой огромной платы, как благодарность.

В Гааге Гаррингтон, благодаря своему родственнику, попал ко двору сестры Карла I, Елизаветы, жены бежавшего богемского короля. В Англии он тоже часто бывал при дворе, но не старался занять там никакой должности. Такие чисто личные отношения содействовали вероятно тому, что он не особенно выделился в борьбе между королем и парламентом, хотя принципиально он был очень склонен к парламентской партии и открыто высказывал это. Когда Карл I в 1647 году, после своего ареста, по постановлению парламента был заключен в Гольденби, Гаррингтону и некоему Томасу Герберту было разрешено иметь с ним постоянное общение. На острове Уайте в числе лиц, окружавших Карла, был также Гаррингтон. Карл особенно любил беседовать с последним, пока разговор не касался монархии или республики, так как Гаррингтон не скрывал своей симпатии к последней. Когда Карл был перевезен наконец в Виндзор, Гаррингтон был разлучен с ним и арестован, так как отказался клятвенно обещать, что он будет доносить о попытках короля бежать и станет препятствовать этим попыткам. Впрочем, влиятельный Айртон вскоре добился его освобождения, и Гаррингтон еще несколько раз посетил Карла в Сен-Джемсе и проводил его на эшафот.

После казни короля Гаррингтон надолго совершенно замкнулся в стенах своего кабинета. Насильственная смерть короля, которого он, как человека, высоко ценил, сильно потрясла его, но она не могла заставить его сделаться врагом республики. Он, наоборот, в уединении решил написать сочинение, которое по его мнению должно было указать партиям выход из треволнений данного времени. Это сочинение — «Оцеана». Прежде чем отдать ее в печать, Гаррингтон показал ее некоторым своим знакомым, между прочим уже известному нам майору Уайльдману, и прочел им некоторые отрывки из нее. Когда он наконец отдал «Оцеану» в печать, она была конфискована у типографа и перевезена в Уайт-Галь. Конфисковали ее потому, что правительству было донесено о заключающихся в ней ужасах. Несмотря на все старания, Гаррингтон не мог добиться ее возвращения, пока наконец любимой дочери Кромвеля, леди Бриджет Клейполь, удалось упросить всемогущего диктатора, чтобы он распорядился выдать сочинение автору. Говорят, будто Кромвель впоследствии, когда «Оцеана» появилась с посвящением ему, сказал, что он видит, что автор хотел бы заставить его покинуть свое влиятельное положение, но что он из-за нескольких листов бумаги не откажется от того, чего добился при помощи меча. Он-де сам, больше чем кто бы то ни было, противник единоличного правления, но он был вынужден взять на себя роль верховного правителя (Constadle), когда оказалось, что партии в стране иначе никогда не придут к соглашению насчет формы правления.

«Оцеана» появилась в 1656 году и тотчас же вызвала против себя ряд возражений, исходивших почти исключительно от теологов. Гаррингтон не оставался в долгу перед своими противниками и его полемические сочинения, хотя и несколько растянутые, обнаружили в нем основательно начитанного и остроумного диалектика. Важнейшим из этих полемических сочинений является «The Prerogaitve of Popular Government», первая часть которого направлена против «Considera-

tions upon Oceana» Матью Врена (сына епископа элийского), а вторая против некоторых теологов, по поводу избирательных систем в древности и в первых церковных общинах. На появившееся в 1659 году возражение Врена «За монархию», Гаррингтон ответил небольшим насмешливым призведением «The Politicaster». Очень кратким и полным иронии был далее его ответ на сочинение «The boly Commonwealth», которое набожный и многоречивый пуританин Ричард Бакстер противопоставил изображенному в «Оцеане» «языческому» государству *). По желанию друзей, Гаррингтон, в 1659 году, издал сокращенное изложение заключающихся в «Оцеане» принципов под заглавием «The art of Law-giving», а затем изложенную по пунктам «Systems of Politics», представляющую собой еще более сокращенную передачу «Оцеаны». Из остальных сочинений Гаррингтона достойно внимания собрание политических афоризмов, диалог, в котором диалектически развиваются принципы «Оцеаны», и трактат «Семь образцов государственного устройства из древней и новейшей истории».

В 1659 году Гаррингтон учредил клуб для пропаганды и выяснения своих проектов; по принципу круговых выборов, играющему в идеальном государстве Гаррингтона выдающуюся роль, клуб этот получил название «The Rota». В числе его членов были наиболее передовые демократы того времени и многие писатели, пользовавшиеся известностью. Кроме Джона Уайльдмана, «левеллера» Максимилиана Петти и получившего впоследствии столь большую известность Вильяма Петти, которых мы уже выше упоминали в числе членов клуба, к нему принадлежали республиканец Генри Невиль, автор «Plato Redivivus», приверженец пятого царствия майор Веннер и известный ученик Мильтона Скиннер **). Заседания были очень многолюдны, а о прениях, которые велись в клубе по поводу различных форм правления даже враждебный республиканцам Антоний Вуд говорит в своем «Athenae Oxonienses», что они «были наиболее остроумными и тонкими, какие когда либо приходилось слышать. Аргументация в парламенте в сравнении с ними казалась безусловно плоской». Лишь очень немногие члены парламента были одновременно членами клуба «The Rota», большинство и слышать не хотело о круговом принципе. Когда генерал Монк в феврале 1660 года вновь призвал исключенных роялистских членов долгого парламента и таким образом начал реставрацию, клуб, тенденции которого в данный момент не могли быть осуществлены—распался.

---

*) Гаррингтон для своей эпохи действительно был «язычником». В Оксфорде он был учеником чрезвычайно терпимого богослова Шилингворта, а впоследствии он являлся представителем самой безусловной терпимости в религиозных вопросах. В своей истории рационализма В. Г. Лекки называет Гаррингтона, Мильтона и Д. Тайлора наиболее выдающимися писателями той эпохи, защищавшими терпимость, последние с религиозной, первый—с политической точки зрения. «Надо признать, что из всех трех политик обладал самой широкой точкой зрения; он очень ясно понимал, что политическая свобода не может существовать без безусловной религиозной свободы, и что религиозная свобода заключается не в одной только терпимости, но в полном устранении всех религиозных стеснений. В этом отношени он ушел дальше всех своих современников и предвосхитил теории девятнадцатого столетия (т. II, стр. 60 немецкого издания).

**) Сам Мильтон не был сторонником кругового принципа; он считал его непрактичным и даже опасным для данного момента. «Это колесо может оказаться колесом принципов»—писал он во втором издании своего «The ready and aesy wau to establish a free commonwealth». Необходимые в данный момент люди могут быть, по его словам, заменены людьми неспособными. Это сочинение Мильтона вызвало со стороны партии короля юмористическое возражение. «The Censure of the Rota upon Mr. Milton's book, etc. etc». Оно заключает в себе якобы отчет о заседании клуба «The Rota», на котором рассматривалась книга Мильтона. Это возражение напечатано в «Harleian Miscellanies».

Реставрированной монархии Гаррингтон казался «подозрительным» человеком, и в конце декабря 1661 года друг Карла I, сопровождавший его на эшафот, вдруг был арестован без об'яснения причин и посажен в Тоуэр в строгое заключение. Лишь после долгих ходатайств его сестер, его подвергли допросу, причем оказалось, что он арестован по доносу, будто он принимал участие в тайных собраниях представителей всех секций республиканской партии, на которых обсуждались пути к насильственному восстановлению республики и был выработан целый план для достижения этой цели. Дело однако так и кончилось допросом; все заявления Гаррингтона, требовавшего суда, чтобы иметь возможность доказать свою невинность, были безрезультатны. Когда он, наконец, через одну из своих сестер, потребовал судебного распоряжения об аресте, его, после тяжелого полугодового предварительного заключения очень поспешно и тайно увезли и заключили на совершенно необитаемом скалистом острове Сен-Никлас, против Плимута. Лишь когда он заболел там скорбутом, ему, под высокий залог (5.000 фунтов стерлингов), разрешили жить в Плимутской крепости. Там он попал в руки шарлатану врачу, едва не убившему его лошадиными дозами всевозможных лекарств. К счастью сестры, в последний момент добились от короля приказа об освобождении Гаррингтона, и последний, посетив различные купальные курорты, вернулся в Лондон, где жил до 1677 года; впрочем совершенно оправиться он уже не мог. Уже в Плимуте говорили, что рассудок его пострадал от болезни, и в Лондоне также, несмотря на то, что он рассуждал вполне логично, на него смотрели как на душевно-больного, благодаря его замечаниям о природе его болезни и о законах природы вообще. Возможно, что он в самом деле страдал галлюцинациями, но возможно также, что окружающие просто не понимали его и принимали в буквальном смысле его манеру выражаться фигурально. Среди оставленных документов нашлось начало трактата о «Механике природы»; в нем он на примере своей собственной болезни хочет доказать верность сделанных им во время болезни наблюдений. В этом трактате заключаются очень фантастические предположения, какие при недостаточном знакомстве с природою в то время должен был сделать каждый, кто желал дать цельную картину «самосозидающей» природы. В общем же трактат отличается такой стройностью и законченностью, что мысль о безумии его автора совершенно не может иметь места. Его первая часть заключает в себе многие положения, изобличающие очень острый ум. Приведем здесь несколько выдержек оттуда.

«Природа—это «да будет», это дыхание и во всей сфере ее деятельности истинное слово божие. Природа—дух, тот же дух божий, который вначале носился над водами; она его пластическая сила, «dynamis» или «diaplasike», «energia zotike». Она есть провидение божие в его господстве над делами сего мира, между прочим и то провидение, о котором сказано, что без него даже и воробей не погибнет. Природа непогрешима... но она ограничена и не может пойти дальше материи, поэтому от нее нельзя ждать чуда... Природа не только дух, но она также снабжена или вернее снабжает себя бесчисленным множеством служебных духов, при помощи которых она воздействует на всю вообще материю — вселенную, или на отдельные части — тела людей. Эти служебные духи — определенные эфирные частицы невидимо смешанные с элементарной материей; они действуют обыкновенно незаметно или неощутимо и могут (!) быть названы животными духами... Животные духи, встречаются ли они во вселенной или в теле человека, бывают добрыми или злыми, сообразно с материей, в которой и из которой

они созданы. Добрый для одного создания дух является злым для другого, подобно тому как пища некоторых животных является ядом для людей... Ничто в природе не уничтожается и не теряется и поэтому все что выдыхается («транспирируется»), принимается духами вселенной и используется каким бы то ни было образом».

Если оставить в стороне выражение «дух», то придется признать, что Гаррингтон был настолько близок к материалистическому миросозерцанию, насколько это было вообще возможно в ту эпоху. Даже наиболее таинственное и фантастическое положение трактата Гаррингтона имеет безусловно материалистический смысл, и Гаррингтон в своем введении совершенно определенно говорит, что он желает, оставив в стороне все книги и теории, описывать природу в том же виде, в каком она «впервые представилась моим чувствам, а через чувства и моему разуму». Это положение гласит. «Животные духи при своем распространении обыкновенно вытягиваются в различные фигуры, соответствующие рукам и пальцам, при помощи которых они, в процессе дыхания («транспирации»), перерабатывают материю, подобно тому как освобождают ее в организме после ее поглощения, а именно механическим путем (by manufacture»); ибо эти безусловно механические действия и настоящий физический труд, как тот, который производится в наших мастерских и работных домах».

Подобно тому, как Гаррингтон сравнивает здесь «животные духи» с руками и пальцами, так он, повидимому, в беседе с окружающими, пользовался иногда еще более картинными аналогиями, при чем не всегда выражался настолько ясно, чтобы слушатели могли принимать аналогии именно как таковые только. Отсюда рассказы, будто он называл летающих вокруг него мух и пчел выделениями своего мозга, будто он говорил, что его посещают ангелы и диаволы, и т. д. В трактате нет никаких намеков на такие галлюцинации; единственный раз, когда в нем упоминаются понятия «ангельский и диавольский», они прилагаются к действиям охарактеризованных выше животных духов и об'ясняются ими. Словом, о безумии Гаррингтона из этого трактата нельзя сделать никаких выводов.

Вот все, что мы хотели сказать об авторе «Оцеаны». Обратимся теперь к самому сочинению и к позднейшим его переделкам.

Уже самое заглавие показывает, что «Оцеана» есть плод фантазии, описание не какого-либо существенного государства, но государства, каким оно должно быть. Следовательно в этом отношении ее надо отнести к числу утопий. И все же в ней нет ничего утопического, кроме уверенности Гаррингтона, что стоит только надлежащим образом устроить государство, и оно на веки останется в таком же состоянии, пока существование его или равновесие не будет нарушено в н е ш н е ю силой. Вообще же, именно понимание истории составляет наиболее замечательную черту Гаррингтона, ибо этим пониманием он сделал весьма важный шаг к историческому материализму, и хотя «Оцеана» изображает государство не таким, каково оно в действительности, все же предпосылки данного ее изображения взяты из д е й с т в и т е л ь н о с т и и выводы ее сделаны на основании д а н н ы х у с л о в и й.

Государство Оцеаны,—это Англия, Англия какою ее знал Гаррингтон и его современники. Гаррингтон не только не старается скрыть это, но наоборот, стремится внушить это читателям. Оценка была рассчитана на немедленное практическое осуществление: все имена в ней взяты с греческого или латинского языков и составлены так, чтобы как можно яснее охарактеризовать лица или предметы, которые они обозначают. Так, напр., название самой Англии—Оцеана. Лондон Гаррингтон назы-

вает Emporium. Вестминстер (в виду того, что это аббатство)—Hiera; Вестминстер-Галь—Panteon.Король Иоанн назван Adoxus (бесславный), Генрих VII Panurgus (хитрый), Елизавета—Parthenia (девственная), Иаков I—Morpheus (бог сна или непостоянный), Бакон—Verulamius, Гоббс—Leviathan, Оливер Кромвель Olpheus Megaletor (победоносный и великодушный) и т. д.

Книга «Оцеана» распадается на 4 отдела. В первом говорится о различных формах правления или государства, во втором—о наиболее целесообразном способе учредить республику, в третьем—о примере основанной на надлежащих принципах республики, т.-е. об Оцеане (Англии, превращенной в такую республику), в четвертом же излагаются предполагаемые результаты превращения Англии в республику по образцу Оцеаны.

Республика преполагается смешанно-буржуазная; из ее учреждений «Rota» и Ballot» (круговые выборы и голосование шарами) собственно наименее существенны, хотя Гаррингтон с особенною любовью останавливается на них. Он наблюдал их в действии в Венеции, и венецианское государственное устройство, вполне приспособленное к условиям этой республики, казалось ему чуть ли не совершенством. Но так как он прекрасно сознавал различие материальных основ венецианской республики и британского государства *), то он должен был бы также понимать, что для Англии можно было в конце концов отыскать и другие средства предупредить олигархию, помимо голосования шарами и круговых выборов адриатической республики. Впрочем им, повидимому, овладела мысль предлагать повсюду лишь такие мероприятия, пригодность которых уже обнуружилась в другом месте, для которых имелись прецеденты, и быть может не его вина, что о его «Rota» писали гораздо больше, чем, напр. об его «аграрном законе».

Этот, как он его называл «Agrarian», должен был представлять собой дальнейшую и при том наиболее существенную гарантию против возвращения к монархическому или феодальному строю. По этому закону никто не должен был владеть землей, дающей более двух тысяч фунтов стерлингов годового дохода. Если же кто либо, при введении этого закона, имел земли больше, он лишался права передать ее по наследству отдельному лицу. Таким образом, согласно его оценки доходности земли в тогдашней Англии, земля должна была распределиться во всяком случае не меньше, чем между 5.000 владельцев, благодаря чему была бы немыслима олигархия и опирающаяся на нее монархия. Впрочем до такой концентрации дело, по мнению Гаррингтона, никогда не дойдет. Он, наоборот, рассчитывает на перевес мелкого землевладения над крупным, полагая, что первое будет относиться ко второму, по крайней мере, как 3 к 1. Этим самым, по его мнению, в п р и н ц и п е уже дан демократический характер устройства, ибо government follows property— «г о с п о д с т в о с о о б р а з у е т с я, с с о б с т в е н н о с т ь ю», или как мы сказали бы в настоящее время, политическое устройство всюду соответствует распределению собственности.

---

*) Уже во введении, указав на Венецию, как на пример того, что островное положение чрезвычайно благоприятно для республики, Гаррингтон говорит: «и все же она, благодаря недостатку места и недостатку собственного оружия (т. е. воинов), никогда не может сделаться чем либо большим, чем приспособленное для самосохранения государство, между тем, как Англия, превращенная в подобное же государство (республику), будет способною к расширению страною, опирающеюся на самые могущественные основы, какие когда-либо видел мир. Море дает закон роста Венеции, но растущая Оцеана дает законы морю». Отметим здесь кстати, что в этих словах Гаррингтон предвосхитил британский народный и „Rule Britannia“.

Такова основная мысль, красной нитью проходящая через все сочинение Гаррингтона, которую он всюду прослеживает в истории и на основании которой он дает весьма меткие об'яснения исторических явлений, а подчас даже во истину гениальные предсказания. Принимая во внимание тогдашнюю структуру Англии, нечего удивляться тому, что Гаррингтон видит центр тяжести в собственности на землю. Собственность на деньги и движимое имущество, по его мнению, не имеет значения, ибо «она имеет крылья», а это было безусловно верно в ту эпоху, когда крупный купец был еще «merchant adventurer» и когда мануфактура находилась еще в первых стадиях своего развития. Гаррингтон говорит, что попытка основать аристократическое правление на одной только денежной собственности, редко или никогда не имела успеха. Только в тех государствах, где население живет главным образом торговлей, как напр. в Венеции или Голландии, распределение денежной собственности может иметь такое же значение, как в других местах распределение собственности на землю.

Из развития земельной собственности при Тюдорах, Гаррингтон об'ясняет неизбежность политической революции в Англии. Он описывает, как Генрих VII путем распущения дружин, изменения законов о передаче земли, а также путем издания законов, благоприятствующих возникновению независимого крестьянства, ослабил феодальное землевладение и увеличил землевладение «народа», т. е. буржуазных классов, и таким образом сам взрастил ту силу, которая в конце концов должна была сделаться опасной для престола. Он рассказывает, как Генрих VIII разрушением монастырей способствовал этому процессу и доставил «народной промышленности» такую богатую «добычу», что уже при Елизавете взаимоотношение сил настолько изменилось, что мудрому совету королевы можно было совсем почти игнорировать дворянство; как, наконец, для полного падения королевской власти было уже сделано все, когда народ понял тайну своего могущества, доселе ему неведомую. И тогда то «королю, настолько упрямому в спорах, насколько была слаба королевская власть, духовенство дало толчек к действиям, стоившим ему жизни».

«Ибо палата лордов, одна только устоявшая до сих пор, распалась и отделила короля от народа, показав таким образом, что Красс умер, и что Истмийский перешеек прорван. Но королевство, лишившееся дворянства, может иметь одно только прибежище на земле—армию; поэтому распадение правительства (т. е. элементов, на которые опиралось правительство) повело к гражданской войне, а не гражданская война к распадению правительства (стр. 60, 61).

Восстановление королевства Гаррингтон считал невозможным иначе, как при новом изменении имущественных отношений. Премудрые критики, например, старший Дизраели *), издевались над этим утверждением и указывали на то, что уже четыре года спустя после появления «Оцеаны» все-таки монархия была реставрирована. Но это доказывает только, как плохо они поняли Гаррингтона. Он утверждал только невозможность вновь упразднить политическое господство буржуазных классов, в том числе обуржуазившееся землевладение, иначе, как путем существенного изменения имущественных отношений, и история доказала справедливость этого утверждения. Гаррингтон очень хорошо знал, что существуют смешанные формы правления и привел целый ряд примеров этому из истории. Но он каждый раз старался найти и установить, в каком именно элементе правительства лежал центр тяжести, и сообразно с этим определял его характер. Он не мог предвидеть появления урода, именуемого

*) Исаак Дизраели, отец Дизраели Биконсфильда, в «Amenities of Literature»

парламентской монархией, но появление последнего является торжеством теории Гаррингтона, а не опровержением ее *).

Неудача, которую потерпели Стюарты в своей политике, стремившейся восстановить абсолютную монархию, доказала справедливость того, что Гаррингтон приводил, как возражение Гоббсу.

«Вы хотите основать королевство,—писал он,—но каким бы оно ни было новым, если вы не можете устроить его, как Левиафан, при помощи одной только геометрии (ибо можно ли назвать иначе ни чем не обоснованное требование, чтобы каждый жертвовал своей волей воле монарха?), оно все-таки будет покоиться на старых принципах, т.-е. либо на существовании могущественного дворянства, либо на существовании поселенной армии, а это возможно лишь при условии соответственного перемещения собственности» («Оцеана», стр. 61). Слова, относящиеся к армии, следует понимать в том смысле, что армия должна состоять из другого племени, и что земля, на которой она поселилась, принадлежит монарху, примером чего могут служить мамелюки в Египте. Гоббс, между прочим, насмешливо относится к «договорному государству», как его понимали республиканцы, и утверждает, что закон существует лишь благодаря силе меча, что без нее он просто лист бумаги. На это Гаррингтон отвечает «он (Левиафан) мог бы сделать и дальнейший вывод,—что меч без руки, которая владеет им, просто кусок холодного железа. Рука, владеющая мечом, это национальная милиция... армия же животное, которое имеет большой желудок и требует пищи, поэтому мы снова приходим к вопросу, какое у вас пастбище? а ваше пастбище, в свою очередь, зависит от распределения собственности, без которой общественная власть—простое название или игрушка» (стр. 10). Словом, тот, кто имеет средства доставлять этому животному с большим желудком пастбище подобно тому, как султан содержит своих тимариотов, тот может смеяться над договорным государством. Но когда пастбищем является обремененное арендаторами и крепостными дворянское (феодальное) землевладение, «то королю, при таком положении вещей, невозможно править иначе, как на основании договора, если же он нарушит договор, ему придется тяжело поплатиться за это» (стр. 20, 21).

Гаррингтон является противником исключительно Гоббса—политика; к философу Гоббсу он питает величайшее уважение. Правда,—говорит он в «The Prerogative of Popular Governement»,—я опровергал политические учения господина Гоббса с таким же пренебрежением, с каким он сам нападал на политические учения величайших авторов... Тем не менее я твердо убежден, что Гоббс в большинстве других вопросов в настоящее время является величайшим писателем всего мира, и что в будущем на него будут смотреть, как на такового. Что же касается в частности его трактатов о природе человека, то они являются величайшими из новейших откровений. Я следовал и буду следовать им» (l. c. edit. Toland, стр. 259).

Однако он идет дальше Гоббса и применяет его определение воли к истории. Закон есть продукт воли,—пишет он в «The Prerogative», но воля действует не без побудительной причины, а побудительной причиной воли является выгода (I. с. стр. 241). Поэтому смешно говорить о какой нибудь форме правления или государственного устройства, что она наиболее естественная. «Правительство—это слово употребляется всегда

*) «При современном состоянии Англии,—писал он в 1659 году,—приверженцы республики могут быть побеждены, благодаря недостатку искусства (умения вести свое дело). Но роялисты должны быть побеждены, благодаря отсутствию реальной почвы под ними. Первые могут не достигнуть цели по неспособности, последние должны не достигнуть ее благодаря невозможности» (стр. 540, изд. Толандом собрания важнейших сочинений Гаррингтона, 1737 г.).

в самом широком значении в смысле государственного устройства,—будет одинаково искусственным, все равно является ли оно в демократической форме или монархической, следовательно, для того, чтобы знать, какое из них естественнее, мы должны исследовать, которое из этих произведений искусства ближе к природе». Возьмем, например, дом и корабль; первый является естественным на земле, второй—на море. «Все правительства одинаково искусственны в своей деятельности или по существу и одинаково естественны по отношению к причинам или к реальным основаниям, на которых они покоятся».

С величайшим уважением Гаррингтон говорит о Макиавелли. Последний кажется ему «достойным удивления» «царем политических писателей» *). Тем не менее он совершенно не зависит от него в духовном отношении и нередко вносит очень удачные поправки к нему. «Испорченный народ,—говорит Макиавелли,—неспособен к республиканскому правлению. Но когда Макиавелли начинает излагать, что значит испорченный народ, он запутывается. И я не вижу иного выхода из созданного им лабиринта, кроме утверждения, что раз распределение собственности изменилось, народ по необходимости д о л ж е н сделаться испорченным с точки зрения прежней формы правления. Н о и с п о р ч е н н о с т ь в э т о м с м ы с л е и м е е т т о л ь к о т а к о е ж е з н а ч е н и е, к а к в т е л а х п р и р о д ы, и б о г и б е л ь о д н о й ф о р м ы п р а в л е н и я з н а м е н у е т р о ж д е н и е н о в о й. Поэтому, если распределение собственности идет от монархии, то испорченность народа в данном случае делает его пригодным для республики. Но так как я знаю, что Макиавелли подразумевает испорченность нравов, то я добавляю, что последняя также зависит от изменения в распределении собственности... Там, где распределение собственности теряет свой демократический характер и становится олигархическим и монархическим, общее благо, а также связанные с ним разум и справедливость уступают свое место частным интересам. Воздержность сменяется роскошью, свобода рабством... Но процесс распределения собственности в Англии совершается в обратном порядке, чем в Риме. Поэтому нравы народа не испортились, но наоборот, сделались достойными республики» («Оцеана», стр. 64, 65). Раскрытие революционного значения испорченности представляет собой немаловажную заслугу.

Мы могли бы цитировать еще многие места, которые показывают, что Гаррингтон был настолько близок к историческому материализму, насколько вообще можно было быть близким к нему в XVII столетии. Когда он, напр., говорит только о с о б с т в е н н о с т и, как об основе политических и прочих учреждений, которые являются надстройками ее, то он понимает собственность отнюдь не в узком смысле. «Промышленность,—

*) «Человек может пойти на смерть или на погибель для спасения нации, но ни одна нация не пойдет на смерть или погибель для того, чтобы спасти человечество. Макиавелли пользуется дурной славой, ибо он сказал, что в том случае, когда надо спасти государство или сохранить свободу, не следует разбирать справедливо ли или несправедливо, милосердно или жестоко, благородно или позорно приходится поступать. Выраженное в такой форме утверждение кажется очень грубым, но воображать, что нация, благодаря данному ею обещанию или заключенному договору скорее обречет себя на смерть или погибель, чем при отсутствии этих условий, это значит обнаруживать не здравомыслие, но глупость».

«На испорченность правительства у Макиавелли следует смотреть так же, как на болезни человеческого тела у Гиппократа. И Гиппократ, и Макиавелли не создавали ни болезней человеческого тела, ни испорченности правительств; и то, и другое существовало до их появления на свет; и когда мы видим, что Гиппократ и Макиавелли только открыли их природу, то мы должны признать, что их действия были направлены не на увеличение, но на уврачевание (тех зол). Такова истина об этих двух писателях» (Гаррингтон, «A System of Politics, edit. Toland» стр. 509, 514).

говорит он в «Systems of Politics»,—является, более чем что бы то ни было другое областью накопления, а накопление более чем что бы то ни было другое ненавидит уравнительные тенденции». А так как «доходы народа находятся в зависимости от доходов промышленности», то совсем исключается опасность, что народ примется за насильственное уравнение (levelling). Это было безусловно верно в то время, когда писал Гаррингтон. Последний считает существование джентри, т.-е. класса состоятельных собственников, не только безопасным, но даже полезным для демократии, если только большая часть земли останется в руках крестьян. Такой взгляд, в то время когда он писал, также имел достаточные основания. Все усовершенствования в обработке земли получали начало в больших имениях. В «Оцеане» Гаррингтон говорит, что наибольшей славы был бы достоин тот, кто нашел бы средство положить конец повышению арендной платы вследствие конкуренции, не допуская в то же время упадка рационального сельского хозяйства.

Утверждая существование зависимости политического строя от распределения собственности, Гаррингтон понимает, что другие факторы, напр., географическое положение страны, могут воздействовать на политические условия и изменять их. Поэтому-то он думает, что в Англии, благодаря ее островному, защищенному от внешних влияний положению, развитие может итти безусловно сообразно с распределением в ней собственности. Его сотрудник, уже упомянутый выше Генри Невиль, в своем появившемся в 1683 году «PlatoRedivivus», объясняет относительную долговечность императорской власти в тогдашней Германии опасным соседством Франции с одной стороны и постоянно угрожающими турецкими нашествиями с другой, между тем как сам Гаррингтон уже в «The Prerogative» назвал Германскую империю чем-то вроде республики мелких князей, которая «являет собою не особенно хороший пример» (I. c. стр. 382). Тот факт, что Гаррингтон под словом народ разумеет все вообще буржуазные классы, нельзя считать признаком отсталости, тем более, что даже Сен-Симон, уже в начале XIX века, называл все вообще промышленное население как трудящихся, так и работодателей, рабочими. В эпоху Гаррингтона промышленные классы отличались один от другого только размерами своего состояния или своих доходов. Тогда существовали пауперы,, но еще не было класса пролетариев, осужденных на постоянную зависимость. Сообразно с этим и классифицируется население в «Оцеане».

Народ в образцовой республике Гаррингтона разделен на «свободных или граждан и крепостных». К последнему слову в пояснение прибавлено: «пока они остаются таковыми» (while such). «Ибо—говорится далее,—как только они делаются независимыми, т.-е. начинают жить на собственный счет, они становятся свободными или гражданами». По мнению Гаррингтона это установление не нуждается ни в каком обосновании, ибо «состояние (экономической) зависимости, по самому существу своему, несовместимо со свободой или с участием в управлении республикой (Оцеана», стр. 76).

Для нас представляет здесь интерес другое деление населения «Оцеаны», а именно на д в а к л а с с а, с о о б р а з н о с п о л у ч а е м ы м и и м и д о х о д а м и. К первому классу относятся граждане, получающие свыше 100 фунтов стерлингов дохода, ко второму получающие—100 или меньше. Это деление имеет значение для организации з а щ и т ы с т р а н ы; получающие свыше 100 фунтов дохода обязаны служить в кавалерии, получающие же меньше 100 фунтов служат в пехоте. Все мужчины моложе тридцати лет должны служить в полевой армии, достигшие же тридцатилетнего возраста несут гарнизонную службу. В противоположность левеллерам, Гаррингтон не допускает никаких льгот по воинской повинности, только в ее всеобщности он видит

гарантию против возникновения в армии антидемократических тенденций. Он является сторонником всеобщей воинской повинности также и вследствие чисто военных соображений. По его мнению, невыгодно вести войну с маленькой армией. Далее, деление на классы сообразно доходам определяет также деление по отношению к выборам: класс, получающий свыше ста фунтов дохода, выбирает прямо в с е н а т, который состоит из трехсот членов и занимается предложением и обсуждением законов и постановлений.

Вся страна в территориальном отношении разделена на 50 триб. Последние разделены на сотни, а сотни, в свою очередь, на приходы. Все они имеют собственных выборных должностных лиц. Народное представительство («prerogative tribe») состоит из 600 выборных от граждан, имеющих меньше 100 фунтов дохода и из 450 выборных от граждан, имеющих свыше 100 фунтов дохода, так что перевес находится на стороне первых. Это народное представительство имеет и с к л ю ч и т е л ь н о е право р е ш а ю щ е г о г о л о с о в а н и я предложенных законов. Его постановления делаются «законами страны». Если это представительство отвергает только отдельные пункты, то эти пункты возвращаются сенату для пересмотра, а затем уже, в измененном виде, предлагаются народному представительству. Каждый законопроект печатается и вручается народному представительству за шесть недель до голосования, но собрание народных представителей не обсуждает закона, а только г о л о с у е т.

Заставляя каждый из двух классов выбирать своих особых представителей, т.-е. устанавливая в ы б о р ы п о к л а с с а м, Горрингтон вовсе не имеет целью обеспечить представительство более состоятельных, а наоборот, стремится достигнуть того, чтобы менее состоятельные имели перевес. В написанном в октябре 1659 года диалоге «Валерий и Публикола, в котором обсуждаются принципы «Оцеаны», Гаррингтон говорит, что английский парламент, н е с м о т р я на то, что низшие классы пользовались частичным избирательным правом, до тех пор состоял только из представителей более состоятельных классов, и это происходило не только вследствие зависимости от лордов; даже если бы этой зависимости не было, при всеобщих выборах выбирались бы преимущественно более состоятельные люди. Поэтому следует обеспечить в народном представительстве перевес низших классов путем установления выборов по классам *). Вообще же Гаррингтон полагал, что демократия в достаточной степени обеспечена уже тем, что право выборов в сенат было связано с доходом, который не был недостижим для каждого прилежного, дельного члена государства. То обстоятельство, что с достижением такого дохода было связано право занимать известные почетные должности, по мнению Гаррингтона, служило весьма полезным стимулом для поощрения трудолюбия.

Само собою разумеется, что в Оцеане старательно заботились об устройстве школ и технических училищ и вообще о распространении наук, а также о процветании промышленности. Старики и люди неспособные к труду, конечно, также были обеспечены. Мы уже говорили выше, что в Оцеане царила свобода религии; Гаррингтон все снова повторяет, что гражданская свобода невозможна без свободы совести, и наоборот. Этим и об'ясняется, почему сторонники государственной церкви и пресвитериане с одинаковой злобой нападали на него; он любил посмеяться над богословами вообще и особенно над богословским университетом в Оксфорде.

Прежде, чем расстаться с Гаррингтоном, мы хотим привести еще два примера его исторического предвидения. Он в следующих словах предсказывает промышленный перевес Англии над Голландией: «Голландцы

*) Harrington, Edit. Toland, стр. 479, 480.

опередили нас в мануфактуре и торговле, но с течением времени окажется, что народ, обрабатывающий чужестранные продукты, так сказать, только арендует мануфактуру, и что последняя действительно может сделаться наследственным достоянием лишь там, где она стоит на родной почве. Заниматься транспортированием чужих товаров совсем иное дело, чем вывозить на рынок свои собственные продукты. А так как природа одарила эту нацию (Англию), больше чем какую бы то ни было другую, способностями к этим искусствам (торговле и промышленности) и способности эти, по мере роста населения, по необходимости должны развиваться, то в Англии они займут гораздо более прочное положение, чем в Голландии» *).

Господство абсолютизма во Франции XVII века Гаррингтон об'яснял тем обстоятельством, что там, в противовес землевладению аристократии, сильно развито землевладение духовенства, которое всегда становится на сторону монарха, между тем как широкая масса народа живет в такой нищете, что не может принимать участия в политической жизни. Затем он говорит: «Говорят что во Франции существует известная свобода совести; ясно, что пока власть духовенства существует, эта свобода находится в опасности, но если ей удастся низвергнуть власть духовенства, то вместе с нею она низвергнет и абсолютную королевскую власть. Поэтому королевская власть или духовенство, если только они поймут свои истинные интересы, не допустят этого» (Гаррингтон, Edit Toland стр. 506). Спустя 20 лет с небольшим последовала отмена нантского эдикта, но когда народ, т. е. буржуазия окрепла, духовенство, а вместе с ним и абсолютизм, были низвергнуты.

Гаррингтон имел гораздо большее влияние на революционную литературу XVIII столетия, чем обыкновенно принято думать. Им нередко пользовались, не указывая источника. Нас завело бы слишком далеко, если бы мы вздумали приводить здесь примеры этого. Даже на сочинениях Сийэса ясно заметны следы влияния учения Гаррингтона **). То же

---

*) «Оцеапа», стр. 211. Читатели марксовой «Критики некоторых положений политической экономии» помнят, вероятно, примечание (на стр. 28, 29 русск. изд.), где цитируется подобное же изречение Петти. Но Петти писал свои очерки почти полстолетия позже, чем Гаррингтон, от которого он несомненно много позаимствовал.

**) Учрежденное после 18 брюмера (9 ноября 1799 года) консульство Бонапарта, так называемая конституция VIII года, устанавливает два представительных собрания: одно исключительно совещательного характера, другое, имеющее исключительное право решающего голоса,—как в «Оцеане» Гаррингтона, и не подлежит никакому сомнению, что Сийэс, составивший первоначальный проект этой конституции, позаимствовал такое деление у Гаррингтона. Его проект имеет и в других отношениях поразительное сходство с некоторыми учреждениями «Оцеаны»; так, например, он позаимствовал у Гаррингтона его любимую идею круговых выборов. В тех случаях, когда Сийэс отступает от оригинала, это далеко не всегда бывает удачно. У Сийэса решающий голос предоставляется исполнительной власти. Число членов законодательного учреждения уменьшено до трехсот; благодаря этому облегчается влияние на них исполнительной власти. Однако полномочия представителей исполнительной власти стеснены всевозможными ограничениями, и члены как совещательного корпуса—трибуната, так и законодательного, получают мандаты от своих избирателей. Все это Бонапарт велел своим креатурам вычеркнуть; он, еще менее Кромвеля, был расположен уступить листу бумаги то, чего он добился силой меча, но он был хитрее, чем Кромвель, и оставил в проекте все то, что было необходимо для прикрытия полной зависимости законодательных учреждений кажущеюся независимостью их от исполнительной власти. Пародия на «Оцеану» была принята плебисцитом 3.011.700 голосами против 1.562. Согласно этой пародии сенат, состоявший из 60 лиц, выбирал членов трибуната и законодательного корпуса из числа предложенных кандидатов. Члены же сената назначались самим Наполеоном.

самое можно сказать и относительно Сен-Симона. В этом-то смысле не будет преувеличением сказать, что Гаррингтон, разумеется не по своим постулатам, но по своим теоретическим разсуждениям, может быть назван одним из предтечей современного научного социализма.

**
*

XVII столетие в Англии было веком возникновения политической экономии—науки буржуазной промышленности, капитала. Мы уже указывали на то, что большинство писателей-экономистов той эпохи были более или менее резко выраженными представителями протекционизма или меркантилизма. К числу их относится и Гоббс. Так как протекционизм должен был содействовать процветанию промышленных классов, последние же представляли собою «н а р о д», то вполне естественно, что протекционистская литература носит ярко выраженный народнический или демократический характер, что в ней не трудно найти, а при желании даже проследить социалистические тенденции. Мы думаем однако, что указанных нами примеров достаточно. С вопросом, как содействовать развитию промышленности, повсюду связан вопрос: как обеспечим мы своих бедных? и оба они вместе сливаются в третий вопрос: как мы воспитаем своих бедных для сельскохозяйственной промышленной деятельности? П. Чемберлен и целый ряд других писателей-экономистов и филантропов предлагают основать промышленные сельскохозяйственные р а б о ч и е к о л о н и и, которые должны были представлять собой в своем роде образцовые учреждения. По свидетельству д-ра Фр. Эдена в The State of the Poor» уже в конце XVII столетия существовала целая литература проэктов на эту тему, но она не привела ни к каким приктическим результатам, так как отдельные общины не имели ни силы, ни охоты заниматься такими экспериментами, а государство также не имело ни малейшего желания, ни времени заниматься ими. Вместо того государство после реставрации разрешило вопрос о бедных изданием з а к о н а о в о д в о р е н и и— «Laws of parochial settlement», благодаря которому бедным, сверх всех прочих приятностей, пришлось еще выслушивать споры о том, какая община обязана поддерживать их. Однако, историю законодательства о бедных после реставрации и историю первых движений рабочих капиталистической промышленности гораздо удобнее будет изложить в связи с историей развития социальных условий в Англии XVIII столетия. Поэтому мы и ограничимся здесь этим общим указанием.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

КВАКЕРЫ ДО ДЖОНА БЕЛЛЕРСА.

I. Возникновение квакерства и его сущность.

«Воскресший Иоганн Бокольт или английские квакеры—возродившиеся немецкие энтузиасты», таково название сочинения, выпущенного в 1659 году, в Бостоне, неким Джошуа Скоттоном *). Конечно к квакерам оно относится враждебно. В то время, когда самая злостная клевета против побежденных мюнстерцев принималась на веру, без всякой критики, нельзя было отозваться о движении хуже, чем назвав его возрождением Мюнстерского движения. Однако сравнение имело основание. Что тогда восстановило умы против новой секты, то ныне является общепризнанным

*) «Johannes Becoldus redivivus, or: the English Quakers the German Enthusiasts revived». Это тенденциозное извлечение из одного французского сочинения (Гюн де Бреца) о мюнстерских анабаптистах «переведенное на английский язык, для пользы своих сограждан, I. С.» (см. выше).

постольку, поскольку дело идет о духовном происхождении или духовной зависимости квакерства от континентального баптистского движения, т. е. о восприятии «детьми света», квакерами известных этически-религиозных тенденций баптизма *).

В самом деле движение квакеров является прежде всего воскрешением первоначальных тенденций баптистского движения, несознанное его носителями повторение этих тенденций под изменившейся сообразно изменившимся условиям оболочкой. Лоллардизм в Англии, в XIV и XV веках, в религиозном отношении был скорее своеобразной реакцией против алчности и пристрастия к роскоши Рима и римского духовенства, нежели глубоким религиозным движением. А пуританизм, который в XVI и даже еще в начале XVII века представлял собою именно такое движение, постепенно, особенно постольку, поскольку его восприняли имущие классы, опошлился и измельчал в религиозном отношении, благодаря борьбе этих классов с монархическим абсолютизмом. Это очень ясно стало обнаруживаться с того момента, когда пуританство победило Карла I. С одной стороны пресвитериане отталкивали многих своей нетерпимостью и педантическим требованием выполнения внешних формальных церковных обрядов; с другой стороны индепендентские священники, после 1649 года и после мероприятий, направленных против роялистских священников, приобрели репутацию карьеристов, потому что стояли большею частью на стороне достигших власти «грандов», и потому что всевозможные карьеристы стали переходить в индепенденство только для того, чтобы иметь возможность занять освободившиеся священнические вакансии.

Индепенденты и баптисты превратились в признанные, законные церкви и сейчас же начали догматизировать, а при случае и отлучать. Анабаптисты, между тем, раскололись на две секты: «General-Baptists», признававших известную долю свободы за человеческой волей, и Particular-Baptists», строго придерживавшихся кальвинистского учения о предопределении. И те и другие проповедовали крещение через погружение; но существовала масса людей, которых эта религиозная борьба расшевелила, и которых в то же время не удовлетворяла ни одна из существующих сект. Все догматы были поколеблены; одно религиозное направление отвергало другое. Диспуты происходили публично, на улицах и площадях, при участии всей собравшейся публики, вроде того как теперь происходят политические собрания. Последствием этого явилось сильное развитие скептицизма среди массы населения. Многие совсем отвернулись от религии. Судя по отчетам апостолов квакеров, уже к средине пяти-

*) Ср. между прочим цитированное уже раньше сочинение Г. Вейнгартена «Die Revolutionskirchen Englands», где духовное сродство квакеров с немецкими анабаптистами, а также и первоначально революционный характер квакерства трактуются с большим пониманием дела. Последний пункт слишком игнорируется большинством английских сочинений, сочинения же, исходящие от самих квакеров или их друзей, стараются умышленно затушевать все, что может подвергнуть сомнению чисто религиозно-этический характер первоначального движения, или же характеризуют такие явления, как пустые заблуждения отдельных лиц. Но преемственность идей с анабаптистами или, углубляясь еще далее, с вальденсами и их предшественниками, отмечают и они. См. между прочим Robert Barclay в «The Inner Life of the Religious Societies of the Commonvealth» (Лондон 1876 г.) William Tallack в «George Fox, the Friends and the Earlu Baptists» (Лондон 1868 г.), далее W. Beck «The Friends who they are and what theu have done» (Лондон 1893 г.), Таллак очень решительно пишет: «И ни один друг не имеет повода стыдиться своего происхождения от анабаптистов... Даже эти люди из Мюнстера были бунтовщиками против жестокости немецких тиранов, которые, говоря без преувеличений, прямо как дьяволы угнетали душу и тело простого народа. Они были побеждены, и поэтому их называют бунтовщиками. Если бы они победили, люди именовали бы их героями и патриотами. Их восстание было насильственным, потому что их угнетатели были еще гораздо большими насильниками» (стр. 84, 85).

десятых годов этого столетия, в Англии было не мало людей, отрицавших библейскую историю сотворения мира и заявлявших, что все «исходит от природы *). Но в сравнении со всей массой нации, это все же были только отдельные голоса. Иные искали удовлетворения в мелких сектах, ломали голову над тайнами мироздания; это были «Seekers» (ищущие): или ожидали знамения с небес, долженствовавшего разрешить их сомнение; эти назывались «waiters» (чающие).

Таким ищущим был также и Джордж Фокс, сын ткача шелка в Лейчестершире. Он родился в 1624 году и вырос в эпоху преследования пуритан. В нем очень рано уже обнаружилась сильная склонность задумываться над религиозными вопросами. Отец его, человек не особенно бедный, отдал его в ученье к сапожнику, который, кроме того, занимался овцеводством. Но Джордж, достигнув девятнадцатилетнего возраста и увлеченный неудержимым стремлением к путешествиям, стал переходить с места на место, из одного графства в другое, произнося проповеди и вступая в диспуты. Ни одна из существующих церквей не удовлетворяла его; все они были слишком светскими, слишком далекими от древнего христианства и слишком сильно придерживались буквы, вместо того, чтобы придерживаться «духа». Благодаря диспутам, чтению и влиянию окружающих условий, Фокс пришел к какому то смешению мистицизма и рационализма, демократии и политического воздержания, которое хотя и кажется на первый взгляд чрезвычайно странным, становится однако вполне понятным, если принять во внимание изложенные в предыдущих главах события той эпохи. Гражданская война потребовала множества жертв и не дала удовлетворительного результата. Старые политические распри заменялись новыми, и им не предвиделось никакого конца. Люди, на которых смотрели как на освободителей, достигнув власти становились притеснителями: все это наталкивало на вывод, что главное зло заключается в самом человеке, в слабости человеческой природы, которую существующие церкви не в состоянии победить. Именно самые восторженные натуры раньше всех других должны были увлечься таким учением: поэтому то Джордж Фокс, проповедь которого до провозглашения республики оставалось гласом вопиющего в пустыне, после 1650 года стал приобретать все больше и больше восторженных приверженцев. Они приходили к нему со всех сторон и особенно из рядов бывших солдат кромвелевского войска, которые, недовольные ходом дел, взяли отставку или были отставлены. Первое время этот элемент был так силен в организованных Фоксом общинах, что во многих из них царил несколько отличный от фоксовского дух. Все они сходились с Фоксом в отрицании всякого церковного формализма и обрядности, ибо к этому отличной подготовительной школой являлось кромвелевское войско, из которого после 1644 г. ушли священники по профессии, и в котором с тех пор проповедовал каждый, кого к этому влекло внутреннее побуждение**). Но отрицательное от-

---

*) В письме, напечатанном в «Harleian Miscellanies», французом, прибывшим в Лондон в 1659 году, высказывается ужас по поводу сильного распространения атеизма в столице Англии. Популярность всевозможных пародий к концу республики и при реставрации показывает, что широкие круги буржуазии, в том числе и литературный мир,—были охвачены скептицизмом, выродившимся в полную беспринципность и равнодушие ко всему.

**) Это «роковое событие»,—уход пресвитерианских войсковых священников из армии, «испортил все то дело, ради которого выступил парламент. Так как армия была лишена священников, которые могли бы сдерживать в известных границах ее рвение, то офицеры некоторых полков сделались самозванными проповедниками; у них не было никакого образования, никакой подготовки, и они взялись за дело, исключительно надеясь на какую-то чудесную помощь божественного духа, а когда их воображение было разгорячено, они говорили самые глупые и нелепые пошлости. Однако, зло не ограничилось этим: ибо от проповеди в своих полках они перешли к проповеди с кафедр тех провинциальных городов,

ношение к политике и войне у этих проповедников носило совершенно иной характер, чем у Фокса. Его отрицание было принципиальным, так же как отрицание у меннонитов, от учения которых взгляды Фокса вообще мало отличались *). их же отрицание было более оппортунистическим. При существующих условиях они не хотели принимать участие ни в войнах, ни в борьбе партий и в то же время все-таки не теряли надежды, при удобном случае осуществить свои социальные идеалы политическим путем. Лишь при реставрации учение Фокса о пассивном сопротивлении было принято квакерами. Во время республики они были еще очень далеки от этого: в апреле 1659 года, когда представители армии внесли в парламент петицию о возобновлении «старого доброго дела» свободы и республики, квакеры поддержали эту петицию, подав с своей стороны заявление и прибавив к ней некоторые требования **). В первые годы республики Фокс вообще был совершенно оттеснен на задний план республиканскими квакерами, ставшими во главе религиозно-революционной оппозиции против Кромвеля. Они «ходили по улицам Лондона, обличали громким голосом правительство Кромвеля и предсказывали его падение». Публика о них знает больше, чем о Фоксе. Наиболее известным из квакеров был покинувший армию экс-квартирмейстер Джемс Нейлор, на которого и намекает названное в начале этой статьи сочинение.

в которых они стояли, пока, наконец, зараза не перешла на всю нацию, и оффициальное духовенство не потеряло всякого кредита". (Neal, History of the Puritans II, стр. 356). Нейль стоит на точке зрения умеренных индепендентов. Читая то, что он говорит об офицерах, не следует забывать, что многие офицеры кромвелевской армии происходили из народа, к тому же проповедями занимались не одни только офицеры. «Часто таким образом во время войны мирные деревенские церкви подвергались насильственному вторжению воинственных реформаторов, приказывавших священнику закрыть свою книгу и сойти с кафедры, угрожая в случае неповиновения всевозможными ужасами... Затем какой-нибудь одаренный ораторским талантом брат занимал его место и преподносил изумленным слушателям такие страшные вещи, каких никто никогда еще не слышал... При случае учение этих проповедников иллюстрировалось практическими примерами, которые не всегда нравились слушателям. Для того, напр., чтобы показать, что птицы в воздухе отданы в общее владение святых (т. е. обращенных в истинную религию), они иногда разоряли безвредные голубятни. Чтобы выполнить обязательства, лежащие даже на современных христианах, воздерживаться от употребления «удавленных» животных, солдаты нередко отказывались есть изжаренных им на обед хозяевами квартир, где они стояли, птиц, потому что хозяева убивали этих птиц обычным способом, сворачивая им головы. Затем они сами отправлялись во двор и готовили материал для правоверного кушанья, перерезывая горло всем оставшимся курам, гусям и индюкам, чтобы из них вытекла кровь. Иногда самые отчаянные из сектантов решались даже на самые дерзкие деяния: они, на глазах всего пришедшего в ужас населения, сжигали Библию, чтобы показать, «что их внутреннее откровение стоит выше всякого писанного откровения». (Macfarlane и Thomson, The comprehensive History of England, VI, стр. 749). После этого будет понятно следующее место из дневника Джона Эвелина, умеренно-клерикального и монархического писателя той эпохи. В 1656 г. он писал: «По воскресеньям после обеда я часто оставался дома, чтобы задать своей семье вопросы из катехизиса и поучать ее, потому что поучения в приходских церквах повсюду прекратились, так что народ утратил всякие принципы и впал в большое невежество даже относительно главных пунктов христианского учения. Все усилия направлены были главным образом на то, чтобы иметь возможность выслушивать проповеди и речи об отвлеченных и умозрительных вопросах».

*) «Самой яркой и замечательной чертой Фокса было абсолютное отрицание всех политических целей и стремлений его современников». (Barclay, l. c, стр. 193). «Keep out of the powers of the earth»—«держитесь подальше от земных властей»—это правило Фокс часто внушал своим приверженцам. Однако, и сам он подразумевал воздержание от политики не абсолютное, но скорее в смысле политического воздержания старого английского тред-юнионизма.

**) Ср. Whitelocke, «Memorials», стр. 677.

Однако, прежде чем мы займемся этим человеком и событием, благодаря которому он приобрел всеобщую известность и которое в высшей степени характерно для первого периода существования квакерства, будет целесообразно изложить сущность распространяемых квакерами идей.

Квакеры верят в Бога, они христиане и стараются по возможности приблизиться к древнему христианству. Однако, главной их опорой является не традиционное «слово божие»—библия, но живое слово, внутреннее просветление и **внутренний свет**. Поэтому они и сами называли себя последователями или же «детьми света». Квакерами—дрожащими—их первоначально в насмешку называли противники и это название впоследствии вошло во всеобщее употребление *). Этот культ внутреннего просветления, который выразился, между прочим, в названии «дети света», указывает на их связь не только со многими немецкими баптистами, но и с немецкими мистиками; очень характерно также одно обстоятельство, на которое не раз указывали, а именно, что первое английское издание сочинений немецкого теософа мистика, Якова Беме, вышло в 1649 году у того же издателя, у которого печатались квакерские сочинения той эпохи, т.-е. у Джильса Кальверта в Лондоне; последний же, как нам известно, был также издателем, а в некоторых случаях даже одним из авторов памфлетов **левеллеров** **).

Чтобы удостоиться указанного выше просветления, по учению квакеров, нужно прежде всего **внутреннее углубление**, сосредоточение мыслей на боге, а для этого не нужны ни ученые проповеди, ни литургии. Наоборот, оффициальное, **оплачиваемое государством**, профессиональное ученое духовенство представляет собой зло. Каждый, **кого** влечет к этому внутренний голос, должен проповедовать или, вернее, сообщать то, что имеет сказать, когда ему велит делать это внутренний голос. При этом совершенно безразлично, ученый ли он или нет. Фокс и первые квакеры фанатически выступили против содержимых на общественные средства священников. Нередко случалось, что квакеры являлись в церковь и кричали проповедникам фразы вроде следующей: «Сойди, ты ложный пророк, обманщик, слепой проводник слепых, наемник!» В дневнике Фокса говорится, что священники «занимаются торговлей, что они «**продают**» Евангелие, что колокола их «домов с башнями»—как истые спиритуалисты, квакеры ни за каким зданием не признают названия «церкви»—подобны **рыночным колоколам**, созывающим народ для того, чтобы священники могли выложить свой **товар** для **продажи**; «какая иная торговля в мире может сравниться по своим прибылям с громадными суммами, которые дает **эта торговля**». (Journal of George Fox, издание 1891 г. I, стр. 117). Но даже когда квакеры вели себя сдержаннее, они нередко прерывали проповедников или, после окончания богослужения, сами начинали говорить и пропове-

---

*) Иные об'ясняют это название тем, что Фокс в своих проповедях предлагал слушателям внимать слову божию с трепетом; иные же тем, что последователи нового учения во время своих молитвенных собраний часто впадали в религиозный экстаз, и с ними делалась дрожь и даже судороги. Рассказывают анекдот, будто судья, которому Фокс сказал вышеприведенные слова, ответил ему: „значит вы дрожащие — quakers», отсюда будто бы и произошло название их. Впервые Фокс, в качестве агитатора, выступил в 1649 году. Однажды, когда в Ноттингамской церкви проповедник увещевал своих прихожан критиковать все ученья руководствуясь библией, Фокс прервал его следующими словами: «О, нет! взгляды и верования следует критиковать не при помощи писания, но при помощи св. духа, ибо св. дух вел народ к истине и открыл ему ее».

**) Беме (1575—1624 г.г.) также как и Фокс, по профессии был сапожным мастером и несомненно находился под влиянием возникшей на его родине (Силезии) секты швенкфельдианцев, с учением которых учение квакеров имеет большое сходство. Во время тридцатилетней войны многие последователи этой секты бежали в Голландию и Англию.

дывали собравшейся толпе свое учение. Их не всегда слушали спокойно; иногда весь приход, а в большинстве случаев большая часть населения *) относились к страстным апостолам чрезвычайно враждебно и проявляли эту враждебность самыми грубыми способами. Постоянно приходится читать, что квакерские апостолы были избиты, что их забросали камнями, топтали и т. д. Нередко после такой попытки внушить новое учение народу, апостол или апостолы, избитые и искалеченные, по целым часам в бессознательном состоянии лежали на земле, пока какой-нибудь сердобольный человек не оказывал им помощи. В результате нередко происходили судебные разбирательства у мирового судьи, которые нередко кончались тем, что квакеров приговаривали к денежным штрафам, тюремному заключению и к наказанию плетьми. Все остальные секты того времени, вместе взятые, не доставили тюрьмам столько клиентов, как «приверженцы света» **).

Отрицание буквы Писания привело квакеров, между прочим, к отрицанию строго буквального понимания воскресного отдыха, царившего среди прочих пуритан, которых они не редко упрекали в их «юдаистических» тенденциях. Что же касается аскетического взгляда на жизнь, то в этом отношении они иногда шли еще дальше пуритан. Они отрицали всякие шумные развлечения, всякую р о с к о ш ь. Известно, что они надолго сохранили своеобразную, чрезвычайно простую одежду ***). Как в вопросе о субботе, так и в вопросе о присяге, они придерживались нагорной проповеди; они предпочитали выносить самые жестокие преследования, чтобы только не приносить присяги. Кроме того, они отрицали церковные таинства, крещение, причастие и церковное венчание. Их культ по форме был крайне рационалистическим: они сходились в молитвенных домах, лишенных всяких украшений, и предавались там своим религиозным размышлениям. Если на кого-нибудь находило просветление, он говорил, что внушал ему св. Дух. Если же ни на кого не «накатывало», то они спокойно расходились,—собрание все равно выполнило свою цель,--религиозное углубление***). Придерживаясь также Нагорной проповеди, квакеры отрицали в о й н у и н а с и л и е. Хотя их образ мыслей был очень утопичен, все же нельзя отрицать, что они проявляли, защищая его, нередко г е р о й с к у ю с и л у х а р а к т е р а. Люди, принимавшие участие в битвах Кромвеля, спокойно переносили самые ужасные

---

*) Обыкновенно священники и их приверженцы натравливали на квакеров наиболее дурно оплачиваемые и наиболее грубые слои населения.

**) Поданное в 1657 году в парламент заявление устанавливает, что с 1651 года по 1656 к тюремному заключению были приговорены не менее 1900 квакеров, и 21 и з н и х у м е р л и в т ю р ь м е. Это как раз в то время, когда Джон Лильбурн примкнул к квакерам. Приведенные здесь факты показывают, что совершенный им шаг вовсе не означал из'явления покорности перед тогдашними властями.

Между 1661 и 1697 годами было посажено в тюрьму не более не менее, как 13.562 квакера; 338 из них умерли частью в заключении, частью же вследствие дурного с ними обращения; 198 были изгнаны (B a r c l a y, The Inner Life etc., стр. 475).

***) Самая эта одежда и покрой ее, впрочем, первоначально вполне соответствовали одежде простых горожан того времени. Первым квакерам была совершенно чужда мысль ввести какую-нибудь особенную одежду. Они восставали только против моды и против всяких украшений; но с течением времени стремление не подчиняться моде неизбежно должно было повести к тому, что одежда квакеров стала резко выделять их среди их сограждан.

****) Правда, в первое время, когда энтузиазм был еще очень велик, чрезвычайно редко случалось, что св. Дух не посещал никого. Впоследствии некоторые лица, проявившие к этому явные способности, т.-е. оказавшиеся деятельными апостолами, специально приглашались возвещать истинное учение и получали за это известное вознаграждение. Однако, никакая иерархия, никакая исключительная монополия на проповедь не допускалась.

насилия натравленных на них забияк и предпочитали рисковать жизнью, чтобы только не сопротивляться. Настоящей школой характера сделалось также их правило обращаться к каждому на «ты» и не снимать ни перед кем шляпы. Первое они делали потому, что было бы ложью говорить с отдельным лицом так, как будто оно представляет собой собрание лиц, а второе потому, что по их мнению в с е л ю д и, богатые и бедные, высокопоставленные и низкого происхождения заслуживают одинакового уважения, и что поэтому недостойно вообще кланяться людям *). Судьи и прочие власти смотрели на дело, конечно, иначе, чем квакеры, и обыкновенно сажали последних в тюрьму, как людей, не желающих оказывать почтение; нередко также они наказывали их за это плетьми. Тюрьмы же, в которых главный контингент заключенных составляли совершенно опустившиеся, покрытые насекомыми бродяги и преступники, становились для квакеров, по большей части, настоящим адом **). Несмотря на все это, они с железным упорством придерживались своего правила, и оно исчезло не под давлением преследований, а лишь после того, как квакеры добились от государства терпимости, а от общества признания. «И хотя нельзя привести никакой причины, по которой нас нужно было бы преследовать за это, особенно христианам якобы следующим писанию, сделавши это своей постоянной фразой, могло бы, пожалуй, показаться даже невероятным, если бы я вздумал рассказывать, сколько мы за это потерпели, и как все эти гордецы з л и л и с ь, б е с н о в а л и с ь и с к р е ж е т а л и з у б а м и, б и л и и и с т я з а л и н а с, когда мы обращались к ним на «ты». Но это еще больше у к р е п л я л о н а с в н а ш и х в з г л я д а х, ибо мы видели, что это с в и д е т е л ь с т в о и с т и н ы, которое господь повелел нам пред'являть всюду так сильно беспокоить змеиный нрав д е т е й т ь м ы». Так пишет наиболее замечательный теоретический представитель квакерства, Роберт Бэркли старший в своем важнейшем сочинении, появившемся в 1675 году: «Апология истинного христианского богословия в том виде, в каком его поддерживают и проповедуют люди, насмешливо именуемые квакерами» (4 изд. стр. 528, 529).

Другим источником преследования служил упорный о т к а з квакеров платить ц е р к о в н у ю д е с я т и н у. Из всех более крупных сект квакеры наиболее последовательно держались того принципа, что религия есть частное дело каждого. Во всяком случае нужно больше нравственного мужества для того, чтобы отказаться от уплаты налогов, будучи членом не весьма многочисленной секты, чем было нужно Джону Гампдену, на стороне которого, в свое время, была почти вся страна и во всяком случае громадное большинство имущих.

---

*) Пусть читатель вспомнит поведение Винстэнли и Эверарда перед генералом Ферфаксом в апреле 1649 года, т.-е. еще до публичного выступления Фокса.

**) Своим упорством в обращении к отдельным лицам на ты и в неснимании шляпы, квакеры долгое время навлекали на себя и в частной, личной жизни, также массу иногда очень серьезных неприятностей. Характерные примеры этого имеются в дневнике Фокса, а кроме того, также в автобиографии его современника, Томаса Эльвуда, в которой вообще имеется масса сведений об общественной жизни той эпохи и о внутренней жизни квакерства того времени. Эльвуд в 1659 году, двадцатилетним юношей, сделался квакером и оставался таковым до самой своей смерти, последовавшей в 1713 году. Он приобрел известность тем, что в течении некоторого времени был чтецом у слепого Мильтона, а во время большой чумы (1665 год) он озаботился доставить поэту спокойное местопребывание в деревне. Мильтон дал ему прочесть «Потерянный Рай», в рукописи для того, чтобы посмотреть, какое впечатление произведет великая поэма на наивный, впечатлительный характер. При этом Эльвуд сказал: ты тут много говоришь о потерянном рае, имеешь ли ты сказать что-нибудь о рае возвращенном? Это замечание, как известно, дало Мильтону повод написать продолжение поэмы: «Возвращенный Рай».

Устройство квакерских общин было безусловно демократическим. В основных своих чертах эти общины являлись подражанием первым христианским общинам; при том же у них существовало сходство и с общинами последовательных анабаптистов: они также периодически собирались для установления правил дисциплины и нравственности, для разрешения споров и урегулирования денежных дел. От этих местных собраний организация, развившаяся, впрочем, лишь постепенно, восходила к областным собраниям, происходившим каждые четверть года, и к ежегодным собраниям всей общины.

В квакерской литературе незаметно коммунистических тенденций. Она, как уже было сказано выше, носила исключительно религиозно-этический характер. Проповедывались ли в рядах квакеров или в известных кружках их, хотя бы в первое время, коммунистические тенденции в качестве тайного учения, и получили ли они широкое распространение, это трудно установить *). Единственным, не подлежащим сомнению, является тот факт, что они уже очень рано организовали у себя взаимопомощь, и что состоятельные квакеры проявили в этом отношении необыкновенную щедрость. Очень характерно, что прежде всего была организована *помощь лицам, подвергавшимся преследованиям и понесшим наказания*. Затем стали оказывать помощь бедным и больным членам общины **). Сделать больше вообще невозможно было в период пропаганды. Даже настоящие коммунистические секты, за исключением тех случаев, когда совсем особенные условия делали возможным введение общности имуществ, точнее — доходов, низводили свой идеал на практике до простой *поддержки бедных*. Кроме того, для более широкого коммунизма не было необходимых экономических предпосылок, а также и *класса*, для членов которого коммунизм является условием эмансипации.

Зато можно было бы говорить о коммунизме *воспитания*: и в самом деле, у квакеров также наблюдалось явление, свойственное всем коммунистическим сектам этой эпохи: на ряду с презрительным отношением к ученым и к учености, у них замечался большой интерес к *воспитанию*. В цитированном уже выше сочинении Бэркли от 1675 года, автор отвергает театр, танцы, спорт и другие развлечения, как отвлекающие от истинного христианства, а затем перечисляет дозволенные удовольствия, к которым относит посещение друзей, чтение *исторических сочинений*, трезвые собеседования о событиях на-

*) За то есть многочисленные свидетельства о том, что квакеры в собраниях, происходивших в Англии и в других странах, восставали против частной собственности. Дело в том, что квакеры уже очень рано начали посылать апостолов нового учения на континент и в Америку. Как это происходило, например, в Голландии, можно прочесть между прочим у Otto Pringsheim, «Beiträge zur wirtschaftlichen Entwickelungsgeschichte der Vereinigten Niederlande im 17 und 18 *jahrhundert*», Лейпциг, 1890, стр. 65 и след. В 1657 году квакеры, по словам Прингсгейма, вызвали в Зееланде и Роттердаме большое волнение, проповедуя, *что все имущество должно быть общим*. Прингсгейм цитирует буржуазную газету «Hollandse Mercurius» от 1657 года, где коммунистические проповеди квакеров об'ясняются тем, что последние сами «большею частью лентяи и бедняки». Ничто не ново под луной. В *Гамбурге*, куда квакеры также послали апостолов, в 1661 году появилась книга «*Quäker Grewel*, das ist abscheuliche, aufrührerische, verdammliche Irrtumb der neuen Sshwermer, welche genennet werden Quäker». В Данциге цехи потребовали изгнания квакеров, и т. д. и т. д.

**) «Но уже в эти первые дни в рядах друзей этого города (Лондона) стал практиковаться прекрасный обычай: некоторым друзьям обоего пола вменялось в обязанность наблюдать за тюрьмами каждой части города и заботиться о всех попадавших туда друзьях, особенно о бедных»,—писал Т. Эльвуд в 1662 году. Далее он описывает, каким образом выполнялась эта обязанность. «Друзьями» квакеры называли друг друга в личных сношениях. Впоследствии это название сделалось оффициальным.

стоящего или **прошедшего**, занятия **садоводством**, **геометрическими и математическими опытами и т. д** (Apology, 4 изд., стр. 540, 541). Фокс в своих письмах неустанно рекомендует своим друзьям обращать внимание на воспитание юношества. Первые годы пропаганды не благоприятствовали каким бы то ни было мероприятиям в этом направлении; постоянные преследования совершенно поглощали средства друзей. Наиболее деятельные представители секты попеременно сидели в тюрьме, и по крайней мере большая часть квакеров вначале держались убеждения, что «внутреннее просветление» может заменить **все** знания, кроме знаний, необходимых для домашнего обихода. То, что Фокс и его товарищи говорили о способности простых ремесленников быть священнослужителями *), в первом порыве энтузиазма переносилось многими и на иные области. Аналогичные явления наблюдались, впрочем, довольно часто даже в просвещенном XIX столетии. Но когда кончился период «бури и натиска», и для движения наступил период внутреннего устроения, тогда квакеры стали устраивать всевозможные школы, стоившие им больших жертв. Впоследствии эти школы приобрели даже своего рода известность. Следует, однако, заметить, что в движении квакеров всегда существовал элемент—особенно в сельских общинах,— который был совершенно индифферентен в этом отношении.

В заключение не лишним будет отметить еще одну особенность квакерства, именно—отрицание «языческих» названий дней и месяцев. Если посмотреть на дело внимательнее, то окажется, что это также только явление, повторившееся впоследствии в видоизмененной лишь форме во французской революции. Но так как тогда еще не был выдуман совершенный культ природы, квакеры же, с другой стороны, также не признавали никаких особенных святых, то им и здесь оставалось только довести рационализм до крайности и заменить название **числами**. Воскресенье называется у них «первый день», понедельник—«второй день» и т. д. Также они поступили и с месяцами.

Само собою разумеется — да мы уже и указывали на это, — что многие из приведенных нами черт лишь постепенно приобрели в движении квакеров совершенно определенный характер и сделались общепринятыми. Первоначально в этом, также как и во всех аналогичных движениях, на первый план прежде всего выступил **отрицательный** момент—протест, в данном случае протест против образования новой иерархии. Этот период был именно периодом «бури и натиска»; с ним совпал, и пожалуй, можно даже сказать, высшую точку его развития отметил эпизод, героем которого явился Джемс Нейлор.

II. Джемс Нейлор, царь израильский.

Джемс (Яков) Нейлор был сын сравнительно богатого крестьянина Ардслея, вблизи Векфильда, в графстве Иоркширском. Он получил хорошее воспитание и в 1642 году, когда ему было около 25 лет, с энтузиазмом присоединился к парламентской армии, несмотря на то, что у него были

*) «Из этого различения между мирянами и духовенством вытекает также такого рода зло: хорошие, честные, занимающиеся ручным трудом («mechanick») люди, а также люди, необучившиеся искусству и ремеслу проповеди... полагая совершенно неправильно, что им не приличествует вмешиваться в обязанности священников, и что они, по недостатку литературных познаний, не пригодны для этого, пренебрегают данным им даром и нередко заглушают в своем сердце чистое дыхание божественного духа, которое, если бы ему дана была воля, быть может оказалось бы более назидательным для общины, чем многие приготовленные заранее проповеди ученых». Barclay, Apology, стр. 327. Далее Бэркли указывает на то, что первые проповедники христианства были «простые, принадлежащие к рабочему сословию, неграмотные люди» и что, по свидетельству самих протестантов, «такие неграмотные люди» очень сильно содействовали реформации.

тогда уже жена и дети. Поведение Нейлора на службе было безупречно. Начальники его, между прочим генерал-майор Ламберт, и впоследствии еще отзывались о нем чрезвычайно хорошо. Во время своего пребывания в армии он перешел в индепендентство и говорил речи в индепендентском духе. Эти речи, так же как и произнесенные им впоследствии, отличались глубиной и силой. Офицер, слышавший его проповедь после кровавой битвы при Дунбаре, 3-го сентября 1650 года, писал впоследствии, что «проповедь Нейлора внушила ему больший страх», чем какой «он испытывал в битве при Дунбаре». Вскоре после этой битвы Нейлор по болезни вышел в отставку и вернулся на родину, намереваясь снова заняться хозяйством в своем имении. Но вот в 1651 году ему довелось услышать проповедь Джорджа Фокса, и он вскоре увлекся идеями последнего, которые, как мы уже указывали выше, только формулировали чувства, испытываемые в то время тысячами разочарованных энтузиастов. Весной 1652 года Нейлор, идя за плугом, вдруг почувствовал «призыв» работать, подобно Фоксу, для нового учения в качестве проповедника, и немедленно отправился в путь. Он застал Фокса в Ланкашире. Там, в Свартморе, возле Ульверстона, жила восторженная последовательница Фокса, жена судьи Фелля, правнучка мученицы Анны Аскью, дом которой сделался центром организации квакеров *). Уже осенью того же года Нейлор в Ортане, в Вестморленде, был привлечен к ответственности за «богохульную» проповедь. В этой проповеди он, между прочим, сказал, что тело воскресшего Христа следует понимать «не в плотском, а в духовном смысле». Так как Нейлор упорно настаивал на этом и высказывал, кроме того, некоторые другие еретические взгляды, то его почти полгода продержали в заключении. Маргарита Фелль послала для его содержания 5 фунтов стерлингов, но он взял себе из них только двадцатую часть, а от остального отказался. Нейлор, как, впрочем, и многие другие квакеры, добровольно ограничил расходы на пищу и одежду самым необходимым и вел прямо-таки аскетический образ жизни **).

---

*) Когда муж ее, всегда относившийся к движению доброжелательно, умер в 1670 году, Маргарита Фелль вступила в брак с Джорджем Фоксом. Анна Аскью была последовательницей ученья Мельхиора Гофмана. В последний год царствования Генриха VIII, в 1546 году, она умерла на костре за свои еретические взгляды на причастие (хлеб, употребляемый при причастии,—«только хлеб») и т. д., которые она с непоколебимым мужеством исповедывала до последней минуты.

О Мельхиоре Гофмане см. т. I, стр. 421 и след. Отрицание учения о превращении хлеба в тело Господне было также одной из ересей умершего в 1417 году на костре мученика лолларов, сера Джона Ольдкестля. «Если церковь установила, что священный хлеб уже не хлеб,—гласит одно из его изречений,—то она это сделала после того, как заразилась ядом собственности». Это об'яснение спиритуалистических тенденций христианства разрывом с коммунизмом чрезвычайно интересно. Ольдкестль, как и все вожди угнетенных, был по мере возможности оклеветан своими победоносными противниками, и искаженное изображение его послужило «оригиналом» шекспировского Фальстафа в «Генрихе IV». Первоначально толстый рыцарь и в драме назывался Олькедстль, но впоследствии Шекспир, который, вероятно, за это время успел лучше познакомиться с личностью Олькедстля, изменил имя и в эпилоге ко второй части драмы пояснил: «Ольдкестль умер мученической смертью и он (Фальстаф) совсем другое лицо».

**) Очень характерным для тогдашнего настроения Нейлора является летучий листок, вышедший в 1652 году под заглавием: «Жалоба (одного из пророков Англии) по поводу разорения этой угнетенной нации, которую (жалобу) следовало бы принять к сердцу парламенту и армии, а также всем классам народа и т. д. Написано по вдохновению божию Джемсом Нейлором». Этот листок может также служить иллюстрацией к сказанному нами выше об общей политической разочарованности. Листок этот начинается следующими словами: «О, Англия! После всех твоих страданий, ожидания твои оказались напрасными! Народ, удрученный угнетениями и несправедливостями, долго, из года в год, ждал освобождения, но ни один класс людей не дал ему этого освобождения...

После отбытия наказания, Нейлор немедленно снова принялся за свою проповедническую деятельность и в начале 1655 года появился в Лондоне, где тогда уже существовала довольно многочисленная квакерская община. Его пылкое, увлекательное красноречие сделало его вскоре любимейшим проповедником этой общины, и он пользовался известной популярностью даже за пределами тесного кружка квакеров. Его ввели в некоторые кружки, где он познакомился с выдающимися представителями республиканской партии, ставшей в оппозицию к Кромвелю, например, с Брэтшау, сэром Генри Вэном и другими; с другой стороны, многие из них, между прочим, даже члены кромвелевского «двора», посещали собрания, на которых говорил Нейлор. В общине, в конце концов, установился настоящий культ Нейлора, которому с особенным рвением предавались члены женского пола. Кроме него никого не хотели слушать, и прежних вождей общины прерывали, когда они начинали говорить. Нейлор должен был быть главным оратором и руководителем. Сам Нейлор уклонялся некоторое время от такой роли, но, наконец, воскуряемый перед ним фимиам все-таки затуманил ему голову, и он уступил мольбам своих поклонниц, из которых особенною страстностью отличалась Марта Симонс, жена типографщика Т. Симонса, и сестра Жиля Кальверта, а также Ганна Штрангер, жена гребенщика. Уступая их настояниям, Нейлор летом 1656 года отправился в Лоунсестон в графстве Корнваллис, где сидел в заключении Фокс, чтобы поговорить с последним о некоторых разногласиях, несомненно находившихся в связи с вопросом об отношениях к современным политическим событиям. Некоторые из его поклонников не могли удержаться, чтобы не сопровождать его, и благодаря этому, его путешествие, уже по пути вперед, получило некоторый мессианский оттенок. Квакерское евангелие с его мистической идеей о внутреннем просветлении отнюдь не противоречило этому. Внутренний свет, божественное просветление, не у всех обнаруживался с одинаковой яркостью. Разве Джемс Нейлор, одаренный увлекательным красноречием, не мог быть призван к совершенно исключительной деятельности, разве дух не мог проявиться в нем с такою же силой, с какой проявился некогда в сыне Марии? Квакеры были христиане в смысле учения первоначального христианства, но относительно божественности Христа в первое время в рядах их существовали весьма еретические мнения *).

Как только власть попадала в руки людей, она становилась насилием; вместо справедливости стал царить людской произвол... Кто отворачивается от справедливости, тот отдается на жертву злым, и никто из всей нации не принимает этого к сердцу, ибо все сердца обременены угнетением, и все руки заняты насилием. Дома их наполнены угнетением, улицы и рынки наводнены им; суды их, которые должны бы бороться с угнетением, полны неравенства и несправедливости... Неразумный народ! Разве те, что стоят теперь у власти, неизбраннейшие из твоих великих людей? Разве все твои желания и стремления не были направлены на то, чтобы увидеть власть в их руках? Разве они не сделались теперь такими же слабыми, как все люди? Разве брожение в стране прекратилось? Разве сделано что-нибудь существенное?» Поэтому не следует рассчитывать на людей, не следует ожидать ничего от смены лиц, стоящих у власти. Улучшений надо ожидать только от духа; его надо проповедовать и существование его надо подтверждать непосредственной деятельностью. Это точно та же самая логика, которую можно наблюдать после всех больших реакций. В XIX столетии ее усвоила себе анархистская школа и, с помощью некоторых обрывков идейного содержания современного социализма, выработала из нее целое социальное учение. Но наряду с этим незаконно-рожденным учением ожило вновь также и первоначальное учение квакеров, и ожило оно в сочинениях Льва Толстого, который представляет собой, ни более ни менее, как русского квакера, «fin du dixneuvième siècle».

*) Так же, как у анабаптистов. Ср. стр. 357, т. I этого издания.

В западной Англии, в центрах тамошней суконной промышленности, новое учение быстро нашло себе последователей. Из Бристоля, второго по величине города королевства, уже в 1654 году приходили сведения, что митинги квакеров постоянно посещались 3—4 тысячами человек. Число членов общины, конечно, было меньше, но сравнительно оно все-таки было очень значительно. В городе с тридцатитысячным населением они в 1658 году имели свыше 700 членов, большинство которых составляли ремесленники. Много приверженцев они имели среди солдат гарнизона, и даже многие офицеры относились к ним благосклонно*). Когда Нейлор проездом посетил Бристоль, то произошли манифестации, и дело дошло даже до бунта, который, впрочем, не имел последствий. В Экзетере же Нейлора арестовали и посадили в тюрьму за подстрекательство к беспорядкам и мятежу. Это только увеличило почет, окружавший Нейлора; он бы не был Мессией, если бы его не преследовали. Названные выше женщины называли его в письмах несравненным воином и единственным сыном божьим, а мужья как будто старались перещеголять их в приписках. «Отныне имя твое будет не Джемс, а Иисус»,—писал муж Ганны Штрангер, а Томас Симонс называл Нейлора «агнцем божьим»! Они посетили его в заключении, и женщины падали ниц перед Нейлором и целовали его ноги. Некая Доркас Эберн кричала, что она два дня лежала мертвая, и что Нейлор воскресил ее. В конце октября Нейлор был освобожден, а так как Фокс за это время тоже успел получить свободу, то Нейлор пустился в обратный путь. Фокс посетил Нейлора в заключении, но они не пришли к соглашению между собою. На обратном пути Нейлор ехал верхом, а спутники следовали за ним пешком. Уже в местечках Гластонбери и Вельсе путь Нейлора устилался одеждами и впереди него размахивали платками, а когда он достиг Бристоля, шествие окончательно приняло характер подражания входу Господню в Иерусалим. Нейлор держался спокойно, но сопровождающие его пели гимны, «Осанна в вышних, свят, свят, свят» и т. д. К сожалению, однако, Англия не Палестина. Дождь лил, как из ведра, и спутникам Нейлора пришлось тащиться по колена в грязи. Дождь вообще враг всяких манифестаций, а между прочим также и мессианских. Он был причиной того, что после своего вступления в Бристоль главные действующие лица были без труда арестованы. Если бы не было дурной погоды, дело не обошлось бы без резких столкновений, потому что приверженцев квакеров насчитывались тысячи. И так уже, несмотря на дождь, народ массами толпился на улицах. Местные власти, повидимому, вовсе не были склонны долго держать Нейлора в Бристоле или судить его там. После предварительного допроса, его и еще шестерых обвиняемых 10-го ноября отправили в Лондон, где палата общин должна была окончательно допросить и судить его, как необыкновенного преступника. Созванный незадолго до этого второй протекторский парламент в течение целых недель занят был рассмотрением дела Нейлора. Сначала его рассматривала комиссия из 55 лиц. После четырех заседаний она представила парламенту отчет о нем; затем, 6-го декабря, Нейлор был подвергнут допросу в парламенте, а два дня спустя его признали виновным в «отвратительном богохульстве»; затем палата в течение

---

*) Карлейль рассказывает (l. с., часть VIII), что генерал-ад'ютант Аллен и другие представители оппозиции зимою 1654—55 года неоднократно посещали Бристоль и проповедывали там на больших митингах крайние теории. Аллен, как известно, был радикальным анабаптистом, а эти последние все почти перешли в квакерство.

семи дней решала вопрос, следует ли приговорить его к смерти *). 16-го декабря, девяносто шестью голосами против восьмидесяти двух, решено было отнестись к Нейлору снисходительно. Однако, снисходительное наказание оказалось очень жестоким, настолько жестоким, что пришлось приостановить его выполнение. 18-го декабря Нейлор должен был простоять два часа у позорного столба в Вестминстере, затем палач должен был ударами кнута прогнать его через весь Лондон, потом он снова должен был стоять у позорного столба и, наконец, ему должны были прижечь язык каленым железом и выжечь на лбу букву «В» (Blaspnemer). Потом Нейлора должны были отвести в Бристоль, привести по городу верхом на лошади лицом к хвосту, а обратно через город гнать ударами кнута. Наконец, он должен был отправиться в исправительную тюрьму; там ему запрещалось писать, а пропитание предоставлялось добывать собственным трудом—расщипываньем канатов. В тюрьме он должен был оставаться в строго одиночном заключении впредь до распоряжения парламента.

На допросе Нейлор говорил о своей роли Мессии не больше, чем он и другие квакеры уже говорили по иным поводам о силе внутреннего просветления. Об оказанных ему почестях Нейлор говорил, что они относились не к его смертной личности, но к глаголавшему его устами богу. Наказание, наложенное на него, Нейлор переносил со стоицизмом фанатика, но друзья его не были так же спокойны. Когда, после первого наказания кнутом, тело Нейлора оказалось настолько избитым, что дальнейшее исполнение приговора пришлось отложить, в парламент была подана масса петиций в пользу Нейлора, между прочим от полковника Скрупа, так что сам Кромвель счел нужным потребовать от парламента выяснения данных, на основании которых был постановлен приговор. По поводу этого запроса в палате происходили в течение четырех дней новые дебаты; однако, еще до окончания их, была выполнена дальнейшая часть наказания, присужденного Нейлору,—прижиганье языка и клейменье. При этом его приверженцы в большом числе окружали эшафот; один из них, купец Роберт Рич, встал рядом с ним и держал над его головой плакат, на котором было написано: «се царь иудейский!» и который, конечно, скоро был разорван помощниками палача. Когда клейменье было кончено, Рич бросился к Нейлору, гладил его волосы, целовал его руки и старался утишить боль его раны. Их окружили другие, также целовавшие руки и ноги Нейлора—словом, он все еще был для них посланником божиим. Во время позорного проезда Нейлора через Бристоль, Рич и другие квакеры ехали впереди его и пели гимны, сложенные в честь Христа.

Нет нужды отрицать религиозный характер этого взрыва экстаза. Религия, и именно эта религия, представляла предохранительный клапан, через который могло найти исход напряженное состояние умов, взволнованных политическими событиями. Все изложенное происходило как раз в ту эпоху, когда власть или деспотизм Кромвеля достиг своего апогея. Новые попытки организовать монархическое восстание с успехом были подавлены и дали повод поручить управление страной на некоторое время военным уполномоченным, генерал-майорам. Вскоре после их назначения или публичного провозглашения, состоялось путешествие Нейлора в Бристоль. Не представляло ли собой это путешествие призыва к восстанию или к контр-демонстрации? Трудно предположить, чтобы

*) «Бесконечные дебаты по делу Джемса Нейлора, по глупости своей, превосходят все, что пишущему эти строки приходилось выслушивать даже в английском парламенте... Для потомства эта сессия парламента будет носить имя Джемса Нейлора (Карлейль, l. с., т. X).

Нейлор и его друзья, принадлежавшие к наиболее радикальным в политическом смысле элементам, не интересовались политическими событиями, и не менее трудно предположить, что парламент посвящал бы делу целые недели и месяцы, если бы он не думал, что в этом деле, под религиозным покровом, скрывается враждебное существующему порядку движение. В этом отношении чрезвычайно характерно заключающееся в приговоре над Нейлором запрещение пользоваться пером *). Такие запрещения и вообще такие наказания, как в данном случае, не налагают на человека, которого считают безумным, а именно временным безумием квакеры впоследствии пытались об'яснить путешествие Нейлора в Бристоль. Писатели других направлений также говорили о нем, как о помешанном. Однако, сочинения и письма Нейлора вовсе не обнаруживают чего-либо ненормального, и если верить словам Эльвуда, что Нейлор, даже после своего освобождения из строгого одиночного заключения (которое, во всяком случае, не могло бы содействовать излечению душевной болезни), проявил недюжинные способности к диспутам, то гипотеза о безумии Нейлора окажется совсем несостоятельной. Современные ему квакеры считали поступок Нейлора просто мимолетным заблуждением, чем-то вроде духовного опьянения,—и они правы. Я не хочу даже пытаться установить, многие ли из его приверженцев были также «опьянены». Возражая Вейнгартену, Беркли указывает на заявление бристольской квакерской общины, сделанное после описанных выше событий, в котором говорится, что ни один член общины не сочувствовал поступкам Нейлора. Но это заявление очень плохо характеризует отношение к злополучному путешествию и еще меньше оно говорит об отношении к тенденциям, представителем которых явился Нейлор. Сделанное Вейнгартеном сравнение Бристоля с Мюнстером (l. с., стр. 269 и след.), во всяком случае совершенно верно в том смысле, что исход бристольской авантюры имел решающее значение для победы принципиально антиполитического направления в квакерстве. Тот факт, что события, принявшие в Мюнстере характер трагедии, в Бристоле разыгрались в виде траги-комедии, доказывает только, что такова бывает часто судьба подражаний историческим событиям; но, во всяком случае, попытка не была бы сделана, если бы при первом проезде через Бристоль там не оказалось на-лицо необходимого для этого настроения **).

*) В речи, сказанной Кромвелем весной 1657 года по поводу реформы государственного устройства, которую предстояло подвергнуть рассмотрению, есть место, которое, если и не относится исключительно к квакерским учениям, как к учениям, враждебным государству и в политическом, и в религиозном отношениях, то, несомненно, включает их в категорию последних. В этом месте — оно находится в речи, приведенной у Карлейля под номером тринадцатым, — иронически говорится о нескольких сотнях «друзей», которые со своими друзьями, сторонниками «пятого царствия», хотят устранить все законные власти и угрожают всем гражданским и религиозным интересам. Кромвель в своей речи хочет изложить обе стороны этого движения, но сейчас же запутывается и говорит о религиозной стороне в тех случаях, когда хочет говорить о мирской, и наоборот. Дело в том, что обе эти стороны совершенно невозможно было отделить одну от другой, потому что движение попеременно принимало то ту, то другую форму. Однако, в проекте государственного устройства, между прочим, наряду с атеистами, богохульниками и другими, лишенными избирательного права были об'явлены все отрицающие божественность установления таинств и священства.

** Любопытно, что первые квакеры, даже те, которые не придерживаются политического направления, постоянно пытаются сказать что-нибудь в защиту мюнстерских анабаптистов. «Если же я перейду к проведению на практике (принципов)—пишет старший Беркли—то я, хотя и должен сознаться, что питаю глубокое отвращение к тем диким поступкам, которые, судя по рассказам (обращаю внимание читателей на осторожность в выражениях), совершали мюнстерские анабаптисты, все же осмеливаюсь заявить, что такие же, если не более дурные вещи были совершены теми, которые опираются на предания, на букву Писания

Для общего положения дел характерно еще то обстоятельство, что прежде чем дело Нейлора было покончено парламентом, последний поднимает другой вопрос, характеризующий его направление, а именно: вопрос о пересмотре конституции; пересмотр этот направлен был к созданию новой палаты пэров и к передаче королевской власти Кромвелю. Правда, за это время был раскрыт также заговор Зиндеркомба.

Кромвель отказался от королевской власти, лишь благодаря тому, что ему приходилось считаться с армией, в которой, несмотря на все принятые для ее очищения меры, все еще преобладал республиканский или, вернее, анти-монархический дух; не будь этого, он спокойно мог бы принять корону. Большая часть буржуазного населения была утомлена и жаждала покоя. Чем тверже было правительство, тем больше было оснований надеяться, что оно удовлетворит эту потребность в покое, и тем более оно могло быть уверенным в сочувствии этих классов населения. Число аристократов, состоятельных землевладельцев и городской знати, относившихся прежде к Кромвелю враждебно, а теперь переходивших на его сторону, увеличивалось с каждым днем, ибо Кромвель олицетворял собой порядок. Большинство же крестьян и мелкой буржуазии относилось к форме правления индифферентно. Никто уже не хотел больше рисковать ради Карла Стюарта головою и никто не рискнул бы ею ради сохранения республики,—никто, кроме маленькой кучки идеологов. В среде населения они были безвредны, но в армии необходимо было считаться с ними и с карьеристами, которые опирались на них *).

В 1659 году Нейлор был выпущен из тюрьмы, а уже в 1660 году он умер. В лице его политическо-радикальное направление квакеров потеряло важнейшего своего представителя. Есть, впрочем, доказательства, что это направление исчезло не сразу и просуществовало еще довольно долго, но оно постепенно отходит на задний план и вытесняется движением Фокса. Бодрость Нейлора была сломлена тюрьмой; то же самое случилось и с мятежным духом всех «друзей». С 1656 по 1658 год было посажено в тюрьму на различные сроки не меньше трех тысяч квакеров; понятно, какое значение это имело для столь молодого движения. Это естественно должно было направить всю их энергию в определенную сторону; а при полной безнадежности и кажущейся бесцельности всяких политических движений, эта энергия могла направиться лишь в этико-религиозную сторону. В 1659 году политическое направление еще раз ярко сказалось в уже упомянутой выше петиции «за доброе старое дело республики». Но при реставрации квакеры уже очень мало интересовались политикой и в силу этого были единственной не-католической сектой, одобрившей выпущенный Иаковом II, в интересах католиков, указ о веротерпимости.

При Карле II квакерам, однако, пришлось перенести не мало преследований. Восстание приверженцев пятого царствия (Веннер и товарищи), начавшееся в январе 1661 года, снова вызвало подозрение в по-

---

и на рассудочное толкованье» (в противоположность «внутреннему просветлению»). Лютеране, кальвинисты, католики, восставали один против другого и каждый против всех «и самым позорным образом проливали кровь», они «нанимали людей, ничего не знавших об этом споре, совершенно чужих друг другу, и заставляли их умерщвлять один другого; все это делалось под предлогом, что разум на их стороне, и каждый, для доказательства законности своих поступков, ссылался на писание». Barclay, Apology, стр. 57.

*) Отсюда разочарование левеллера Сексби, когда Кромвель отказался от королевской короны. 23-го мая 1657 года полковник Титус писал Эд. Гайду, что Сексби, благодаря этому, совершенно изменился и страшно озлобился (Ср. Calendar of Clarendon State Papers, ч. III). Сексби знал, что одна только армия могла выдвинуть элементы, необходимые для устранения Кромвеля.

литических интригах, направленное против всех последователей крайних учений. Власти предписали, чтобы каждый подданный приносил присягу, а так как квакеры были вообще противниками всяких клятв, то они отказывались приносить и эту присягу. Этим они, конечно, постоянно навлекали на себя наказания.

Несмотря на все это, число их постоянно увеличивалось. Во время сильной чумной эпидемии в 1665 году число их в одном только Лондоне доходило, по крайней мере, до десяти тысяч. До 1680 года численность их вообще постоянно возростала, несмотря на то, что они всегда давали большой процент эмигрантов, а также на то, что, принадлежа, в большинстве случаев, к низшим слоям населения, они давали, вероятно, наибольший процент смертности. Но с тех пор, как квакерство было признано государственной властью, число его последователей стало непрерывно уменьшаться, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. В настоящее время они, по крайней мере в Европе, совершенно исчезают. Из всех более крупных религиозных сект революционной эпохи, квакеры наиболее стойко выносили преследования; между тем как баптисты и индепенденты подчинились, они оказывали такое пассивное сопротивление, что прямо утомили и обескуражили своих преследователей. Но ни для одной из остальных революционных сект добытые впоследствии равноправие и признание властью не имели такого рокового значения, как именно для квакеров.

III. Социально-экономическая сторона квакерства.

Выше уже упоминалось, что квакеры очень скоро принялись за организацию помощи своим подвергавшимся преследованию товарищам. Но чем крепче сплачивались их общины, тем чаще к этой помощи присоединялась еще другая, а именно помощь бедным и неспособным к труду членам общины. Само собою разумеется, что эта помощь сделалась для общины источником множества забот и неприятностей. Многие, вероятно, изумятся в первый момент, услышав, что организация помощи очень сильно содействовала упадку квакерства, и изумление читателя еще возростет, когда он услышит, что, благодаря этой организации, больше всего уменьшилось именно число бедных членов. Однако, при ближайшем рассмотрении, нетрудно понять в чем тут дело.

Уже во время первых преследований случалось, что некоторые лица вступали в число друзей только для того, чтобы получить вспомоществование, т. е. для того, чтобы пожить на счет чужого увлечения и самопожертвования. Но это были отдельные случаи, которые не трудно было проследить. Чем слабее становились преследования, чем менее опасной делалась принадлежность к квакерам, тем соблазнительнее также становилась возможность добыть себе вспомоществование, вступив в число друзей, тем более, что это вспомоществование было щедрее, чем те, которые оказывали официальные попечительства о бедных. Таким образом для квакерских общин возник настоящий вопрос о бедных. У Беркли имеются очень интересные сведения о том, какие разнообразные меры предпринимались для преодоления трудностей, с которыми был связан этот вопрос. Надо было не только организовать добывание средств для вспомоществования и их распределение, но также и способ распределения, контроль над получающими вспомоществование, для того чтобы оно не досталось лентяям или мошенникам. То что под гнетом преследований было делом любви, превратилось просто в обязанность, когда преследования прекратились, а так как опыт показал, что вспомоществование часто деморализовало и не приносило действительной помощи, то давать его стали с большим разбором. Возник вопрос, следует ли общине

оказывать помощь лицу, только что прибывшему, и не обязана ли делать это община, из которой оно прибыло. Уже в 1693 году, в отчете на национальном годовом собрании говорится, что массы бедных «друзей» являются из сельских округов в Лондон и обременяют местную общину. В 1710 году был выработан целый закон о бедных, касающийся общины «друзей». Были установлены правила относительно мест, из которых каждый должен был получать вспомоществование; к вновь прибывающим стали относиться критически. Самые общины квакеров становились между тем все респектабельнее; благодаря своей аскетической умеренности и трезвости, благодаря тесной связи между отдельными членами, квакеры были очень ловкими дельцами. Это известное явление, которое наблюдалось уже у лоллардов. Аскетизм—буржуазная добродетель; таковою он является особенно до возникновения собственно крупной промышленности, когда новые капиталы, и в самом деле, нередко возникали благодаря бережливости.

В полемическом сочинении против квакерства «Змея в траве», опубликованном в конце XVII столетия, говорится: «Хотя квакеры в начале оставляли дома свои и семьи, жили на подаяние, путешествовали, проповедывали и восставали против богатства, пока его у них не было, все же они теперь так же крепко сидят в когтях Мамона, как и всякий из их ближних, а богатство они называют теперь даром и благодатью божьею». («The Snake in the Grass, 2 Ed., 1697 г., стр. 16). То же самое выражено, только другими словами, в письме квакера, Вильяма Эдмундсона, появившемся в 1699 году: «И когда число наше возросло, тогда нас обуял такой дух, какой охватил евреев, вернувшихся из Египта. Он (дух) смотрел назад, в мир, торговал кредитом, которого не приобрел, и стремился быть богатым благами и сокровищами мира сего». Автор повествует, что среди квакеров развилась роскошь, что они стали строить прекрасные дома, носить хорошую одежду, питаться вкусными и обильными блюдами и сверх того начали курить табак (Из соч. I. S. Rowntree, Quakerism: Past and Present, an Inquiry into the causes of its decline, Лондон 1859 г.). Сравнение с евреями и в других отношениях верно и представляет собой прекрасный пример того, что исторические движения всегда принимают совершенно иное направление, чем предполагали их инициаторы, и не редко даже направление, прямо обратное. Квакерство выступило на историческую сцену, как реакция против «пудействующего» духа достигших господства пуритан. Таким его изображает даже и Беркли старший. Но правила квакеров, созданные по образцу древнего христианства, запрещали им заниматься искусствами и сделали массу их индифферентной даже к наукам. Общественных должностей они не могли занимать, благодаря своему отношению к присяге, и т. под.; от всяких доходных государственных должностей, аренд и проч. им приходилось отказываться. Вино и всякого рода спорт также были запрещены. При таких обстоятельствах они не могли не сосредоточить всей своей энергии на приобретение и по необходимости сделались такими же опасными конкурентами, как и евреи, хотя они и в приобретательной своей деятельности также до известной степени придерживались нравственных принципов *). В XVII и XVIII столетиях квакеры играли еще

*) Существует мнение, что мы, между прочим, обязаны введению в торговле цен без запроса, главным образом, квакерам. В начале XVIII века на годовых собраниях «друзей» им вменяется в обязанность следить за доброкачественностью своих продуктов и противодействовать подделкам. Так как их в то время было очень много в Ирландии, то это правило, будто бы, принесло очень много пользы и ирландской льняной промышленности. Вообще квакеры многими своими постановлениями предупредили некоторые изданные впоследствии законы. Уже в 1705 году, на годовом собрании «друзей» было сделано постановление, воспрещавшее «друзьям» ловлю лососей и форели во время метания икры.

значительную роль в качестве сельских хозяев, а именно в качестве пионеров современной агрикультуры (Торольд Роржерс, I. c., стр. 85), но в 1760 г. «друзья» сделали неплатеж церковной десятины обязательным, а вследствие этого квакерам помещикам и крестьянам оставалось только либо бросить землю, переселиться в город и заняться ремеслом, либо отказаться от своих верований. Одни сделали первое, другие второе, и квакер земледелец исчез из Англии. Зато в перечне знаменитых английских квакеров имеется довольно значительное число выдающихся банкиров. Один из них, Гэрней, в 1866 году нашумел на весь мир своим банкротством.

Вместе с коммерческой сметкой квакеры приобрели другое «иудейское» качество, именно, неспособность или нежелание приобретать последователей.

В эпоху, о которой мы здесь говорим, все это имелось конечно только в зачатке, но и тогда уже начинало обнаруживаться явление, если можно так выразиться, обратное пролетаризации; обнаруживалось оно в двух направлениях: с одной стороны квакеры сделались осмотрительнее в приеме рабочих, с другой стороны принятые рабочие или, по крайней мере, их дети, обыкновенно очень скоро переставали быть пролетариями.

Дети принятых квакерами рабочих получали лучшее воспитание, чем какое обыкновенно получали дети рабочих, потому что они обучались либо в квакерских школах, либо на средства, выдаваемые школьным фондом квакеров. Когда они вырастали, им также оказывали поддержку, поэтому они часто могли делать буржуазную карьеру, и эта карьера была, благодаря изложенным выше причинам, тем лучше, чем лучшими квакерами они были. В начале XVIII столетия работников в общинах было так много, что друзья решили организовать посредничество для труда и отчасти осуществили это. Все это увеличивало материальное благосостояние рабочих, принадлежавших к числу квакеров, давало им возможность воспитывать детей для лучшей карьеры, но в то же время квакерство, благодаря своей аскетической морали, благодаря политической пассивности и вообще всему квиэтизму, потеряло привлекательность для тех рабочих, которые еще не прониклись буржуазным духом. Кроме того, по словам Раунтри, в цитированном выше сочинении, организованная квакерами взаимопомощь мешала рабочим примыкать к ним из чувства собственного достоинства: многие боялись, что их присоединение к общине будет об'ясняться надеждой на вспомоществование *).

Словом, квакера пролетария постигла почти та же судьба, что и квакера крестьянина. Он еще не исчез окончательно, но он сделался редкостью. По вычислению Раунтри, в начале XIX столетия, в среде «друзей», бедных и нуждающихся во вспомоществовании насчитывалось меньше одной трети того количества, которое приходилось на них по среднему рассчету для всего населения. Наоборот, число богатых значительно превышало норму.

Вряд ли нужно особенно пояснять, почему квакерство впоследствии не приобретало сторонников среди состоятельных классов населения. Для того, чтобы представитель буржуазных классов решился примкнуть к общине с такими странными обычаями, какие квакеры сохранили даже еще и в XIX веке, нужен был чрезвычайный энтузиазм, а такого энтузиазма квакерство вскоре не в состоянии уже было возбудить. Его религиозные принципы потеряли всякое значение для современного буржуа. Что ему религия, если она не признана государственной и не имеет влияния на

*) Относительно организации взаимопомощи у квакеров сэр Фр. Эден писал в конце XVIII столетия: «Замечательная хозяйственность и хорошая организация квакеров заслуживает всеобщего подражания». (The State of the Poor or a History of the Labouring Classes in England», Лондон 1797 г., I., стр. 588).

массы? религия, не имеющая ни красивых церквей, ни выдающихся и остроумных проповедников? недостаточно рационалистическая для вольнодумцев нашего времени и недостаточно символическая для того, чтобы возбуждать умы? Словом, квакерство теперь только прозябает в качестве, так сказать, исторического пережитка. В западной Европе нет элементов, необходимых для его возрождения; последнее было бы возможно исключительно только в России.

Однако, несмотря на то, что число последователей квакерства с конца XVII века постоянно уменьшалось, оно все же в XVIII и в начале XIX столетия имело большое влияние, но только не как политическое, а как филантропическое движение. Такое филантропическое движение, без сомнения, было уместно в то время, когда возрастающий промышленный капитализм доходил в своей эксплуатации до самых диких крайностей, пролетариат же был еще недостаточно силен для того, чтобы противопоставить ему организованное сопротивление. Во всех крупных реформационных движениях XVIII столетия квакеры играли выдающуюся роль. В Англии и в Америке они явились первыми неутомимыми врагами рабовладельчества. Они стоят во главе движения, требующего реформы уголовного законодательства и системы тюремного заключения. Из рядов квакеров вышли выдающиеся представители науки и педагогии, а впоследствии также поборники политических реформ. Мы встречаем квакеров в чартистском движении, в котором они, правда, согласно своему учению, принадлежат к умеренному направлению, как, напр., известный Стердж. Квакеров же мы находим в числе овенистов *).

В 1809 году Роберту Оуэну чуть не пришлось закрыть свои филантропические учреждения в Нью-Ланарке, так как его прежние компанионы требовали закрытия из корыстных соображений. Тогда, кроме «философа эгоизма», Иеремии Бентама, к нему на помощь пришли только квакеры или дети их, давшие ему свои капиталы для продолжения реформ. Один из них, Вильям Аллен, доставил Оуэну впоследствии много хлопот своей оппозицией, но эта оппозиция, по признанию самого Оуэна, касалась исключительно религиозных, а не денежных вопросов. О других своих компанионах из рядов квакеров, особенно о Джоне Уалькере, который вложил в предприятие свыше 30.000 фунтов стерл. Оуэн в своей автобиографии говорит с величайшим уважением. Не совсем безразличным, вероятно, было и то обстоятельство, что еще до осуществления своего предприятия в Нью-Ланарке, Оуэн, по его собственным словам, водил в Манчестере близкое знакомство с двумя молодыми квакерами, повлиявшими на его духовное развитие. Имя одного из них впоследствии приобрело большую известность в мире науки; в каждом руководстве по естествознанию упоминается физик и химик Джон Дальтон. Имя второго не приобрело никакой известности, но зато оно именно для нас представляет некоторый интерес: по странной случайности, товарищ молодого Оуэна по манчестерскому колледжу, которого сам Оуэн называет своим близким другом, был квакером и носил встречающееся не особенно часто имя Винстенли, имя самого радикального коммуниста эпохи английской революции. Нельзя установить, был ли это потомок «истинного левеллера»; однако невозможного в этом ничего нет.

Однако, ближайшим преемником Джерарда Винстэнли, как уже нами упоминалось, был не Оуэн, а другой квакер, Джон Беллерс. Но прежде, чем мы обратимся к последнему, нам надо упомянуть еще об одном человеке, который и хронологически, и по своим идеям, занимает место между Винстэнли и Беллерсом, и который сыграл известную роль в истории социализма.

*) И в настоящее время еще в рядах английской социал-демократии есть несколько «друзей».

IV. Петр Корнелиус Плокбой.

В 1659 году в Лондоне появилось два памфлета, автор которых называл себя Петром Корнелиусом фон Цюрикцее. Долгое время их приписывали походному священнику и секретарю Кромвеля, Гугу Петерсу *), но фактически автором их был голландец, Питер Корнелис Плокбой из Цирикзее, значительного в то время торгового города в провинции Зеландии. Один из этих памфлетов первоначально предназначался для Кромвеля, с которым автор, по его собственным словам, вел лично переговоры; но так как Оливер умер, то памфлет посвящается Ричарду Кромвелю и парламенту. В памфлете предлагаются средства для укрепления республики и внутреннего мира (отмена десятины и всякой государственной религии, равноправие всех христианских сект, полная свобода слова и т. д.), и он интересен своей аргументацией, но не вмещается в рамки нашей статьи. Зато второй памфлет безусловно заслуживает нашего внимания.

Несколько пространное заглавие этого памфлета гласит: «Предложение способа сделать бедняков этой и других наций счастливыми, путем об'единения известного числа подходящих и удобных для этого людей в общее хозяйство или в маленькую республику, в которой каждый мог бы сохранить свою собственность и заниматься без всякого принуждения тем трудом, который ему по силам. Средство избавить эту и другие нации не только от ленивых, дурных и испорченных людей, но также и от таких лиц, которые искали и нашли способы *жить на счет труда других*. С приложением приглашения вступить в это общество или маленькую республику» **).

Приложенное в конце приглашение составлено людьми, уже привлеченными к делу и внесшими по 100 фунтов стерлингов каждый. Они называют автора «наш друг Корнелиус». В примечании, помещенном в конце брошюры, заявляется, что все интересующиеся проектом могут узнать адрес автора у издателя сочинения, известного уже нам Джильса Кальверта. Таким образом не подлежит никакому сомнению, что проект был расчитан на *немедленное* осуществление, что он был не изображением будущего, но «практическим» социализмом, который хотели осуществить сами изобретатели его. Однако изобретатель и его товарищи ссылаются на сделанные уже раньше *опыты*. Денежными взносами должны были заведывать достойные доверия лица до тех пор, пока проектируемое общество будет в состоянии существовать собственными средствами. «А это,—пишут английские сторонники проекта,—думается нам, скоро будет возможно, в виду достоверных свидетельств различных людей, рассказывающих, что многие сотни людей в Семиградии («Трансильвании»), Венгрии и в графстве Пфальцском, начавшие с малого, добились не только удобной жизни для членов своей общины, но также и возможности делать много добра другим, не принадлежащим к их общине лицам».

Приведенные примеры относятся к остаткам моравских баптистских общин ***), и таким образом мы видим, что коммунизм их в конце концов

---

*) Книготорговец и коллекционер Томасон, благодаря страсти которого к собиранию, сохранилось большинство памфлетов того времени, сделал на интересующем нас памфлете надпись: «Мне кажется, этот памфлет написан Гугом Петерсом, у которого есть слуга по имени Корнелиус Глудр». Петерс при Карле I несколько раз ездил в Голландию и поддерживал постоянные сношения с тамошними сектантами.

**) Привожу начало английского заглавия: A. Way prodounded to make the pour in t.ese other nations happy by bringing together a fit suitable and well qualified people into one Household government or little Commonwealth etc. etc. By Peter Cornelius van Zürick-Zee.

***) Ср том I этой книги.

был перенесен в Англию. Благодаря наступившим вскоре после появления памфлета политическим событиям, т.-е. агонии погибшей год спустя республики, до выполнения плана дело не дошло, но сделанные взносы показывают, что мысль, изложенная в памфлете, нашла себе почву в английских умах. Во всяком случае сочинение появилось на английском языке, мысль, заключающаяся в нем, несомненно повлияла на ход развития идей в Англии и сама, в Англии же, получила дальнейшее развитие. Что идея этого проекта попала в Англию через Голландию, это вполне естественно, но благодаря именно тому, что проникла она через наиболее развитую в экономическом отношении страну тогдашней Европы, проект не останавливался на примере моравских общин: мотивировка и разработка его претерпели существенные изменения, и весь он вообще носит гораздо более современный характер. Поэтому именно мы не можем обойти его здесь молчанием; социально-экономическая мотивировка выдвигается в этом проекте на первый план, религиозная же играет лишь второстепенную роль. Первая часть памфлета, в которой излагается собственно весь проект, носит исключительно социально-экономический характер; лишь во второй части, в заключении, имеются ссылки на христианскую любовь и на нравственное учение христианства.

«После того, как я увидел, какое большое неравенство и беспорядок царят в мире между людьми; как не только дурные правители или государи, жадные купцы и промышленники, забывшие свой долг учителя и прочие обратили людей в рабство, но также и многие простые ремесленники или рабочие, пытаясь сбросить давящее их бремя или уйти от него, всюду заводят ложь и обман для угнетения честных и хороших людей, совесть которых не позволяет им применять такие приемы,—я решил, сообща с другими, воодушевленными общим благом людьми, попытаться об'единить четыре рода людей, из которых, главным образом, состоит мир, в одну семью или в одно хозяйственное целое. К этим четырем родам людей принадлежат земледельцы, ремесленники, моряки и сведущие в науке и искусствах люди. Это мы хотели сделать с тою целью, чтобы тем лучше стряхнуть иго светских и духовных фараонов, которые уже слишком долго господствовали над нашими душами и телами; чтобы восстановить снова любовь, справедливость и братское единение, которые существовали прежде, но теперь вряд ли где нибудь встречаются; и наконец, чтобы убедить тех, которые видят величие только в господстве, а не в добрых делах, вопреки примеру и учению Господа Иисуса, явившегося в мир не для того, чтобы принимать услуги, но чтобы служить, и отдавшего жизнь свою за многих» (стр. 1). Иисус, говорится далее, сказал своим ученикам: кто из вас хочет быть больше всех, пусть тот будет слугою всех. В действительности же происходит как раз наоборот. Самыми большими считаются те, у кого больше всего слуг: «То, что люди называют величием, отличается от христианского величия так же, как свет отличается от тьмы».

Затем следуют возражения против «тех, которые называют себя священниками или духовенством», и которые, «для того, чтобы люди охотнее работали на них, уверяют этих людей, что они заботятся об их душах, как будто они могут любить невидимую для них душу и в то же время не обращать внимание на видимое тело». Все это «ложь и обман», а «поэтому вернемся к тому милосердию, которое сочувствует страданиям тела так же, как и страданиям души».

Таково краткое введение к этому проекту общества, которое лучше всего можно назвать коммунистическим хозяйственным товариществом с ограниченной частной собственностью. В пределах товарищества уничтожается только эксплуатация, но не собственность; последняя должна продолжать свое существование на основании десятой заповеди. Земля,

деньги и движимое имущество, которые кто-нибудь приносит с собой в общину, считаются его собственностью и закрепляются за ним, но доходов с них он не получает. В случае смерти его, имущество наследуют дети или родственники, если, конечно, он не завещал его общине. Желающий уйти из общины, обязан заявить об этом, и тогда имущество его ему возвращается. Если ценность имущества не превышает 100 фунтов стерлингов,—оно возвращается немедленно; если же ценность имущества превышает 100 фунтов, то три четверти выдаются через год, «а одна четверть немедленно, для того, чтобы никто не был в затруднении оставить общину». Если общество будет разогнано или разрушено властью тиранов, то после удовлетворения кредиторов предполагалось все наличные капиталы и земли разделить по ровну исключительно между бедными членами, у которых ничего нет, и между бедными родственниками других членов, если таковые окажутся. Молодые люди, желающие покинуть общество—для того, чтобы вступить в брак с лицами, не принадлежащими к обществу, или по другим соображениям, должны получать известную долю доходов, полученных со времени их рождения или вступления в общество, если же таких доходов не было, то общество должно выдавать им, по своему усмотрению, известную сумму.

Для начала, подходящие люди, «отцы», должны собрать известный фонд; при помощи этого фонда должны быть приобретены или построены два дома: один в Лондонском Сити, достаточно большой, чтобы в нем могли жить 20—30 семейств, и могущий служить складом и помещением для всевозможных лавок, другой, больший—в деревне, вблизи реки; последний должен был служить центром всех производств общины и общим местом жительства земледельцев ремесленников, учителей и моряков. Между домом и рекой должно быть достаточно места для пристани («key») и дом должен быть расположен так, чтобы река или канал прикрывали его, и чтобы его можно было отделить от окружающей местности под'емным мостом. Рыболовство облегчалось устройством шлюз.

Дом должен быть устроен с наибольшей целесообразностью; в нем должны быть «как общие, так и отдельные помещения, для того, чтобы не стеснять свободы и удобства обитателей». В нем должны иметься «спальная и приемная для каждого женатого мужчины», большое помещение для платья и белья, кухня, столовая, зал для детей, погреба для с'естных припасов и напитков, отдельные помещения для больных, врачей и хирургов, а также и для «книг, карт и инструментов», необходимых для занятия «свободными искусствами и науками».

Руководители и должностные лица избираются членами и всегда только на один год, чтобы не могло возникнуть чиновной иерархии. Заведующий припасами избирается только на полгода. Касса находится под тройным запором и под охраной трех лиц, из которых каждый имеет один ключ. Впрочем, твердо установленных, неизменных правил должно было быть как можно меньше. Всякому предоставлена полная свобода, поскольку она не противоречит общему благу: всякому представлялось делать все, что не противоречит «царствию божию» и разуму. Усмотрению каждого предоставлено, между прочим, выполнение обрядов крещения, причащения и т. д., так как выполнение их менее возбуждает сомнение, чем невыполнение *).

*) Это положение, также как и другое, относящееся к промышленности, о котором мы еще будем говорить ниже, очевидно, было направлено против квакеров, с которыми автор несомненно должен был поддерживать сношения уже благодаря своему издателю, Джильсу Кальверту. Сам автор принадлежал, вероятно, к наиболее передовой фракции баптистов.

Первое время рекомендовалось принимать, главным образом, людей холостых, «для того, чтобы мы, при небольших расходах, как можно скорее начали получать доходы».

Что касается самого производства, то для всех членов товарищества был установлен шестичасовой рабочий день; при том, каждый мог по желанию работать либо три часа до обеда и три часа после обеда, либо шесть часов с утра, что вероятно предпочли бы многие, особенно в жаркое летнее время. В воскресенье, воообще, никаких работ не было; для рабочих же, работавших для общины по найму, был установлен двенадцатичасовой рабочий день, до тех пор, пока они «будут способны и согласны присоединиться к нам». Лучшие рабочие выбираются на должность мастера, но для мастеров, так же как и для простых рабочих, установлен шестичасовой рабочий день.

Члены общины, занятые в городском товарном складе, ежегодно должны поочередно проводить известное время в сельском доме общины и участвовать там в работах для расширения своих технических знаний и ради других, связанных с пребыванием в этом доме выгод.

Все дети должны обучаться двум или трем ремеслам: это однако не помешает им быть всегда веселыми и бодрыми, так как им в крайнем случае придется работать шесть часов ежедневно, и так как они будут избавлены от семилетнего рабского труда, на который обречены все дети, особенно английские. В свободные от работы часы дети могут, по желанию, обучаться наукам и искусствам; дети, которые еще ходят в школу, работают ежедневно по три часа и в сельском хозяйстве, и в ремесле. Все эти правила совершенно одинаковы и для бедных и для богатых, между прочим даже для детей богатых посторонних лиц, которые могли бы попасть в школы товарищества, как только последнее обзаведется штатом хороших учителей.

Девочек также, кроме домашнего хозяйства, предполагалось обучать ремеслам для того, чтобы они всегда могли иметь заработок, если бы им впоследствии вздумалось покинуть товарищество.

Что товарищество экономически будет процветать и все больше будет расширять свое производство,—это, по мнению автора, явствует из следующих соображений:

1. Оно «не будет запрашивать», но, «в противоположность принятому обычаю, будет продавать по самым дешевым ценам»;

2. Члены его «будут пользоваться более дешевым жилищем и более дешевыми средствами к жизни»;

3. Оно будет в состоянии изготовлять «лучшие продукты за ту же цену».

Автор излагает все выгоды общинного хозяйства, а также соединение земледелия с промышленностью: он показывает, что каждая отрасль проомышленности находится в зависимости от других; что по мере расширения одной, расширяются другие; что на сложности и многосторонности хозяйства оосновывается гарантия солидности предприятия. Автор рисует нам соблазнительную картину постепенного расширения хозяйства, рассказывает, что со временем товарищество само будет заниматься кораблестроением, будет строить суда рыбной ловли в открытом море и для вывоза своих продуктов на континент. В домашнем хозяйстве в тесном смысле слова, коммунистическое начало окажется выгодных во всех отношениях прежде всего вследствие облегчения труда. Каждый получит возможность выполнить свою работу совершенно спокойно. Если все будет проделываться по известному порядку, то 25 женщин вместе взятых, будут иметь меньше хлопот, чем имеет одна в отдельном хозяйстве» (стр. 10). Но «помимо большего удобства («lase»), совместная

жизнь представляет больше выгоды». Когда 100 семей живут вместе, то двадцать пять женщин могут выполнить ту работу, которую обыкновенно делают сто, а остальные 75 могли бы заняться производительным трудом и многие из них даже предпочли бы его. Можно было бы делать сбережения и в других областях: вместо ста очагов понадобилось бы, может быть четыре или пять: один в кухне, один в столовой, один в детской и т. д. Кроме того, если бы потребление не покрывалось продуктами собственного хозяйства, то можно было бы покупать дешевле, покупая большими партиями. Таким образом собственное хозяйство и соединение сельского хоозяйства с промышленностью оказалось бы выгодным во всех отношениях.

«Между тем, как промышленники обременяют своих рабочих тяжелой работой за низкую плату, у нас наоборот, прибыль предпринимателя достанется на долю рабочего, что даст ему возможность пользоваться достаточным отдыхом.

Предприниматели, стоящие вне товарищества («in the world»), «постоянно колеблются между страхом и надеждой», в общине же «каждый спокойно занимается своим делом».

Товариществу нечего бояться конкуренции. Если бы даже другие купцы, чтобы отбить у него покупателей, понизили свои слишком высокие цены, что было бы весьма желательно, то все же выгоды крупного хоозяйства дали бы товариществу возможность производить дешевле, чем другие предприниматели. Нужно только остерегаться, чтобы не оттолкнуть покупателя какими-нибудь доктринерскими странностями. Если покупатели захотят получить одежду с каким-нибудь украшением, то не следует отказывать им под тем предлогом, что украшать себя грех, этим можно достигнуть только того, что покупатели откажутся покупать здесь, т.-е. таким образом члены товарищества сами себе будут наносить вред. Конечно, очень дурно, что Адам ел плоды древа познания добра и зла, замечает Плокбой юмористически, но людей можно излечить от тщеславия только примером и воспитанием. Отказ от изготовления украшений был бы неразумием потому уже, что выросшие в товариществе молодые люди, которые впоследствии пожелали бы выйти из него, имели бы гораздо меньше шансов найти заработок, если бы не умели изготовлять украшений *).

Сами члены товарищества, однако, должны были одеваться по возможности просто, хотя тем, кто имел на это средства, не возбранялось изготовлять свои одежды из лучшего материала. Это позволялось уже для того, чтобы бедные, встретив такого человека на улице, знали, что могут ожидать от него помощи. Такая мотивировка носит несколько натянутый характер, но она только намечает выход, которым впоследствии воспользовались сами квакеры. Беркли и Беллерс также позволяли носить более тонкие сукна.

Товарищество представляет еще и некоторые другие выгоды: молодым людям не нужно, как это случается нередко, вступать в брак преждевременно, только для того, чтобы избавиться от рабской зависимости от своих родителей; они могут выбирать себе спутников жизни вполне обдуманно и совершенно свободно, так как они не обязаны вступать в брак непременно с членами товарищества. Учителя товарищества не бывают вынуждены, ради своего существования, учить тому, во что они сами не верят, так как

*) Это именно и есть упомянутая в предыдущем примечании полемическая выходка против квакеров, которые, особенно первое время, отвергали изготовление всяких предметов роскоши, как греховное занятие, и грозили за него исключением из своих общин.

свобода совести ничем не стеснена, и все секты равноправны. Членам товарищества не приходится бояться ни болезней, ни старости и нечего опасаться за участь своих детей после своей смерти.

Товарищество ведет торговлю с внешним миром, открывает свои школы за известное вознаграждение детям посторонних людей; сообразно с этим врачи его и хирурги должны также помогать посторонним, богатым за вознаграждение, бедным даром. В то время, как одни врачи посещают больных, другие в определенное время должны оставаться дома и давать посетителям советы.

Богатые люди, желающие воспользоваться выгодами совместной жизни, могут жить в доме товарищества в качестве жильцов, уплачивая за свое содержание. Если они пожелают работать, то будут получать квартиру и одежду бесплатно. В средине и в конце каждого года должен производиться рассчет и распределение части чистой прибыли, для того, чтобы каждый член имел возможность оделять бедных, делать подарки друзьям и т. под.

Товарищество должно построить большое помещение для собраний, с расположенными в виде амфитеатра сиденьями; перед каждым из сидений устроен столик для чтения и письма. В этом помещении происходит чтение лекций, диспуты и т. д., в которых могут принимать участие и посторонние лица. На собраниях каждый свободно может выражать свои мнения. Во время еды царит веселье, и отсутствуют всякие церемонии. За столом поочередно прислуживают все молодые люди для того, чтобы никто из них не проникся ложной гордостью.

В заключение в проекте перечисляется 72 ремесла, которыми могло бы заняться товарищество. Затем говорится: «Как только в окрестностях Лондона будет устроено такое товарищество для доставления занятия бедным, мы можем открыть второе, вблизи Бристоля, а затем еще одно, в Ирландии, где землю можно будет купить за очень дешевую цену, и где можно получить массу дерева для постройки домов, судов и других надобностей».

Во втором отделе, в котором заключается религиозно-этическая обосновка проекта, особенно характерно следующее место: «Эти общества и товарищества («fellowships») не всегда встречались так редко; они уже в очень давние времена процветали, пока враги первобытной невинности не вошли в них. Под их влиянием жизнь, которую люди обязаны были вести сообразно с заповедями христовыми, стала считаться чем то таким, что каждый по своему произволу мог принять или отвергуть. Между тем сами враги невинности вели высокомерную и никому не нужную жизнь, святость которой далеко превышала то, что нужно для избавления, и дала повод к учреждению многих орденов для ленивых и жирных животных—я подразумеваю монахов и тому под.,—и ко многим выдумкам и мошенничествам» (стр. 34).

⁂

Это было написано в 1659 году. Три года спустя, Плокбой, успевши за это время вернуться в Голландию, выступил с новым проектом хозяйственного товарищества, которое теперь, однако, он предлагал устроить голландской колонии в Новых Нидерландах, в С. Америке. Лет тридцать тому назад Этьен Ляпейр, незнакомый с английскими брошюрами Плокбоя, писал по поводу брошюры, в которой изложены основные черты плана Плокбоя следующие:

«Мысль, что колонизация стран умеренного пояса бедными людьми (т.-е. рабочими) требует совсем особых мероприятий, прекрасно изложена в одном из наиболее интересных сочинений

той эпохи в «Kort en klar ontwerp door Pieter Cornelys Plockbay», 1662 *).

Мы не могли достать этой брошюры, но если она не особенно отличается от брошюры, содержание которой было нами предложено выше (нет никаких оснований предполагать это), то вполне понятно, почему она произвела на Лапейра сильное впечатление. Плокбой несомненно обладал чрезвычайно ясным умом и хорошо понимал экономические явления. В его проекте заключается не только сознательное и планомерное соединение земледелия с промышленностью, но также и попытка более тесного, можно сказать органического соединения города и деревни, причем различия между ними не предполагалось уничтожить, а предполагалось лишь ввести более рациональное разделение труда: Производством должна была заниматься организованная колония, обменом город. Далее мы видим, что Плокбой выступил решительным противником аскетических тенденций, которые преобладали у большинства коммунистов той эпохи и составляли один из характернейших признаков коммунизма, и с которыми ему надо было считаться. Мы уже видели, как он, не без иронии, выясняет своим единомышленникам, что они сами повредили бы себе, если бы отказались производить предметы роскоши, и что такими средствами нельзя изменить мир. Но им руководят вовсе не одни только коммерческие соображения. Между занятиями, которые должны были иметь место в колонии, Плокбой, на ряду с науками и прочими «свободными искусствами»—«liberal arts» — приводит также и музыку, о которой многие квакеры, напр., совсем не упоминают, между тем как другие признают ее лишь постольку, поскольку она нужна для пения религиозных гимнов. Одним словом, не может быть сомнения, что с нами говорит современник Рембранта и Яна Стена. В его плане нет и признака отречения от мира, он дышет здоровой любовью к жизни: весь план основывается, главным образом, на экономических преимуществах организованного в крупных размерах производства,—как в промышленности, так и в торговле. В последнем смысле он прямо предвосхищает идею современных больших универсальных магазинов. Городской дом проектированного Плокбоем общества представляет собой в сущности не что иное, как зародыш магазинов, в роде «Whiteley», «Magasin du Eouvre», «Basar Harson».

Но затронув этот вопрос, мы затронули также другую сторону проекта Плокбоя. Теряя в смысле утопичности, проект приобретает некоторые буржуазные черты. Товарищество производит для прибыли. Несмотря на все предписания, клонящиеся в пользу бедных, оно

*) Etienne Laspeyres рассказывает, что Плокбой, с двадцатью четырьмя товарищами, для осуществления своей цели получили от амстердамского министра 1500 гульденов заимообразно, за круговой порукой; после этого они опубликовали свое приглашение. В том виде, в каком передает его Лапейр, план гораздо скромнее, чем описанный нами проект. Это об'ясняется незначительностью той суммы, какая находилась в распоряжении Плокбоя и компании. Но в этом плане много сходных с приведенным нами проектом черт, и поэтому Лапейр замечает, что план отдает «коммунизмом и религиозным индифферентизмом»: Последнее Лапейр заключает из того, что Плокбой, во избежание религиозных распрей, хотел ограничить богослужение чтением библии и пением псалмов. Однако, в виду всего сказанного выше, Плокбоя, несмотря на его образ мыслей, очень близкий к современному, нельзя считать атеистом, скорее всего его можно было бы назвать христианским социалистом в английском духе. Лапейр сомневается в том, чтобы проект был осуществлен, тем более в том, чтобы он имел успех. Положение дел в ново-нидерландской колонии именно в это время было очень печально, а уже в 1664 году она была завоевана англичанами и переименована в Нью-Іорк, в честь брата Карла II, герцога Иоркского (который впоследствии вступил на престол под именем Іакова II). От новых повелителей республиканец Плокбой не мог ожидать особенного поощрения.

носит настолько ярко выраженный характер торгового, можно бы даже сказать акционерного общества, как ни один другой коммунистический проект той эпохи. Другие общества того времени основывались ради религиозных целей или вообще в противоположность «миру»; буржуазными они становились вопреки намерению их основателей, в силу исторической необходимости. У Плокбоя противопоставление общества «миру» еще не совсем исчезло, но значительно ослабело; противоположность между обществом и «миром» не носит религиозного характера и очень мало отражается на образе жизни его членов. Колония представляет каждому по своему достигать блаженства на небе, а поскольку это не нарушает производства, также и на земле. Там, где этому не препятствует необходимость, должна царить свобода, пишет Плокбой. Замечательно также его стремление облегчить уход из общества тем, кто не желает в нем оставаться. Общество должно делать все лучше, чем делает «мир», но оно не должно лишать себя и своих членов преимуществ, даваемых последним. При таких взглядах уступки буржуазному духу эпохи были неизбежны; тем не менее проект Плокбоя не является реакционным, по сравнению с произведениями его коммунистических предшественников и современников; наоборот, мы видели, что все коммунистические предприятия той эпохи кончались буржуазнейшим образом и в лучшем случае являлись замкнутыми обществами, которые хозяйничали и работали лучше, чем окружающий «мир», вступали с ними в конкуренцию и при этом довольно часто оказывались победителями *). Эти факты были известны Плокбою; он несомненно был хорошо знаком по крайней мере с известной частью таких общин. То, что он сумел вывести из всего этого надлежащее заключение и сумел встать на фактическую почву, было не малой заслугой даже с его стороны, со стороны гражданина наиболее развитой в коммерческом отношении страны той эпохи. Социализму, так или иначе, надо считаться с буржуазным обществом, и Плокбой первый провел последовательно мысль, что надо пойти дальше буржуазного общества, вместо того, чтобы возвращаться назад. Но экономически это было достижимо лишь при помощи организованного в больших размерах к о о п е р а т и в н о г о т о в а р и щ е с т в а. По нашему мнению Плокбой был провозвестником (он писал в 1659 году) поворота от христианского и утопического коммунизма к современной идее о товариществе. Во что бы не превратилась эта идея, в историческом смысле провозглашение ее являлось важным шагом, заслугой, которая безусловно достойна быть отмеченной.

V. Джон Беллерс, адвокат бедных.

1. „College of Industry“.

Все историки, знакомые с социальными условиями Англии в XVIII веке, единогласно признают, что положение беднейших классов, особенно сельских рабочих, с падения республики (1660 год), до конца этого столетия, было постоянно самым плачевным. При реставрированной монархии законодательство, поскольку оно касалось хозяйственной жизни нации, было безусловно классовым законодательством в пользу крупных лэнд-лордов, а революция 1688 года расширила только влияние коммерческих классов на правительство, на ряду с земельной аристократией. Лэнд-лорды выступали представителями как своих собственных интересов, так и интересов коммерсантов. Для трудящихся классов их господство влекло у х у д ш е н и е положения на долгое время. Что не успели сделать Стюарты в интересах имущих, то старались наверстать теперь.

*) См. об этом весьма поучительные рассуждения Каутского в I томе этой книги.

К упомянутым уже выше (в десятой главе) привилегиям, данным лэнд-лордам при Карле II, в 1677 году прибавился закон, согласно которому все долгосрочные аренды, относительно которых не мог быть представлен документальный договор, были об'явлены краткосрочными; но такие договоры существовали только в очень редких случаях. Отчасти договоры никогда не попадали в руки крестьян, отчасти же арендные отношения основывались на передаваемых от отца к сыну юридических отношениях, восходящих еще к феодальной эпохе. В обоих этих случаях, да и во многих других, мелкие крестьяне и арендаторы не в состоянии были добиться перед судом признания законности своих арендных прав. Таким образом была дана возможность превращать земельные отношения, при которых мелкие арендаторы еще могли бы существовать, в такие, при которых они должны были бы работать и жить хуже скота или уступить место арендатору капиталисту. За то на ряду с пошлинами на ввоз зерна, были установлены премии за вывоз его, для того, чтобы улучшение в обработке почвы не вызвало понижения цен на хлеб. Ухудшению положения мелких крестьян и сельских рабочих способствовало, далее, огораживание, т.-е. захват лесов, болот и пустырей лэнд-лордами. В прежнее время крестьяне и сельские рабочие, по свидетельству многих авторов, в том числе и Маколея, покрывали свою потребность в мясе главным образом пойманной или убитой дичью, и продажа дичи доставляла им некоторый побочный заработок. С царствования Иакова I им это тоже стали постепенно запрещать, причем издание закона в этом направлении мотивировалось между прочим тем, что охота способствует ничегонеделанью, иными словами, дает возможность уклоняться от каторжного труда в пользу землевладельца.

Расцвет торговли и рост денежных доходов имущих классов, о котором с таким восторгом писали *) в конце XVII столетия экономисты, как напр. Вильям Петти, Джошуа Чайльд и др., лишь для весьма незначительной части трудящихся классов принес облегчение, положение же масс он, наоборот, ухудшил. Между тем как цены и прибыль сильно возросли, заработная плата насильственно удерживалась на низком уровне, благодаря устанавливаемым судьями таксам. Об этом свидетельствуют многие документы, которые были отысканы, главным образом, благодаря трудам Торольда Роджерса, но если бы даже не было их, то достаточно было бы того факта, что недельное жалованье рядовых солдат, доходившее во время кромвелевской республики до 7 шиллингов 6 пенсов, в 1865 году упало до 4 шиллингов 8 пенсов **). Если люди шли за такую цену на военную службу, то очевидно общее положение рабочих ухудшилось; заработная плата упала настолько, что в сельских округах и в домашней промышленности приходилось ее дополнять вспомоществованиями из капиталов для бедных. Налоги в пользу бедных достигли неслыханной высоты: общая сумма их составляла более трети государственного бюджета. Чарльз Давенан считал, что в 1696 году бедные и нищие составляли почти четверть всего населения; неудивительно, что все стали заниматься вопросом, как изменить такой порядок вещей. Возникла целая литература о бедных и способах помощи им ***).

*) Чайльд, между прочим, констатировал, что в 1688 году в деятельности лондонской биржи принимало участие больше людей, обладающих 10000 ф. стер. состояния или дохода, чем в 1651 году людей с 1000 ф. ст. состояния, и что в то время приданое в 2000 ф. ст. считалось не таким большим, каким за 60 лет до того считалось приданое в 500 ф. ст.

**) Macaulay, History of England etc., I ч. гл. III. Маколей приводит еще несколько примеров низкого уровня заработной платы в то время. В Норвиче заработная плата ткачей упала до 6 пенсов в день.

***) Библиографию этой литературы до конца XVIII столетия дает сэр Fr. Eden в State of the Poor, 1799.

Во всей этой литературе можно проследить два существенно-различные воззрения, конечно, не везде обнаруживающиеся с одинаковой яркостью; одно из них исходит из точки зрения буржуазных классов и ищет средства избавиться от бедных; другое имеет в виду уничтожение бедности ради самих бедняков и более или менее определенно стремится к лучшей организации всего общества. Типичным или классическим представителем первого направления следует признать Джона Лока, знаменитого философа-сенсуалиста *). Другое филантропически-социалистическое, или, если угодно, гуманитарное направление имело своим лучшим и наиболее последовательным представителем квакера, Джона Беллерса **).

Джон Беллерс родился в 1654 году и был сыном состоятельных родителей. Будучи сам квакером, он, согласно чуть ли не обязательным постановлениям друзей о браке, женился на дочери квакера и таким образом сделался одним из совладельцев (Lord of the Manor) Кольд Ольдвайна в Глочестершире. Благодаря своей принадлежности к секте, которая тогда еще считалась опальной, Беллерс не мог сделать политической карьеры, поэтому он предался научным занятиям и филантропической деятельности. В его биографии в Dictionary of National Biography» говорится, что он «всегда был занят филантропическими планами». В числе его друзей были: Вильям Пен, знаменитый основатель Пенсильвании, а также врач и естествоиспытатель Ганс Слоон, значительное пожертвование которого положило основание учреждению Британского музея. Несмотря на свое несколько слабое телосложение и частые недомогания, Беллерс, дожил до 71 года и умер в 1725 году. Беллерс был одним из лучших людей своей эпохи, и, по выражению Маркса, «истинным феноменом в истории политической экономии» ***).

Первое интересующее нас здесь сочинение Беллерса написано в 1695 году, в один из семи последовавших друг за другом голодных годов, пресловутых «семи голодных годов», которые в конце XVII столетия посетили английский рабочий класс и довели платежеспособность ра-

---

*) «Джон Лок, который был представителем новой буржуазии во всех формах: предпринимателей против бедняков, коммерсантов против старомодных ростовщиков, финансовой аристократии против государственных должников, и который в особенном труде указывал на буржуазный ум, как на нормальный человеческий ум»... Карл Маркс, Критика некоторых положений политической экономии (Zur kritik etc.) M. 1896 г., перевод И. П. Румянцева, стр. 52. Тот, кто прочтет мнение Лока о занятиях для бедных, высказанное им в 1705 году, убедится в верности этой характеристики. Отчет, в котором было высказано мнение Лока, напечатан в „Report on Agencies and methods for Dealing with the Unemployed, изданном Board of Trade, Лондон, 1893 г.

**) Мы намеренно подчеркиваем «лучшим и наиболее последовательным», так как Беллерс не представлял собой единичного явления. Беллерс только в законченной форме выразил идеи, воодушевлявшие целое поколение писателей филантропов, и дал этим идеям лучшее обоснование. Даже Вильям Петти, которого нельзя причислить к этим писателям, писал в защиту безработных: «Лучше при случае сжечь работу тысячи людей, чем дать этой тысяче людей возможность потерять, благодаря безработице, свою работоспособность». В другом месте он же говорит: «А тем, кто вследствие неравномерного применения труда в земледелии, не могут найти работы, хотя они могли бы и хотели бы работать, власти и лэндлорды должны давать содержание, пока они не найдут работы, ибо в стране, в которой имеется столько годной под обработку, но не обработанной земли, как Англии, нищие не представляют собой неизбежного явления». (Essays on mankind, I.) Только незнакомством с литературой такого рода можно об'яснить замечание Лассаля, что гуманитарная школа в политической экономии составляет достояние Франции, которая может гордиться ею перед Англией. (Bastiat-Slhulze, Gezammtausgabe III, стр. 206).

***) Маркс, «Капитал», I т., 2 изд., стр. 515. Кроме того Маркс цитирует Беллерса на стр. 112, 120, 127, 334, 449 и 504 первого тома и на стр. 270 третьего тома «Капитала».

бочих до чрезвычайно низкого уровня. Буквальный перевод заглавия написанного Беллерсом трактата таков: «Проект учреждения рабочего колледжа всех полезных ремесл и сельского хозяйства», в сущности же Беллерс имел в виду рабочую колонию или товарищество рабочих. Беллерс в двух местах трактата поясняет, почему он выбрал название «College of Industry» *). «Лучше было бы назвать его колледжем, чем рабочим домом («Workhus»), потому что колледж звучит приятнее, и затем потому, что в нем могут быть преподаваемы всевозможные полезные предметы», писал Беллерс на стр. 11. В заключительной главе, где он разбирает возражения, которые может встретить его проект, он говорит, что «Workhus» слишком отдает «Bridewell'ем», тогдашним исправительным заведением. Но название община—«community» также не подходит, так как не все в ней общее. Название этого учреждения колледжем служит указанием на то, что пребывание в нем добровольно. Беллерс отлично сознает двойственный характер своего проекта и ясно дает понять, что его заставили не пойти дальше чисто практические соображения. С истинною квакерскою откровенностью, к которой присоединяется известный юмор, нередко проглядывающий в его сочинениях, Беллерс отвечает на вопрос, почему бедные, т.-е. рабочие не будут пользоваться всем доходом от колледжа: «Потому что богатые совершенно не в состоянии жить иначе, как на счет труда других, лэнд-лорды живут трудами своих арендаторов, а купцы и промышленники—трудом своих рабочих». В этих словах выражается впрочем и теоретический взгляд Беллерса. Однако, кроме высказанного выше нелестного для богачей соображения, у Беллерса есть еще и другие причины желать, чтобы колледж давал доход. Для того, чтобы устроить его на достаточно широкую ногу, необходимо много денег, а между тем «1000 фунтов легче достать для дела, дающего доход, чем 100 фунтов для благотворительных целей». Чем больше денег вложено в какое нибудь предприятие, тем больше шансов есть на то, что люди будут заботиться о его преуспевании и тем больше будут заинтересованы в нем. Чисто благотворительных учреждений колледж не должен быть уже из-за того, чтобы рабочий, вступающий в него, имел на него право. Комфортабельная жизнь в колледже должна являться «уплатой долга богачей рабочему, а не актом благотворительности»; только излишек, остающийся после оплаты всех расходов по содержанию членов колледжа, может считаться доходом на капитал общества.

Беллерс считает, что для учреждения колонии из трехсот работоспособных лиц, нужен капитал в 15.000 фунтов стерлингов в том случае, если земля и проч. будут не арендованы, но куплены, что безусловно предпочтительнее (он делает следующий расчет: 10.000 фунтов стерлингов за землю, 2.000 за скот и разные запасы и 3.000 фунтов стерлингов на сооружение мастерских, приобретение инструментов и т. под. и для промышленных работ). Минимальный взнос 25 фун. стерл.; взнос 50 фун.

---

*) Полное заглавие по-английски следующее: „Preposals for Raisinga Colledge of Jndustry all usefull Trades and Husbandry with Profit for the Rich, a plentiful living for the Poor and a good edikation for Vouth, which will be advantage to the government by the Increase of the People and their Riches. Motto: Industry brings Plenty.—The Sluggarb shall be cloathed with Raggs. He that will not work shall not eat. (Перевод: Проект учреждения рабочего колледжа всех полезных ремесл и сельского хозяйства, который даст богатым прибыль, бедным достаточные средства к жизни, а юношеству хорошее воспитание и который, благодаря увеличению народонаселения и его богатства, будет доставлять выгоду правительству. Девиз: Труд приносит изобилие.—Бездельник должен ходить в лохмотьях; кто не работает, тот не должен и есть).

стерлингов дает право совещательного голоса, однако, никто, сколько бы он ни внес, не должен иметь больше пяти голосов.

Рабочее население колледжа Беллерс, сообразно со средствами последнего, распределяет следующим образом:

44 промышленных рабочих (ремесленников и т. д.), в том числе один надзиратель и один заменяющий его;

82 женщины и девушки, которые выполняют всевозможные домашние работы (между прочим пряденье и т. под.) и кроме того ведут молочное хозяйство;

24 полевых рабочих (мужчин и мальчиков), в том числе управляющий с женой;

всего 150 человек, работа которых удовлетворяет все потребности колледжа, 10 человек оплачивают своим трудом необходимые топливо, железо и т. д., 5 человек плату за наем помещений, а 35 человек—арендную плату. Если аренды не приходится платить, то продукт труда последних тридцати пяти человек прибавляется к продукту труда остальных 100 человек, который и составляет прибыль предприятия. Таким образом прибыль, даже если земля будет арендованная, составит 1.000 фунтов стерлингов, принимая ценность годового продукта каждого рабочего равной 10 фунтам. Беллерс, впрочем, считает, что средняя годовая производительность каждого рабочего равняется 15 фунтов стерлингов.

К такому определению излишка продуктов, который соответствует уровню прибавочной стоимости в 45 процентов (300 : 135), Беллерс, по его собственным словам, пришел, благодаря «сравнению с нацией», ибо «я полагаю, что не больше двух третей, а быть может даже половина нации выполняет полезную работу, и все-таки все имеют возможность существовать». Далее, колледж может дать массу хозяйственных выгод; получились бы с б е р е ж е н ь я: не было бы расходов на м а г а з и н ы, на содержание п о с р е д н и к о в и других бесполезных лиц; не было бы расхода на н а е м а д в о к а т о в, на н е в ы г о д н ы е д о л г и и т. д. Расходы на ж и л и щ а, т о п л и в о, и з г о т о в л е н и е п и щ и и п о к у п к у с'е с т н ы х п р и п а с о в уменьшились бы. Продукты с небольшим из'яном не приходилось бы бросать, но можно было бы употреблять в собственном хозяйстве. Многие женщины и дети были бы заняты п р о и з в о д и т е л ь н ы м трудом, и сверх того можно было бы избегнуть значительной п о т е р и в р е м е н и при периодической безработице. Далее выгодно также для колледжа соединение промышленности и земледелия. Поля, которые пришлись бы на долю промышленного населения, обрабатывались бы лучше, чем обыкновенно теперь обрабатываются поля ремесленников, потому что колледж держал бы больше скота, а благодаря этому лучше удобрял бы землю и вообще имел бы возможность вести более рациональное хозяйство. Очень удобно то, что во время уборки урожая к сельскохозяйственным работам могут быть привлечены не только полевые рабочие, но также ремесленники и проч. и что вообще рабочие силы могут быть распределены сообразно необходимости.

Наряду с устранением п о с р е д н и ч е с т в а и излишних расходов, которые вызываются отделением з е м л е д е л и я от м а н у ф а к т у р ы (к этой теме Беллерс возвращается еще и в другом месте) для колледжа представит также выгоду у с т р а н е н и е с п е к у л я ц и и. Колледж производит главным образом для с о б с т в е н н о г о п о т р е б л е н и я; все, что не идет в употребление,по мере возможности должно поступать в з а п а с или расходоваться на р а с ш и р е н и е и у с о в е р ш е н с т в о в а н и е п р е д п р и я т и я. Ежегодно должен производиться подсчет прибыли, и последняя должна распределяться между акционерами сообразно с их взносами. Акционеры, по своему усмотрению, могут либо получить свою долю прибыли, либо присоединить ее к первоначаль-

ному взносу. Однако, заводить в целях спекуляции торговлю паями— «stock gobbing»—воспрещается, так как спекуляция «портит всякое хорошее дело»; если кте либо пожелает продать свой пай, то другие пайщики имеют право выбрать по большинству голосов покупателя, который приобретает права прежнего пайщика, причем мерилом ценности пая служит последняя оценка предприятия. О прибыли, впрочем, может быть речь в том случае, если рабочие в колледже будут уже вполне хорошо обставлены; это должно делаться в противоположность тому, что делается в обыденной жизни, где «промышленники стараются отнять один у другого все, что только можно», и вследствие этого «понижают уровень потребностей рабочего и не заботятся о том, что последний мало получает, а лишь о том, чтобы самим получить как можно больше».

Рабочие в колледже должны соблюдать установленное рабочее время, пока они находятся в цвете сил; по мере приближения старости, они постепенно начинают работать все меньше, «а по достижении шестидесятилетнего возраста они могут быть назначены надсмотрщиками (если не были назначены ими раньше за особые заслуги). В смысле легкости работы и приятности жизни, должность надсмотрщика даст то же, что могут дать накопленные в кармане частного лица богатства».

Правила работы должны быть составлены по образцу правил, существующих в Лондоне для наилучше обставленных «учеников» («prentices»)

Замечательны также следующие установления колледжа:

Руководители отдельных отраслей производства и другие должностные лица (надзиратели), подобно простым рабочим, не должны получать денежного вознаграждения, а только соответственное содержание натурой.

Жилые помещения колледжа состоят из четырех флигелей: один предназначается для женатых людей, другой для холостых молодых людей и мальчиков, третий для незамужних женщин и девочек, наконец четвертый для больных и стариков. За трапезами, которые должны быть общими, услуживает молодежь (мальчики и девочки поочередно).

Мастерские также должны быть отдельные. Молодые люди до 24 лет и девушки до 21 года считаются в колледже «учениками»; достигнув этого возраста, они могут, по желанию, покинуть колледж или вступить в брак.

Вначале особенное внимание должно быть обращено на привлечение известного числа дельных работников, которые могли бы подавать хороший пример; остальной контингент могуть составить ученики. Начинать следует с молодежи; «старые люди,—говорится в предисловии,—подобны глиняной посуде: их нелегко переделать; дети же больше похожи на свежую глину, только что взятую из ямы». Если, поэтому, бедные вначале окажутся неуступчивыми, то богатые (давшие деньги на колледж) не должны терять терпения. «За семь, в крайнем случае за четырнадцать лет может подрасти молодежь, для которой такая жизнь покажется более естественной».

Большое значение придается преподаванию, и не только предметам преподавания, но и способам его. В нем должны соединяться труд и обучение, оно должно действовать больше наглядным способом, чем словами, больше практическими упражнениями и опытом, нежели заучиванием правил. Если дети будут читать для собственного поучения, то будет лучше, если они станут читать сообща. «Когда дети друг другу читают вслух и ведут между собою разговоры, это производит гораздо более глу-

бокое впечатление, чем чтение про себя, подобно тому, как мы дольше сохраняем в памяти голос человека, чем лицо его» (стр. 15).

Состоятельные люди могут, за известную плату, поступать в колледж пансионерами, но лишь под условием добропорядочного поведения. Колледж также будет принимать, за известную плату, на воспитание и обучение детей состоятельных родителей; для этих детей соединение труда с преподаванием также окажется чрезвычайно полезным. «Видя, что другие работают, они в свободное время, вместо того, чтобы играть, будут обучаться какому-нибудь ремеслу, потому что труд утомляет не больше, чем игра. Глядя на работу других, дети также развлекаются, подражая им как и во время игры». Развитие физической силы и ловкости также важно для богатых, как и для бедных, для ученых, так же, как и для ремесленников. «Обучение, не связанное с физическим трудом, не многим лучше, чем обучение безделью... физический труд установлен богом... труд также необходим для здоровья тела, как еда для правильного функционированья последнего; страдания, которые человек старается избегнуть, уклоняясь от работы, ему впоследствии придется переживать благодаря дряхлости («for what pains a man saves by Ease, he will find in Disease»)... физический труд дает светильнику жизни новое масло, когда мысль зажигает его», одна только мысль скоро истощила бы его... и труд должен быть целесообразным, а не только утомляющим тело. «Ребячески глупое занятие отупляет детский ум» *).

Колледж, разумеется, должен иметь порядочную библиотеку, сад для разведения лекарственных растений, лабораторию для приготовления лекарств и т. п.

Беллерс говорит, что при рассчете рабочих сил колледжа, он выбрал число 300 лишь для того, чтобы наглядно показать отношение между необходимым и прибавочным трудом. Колледж может быть гораздо больше; в нем может быть до 3000 членов, особенно в тех округах, где изготовляются продукты для вывоза; к тому же колледжу нет надобности ограничиваться перечисленными ремеслами; в него могли бы даже вступить и воспользоваться его преимуществами моряки, если бы они согласились предоставлять ему свои товары или выручку от продажи их **). Одним, словом, колледж должен был представлять собой мир в миниатюре,—«an epitomy of the world».

«Какие бы превратности судьбы не постигли устроенный таким образом колледж, все же его можно будет уничтожить, только уничтожив всех членов его. Если бы его разграбили, то достаточно было бы двенадцати месяцев, чтобы он снова был восстановлен, подобно траве, которая, будучи скошена, на следующий год снова вырастает. Труд, также как и земля, дает продукты, и когда люди об'единены, то они помогают друг другу, когда же каждый живет сам по себе, то они, если не грабят друг друга явно, все-таки не приносят пользы».

---

*) Последние положения те самые, которые Маркс цитирует в «Капитале» в том месте, где он говорит, что «завоевание политической власти рабочим классом дает также в школах для детей рабочих место практическому и теоретическому техническому образованию». (Капитал, т. I, стр. 515). По поводу этих-же положений Маркс замечает, что Беллерс «уже в конце XVII столетия с полной ясностью понимал необходимость упразднения современного воспитания и разделения труда, которое создает гипертрофию и атрофию на двух полюсах общества, хотя и в противоположном направлении». По поводу фразы «ребячески глупое занятие» и т. д. Маркс замечает: «...пророческая вылазка против Базедова и его современных подражателей».

**) «И далее следовало бы устроить несколько колледжей на берегу моря, чтобы они могли служить рассадниками наилучших способов успешной рыбной ловли»,—говорится во втором издании «Proposals».

Первое издание «Proposals» Беллерс посвятил своим единомышленникам, «друзьям света, которых в насмешку называют квакерами». «Мысль о вашей чрезвычайной подвижности и энергичном участии во всех делах этой жизни, о вашей обширной благотворительности, выразившейся в поддержке ваших, а также и других бедных, мысль о вашей общепризнанной нравственности и о вашей религиозной искренности, известной господу богу, заставила меня посвятить эти предложения вам для серьезного обсуждения; ибо я считаю вас в то же время очень хорошо организованной корпорацией, у которой может появиться желание осуществить такое предприятие и которая способна сделать это. Я часто думал о нищете бедных нашей нации, при чем я смотрел на них, как на сокровищницу последней, ибо труд бедных является золотым рудником для богатых, гораздо более ценным, чем рудники, которыми обладает Испания; и при этом меня обуревали мысли, почему бедные являются такою обузою, почему они должны быть такими несчастными, и можно ли это изменить. Я держусь взгляда, что дать бедным возможность обеспечить свою жизнь честным трудом гораздо благодетельнее, чем поддерживать их в состоянии бездеятельности, подобно тому, как было бы гораздо большим благодеянием вылечить сломанную ногу человека, чтобы он мог сам ходить, чем носить его на руках».

За посвящением следует введение, в котором излагаются социально-экономические принципы Беллерса.

«Богатые в своих собственных интересах,—так начинается вступление,—должны заботиться о бедных и о их воспитании, ибо таким образом они будут заботиться о своих собственных наследниках». Это рассуждение касается необеспеченности существования отдельных лиц в обществе. Подобно тому, как целые государства иногда разрушаются революцией, так гибнут и отдельные личности, ибо все подвержены превратностям судьбы. Есть много бедных, предки которых были богатыми, и наоборот. Далее Беллерс рекомендует исследовать, какой процент жителей Лондона местные уроженцы.

Но Беллерс знает, что указанием на заботу о потомстве он не достигнет особого успеха у богачей, поэтому он старается прельстить их непосредственной выгодой, прибылью от «колледжа». Предприятие, приносящее прибыль, привлекает больше капиталов, прочнее, и поэтому может сделать больше добра. Чем сок является для дерева, тем прибыль служит каждому предприятию; она дает ему возможность развиваться и существовать.—Как видно, Беллерс вовсе не был мечтателем; он ясно понимал дух своей эпохи и в этом отношении стоял впереди всех современных ему мыслителей.

Соображения о прибыли заставляют богатых заботиться о бедных *). «Если бы у кого-нибудь было 100.000 акров земли, столько же фунтов стерлингов денег и столько же скота, но ни одного рабочего, то этот богатый человек был не что иное, как рабочий **). Таким образом богатых будет тем больше, чем больше имеется на-лицо рабочих, пока только будет достаточно земли для того, чтобы доставить им работу и необходимую для поддержания жизни пищу». Поэтому богатые заинтересованы в том, чтобы честные рабочие вступали в брак, как только достигнут зрелого возраста (стр. 2).

«Не странно ли видеть,—восклицает Беллерс,—как свет заботится о производстве хлеба и скота, которые, ведь, предназначены только для

*) Бедными он называет всех, кто добывает себе пропитание трудом или нищенством.

**) Ср. с этим заявлением слова Винстэнли во введении к его Утопии.

нужд людей, и как мало он заботится о размножении самих людей или. вернее, как он старается препятствовать этому размножению». «Размножение бедных,—писал Беллерс за сто лет до Мальтуса,—является не обузой, но выгодой, ибо, вместе с числом бедных, увеличивается также и количество средств для их поддержания».

Меркантильная или коммерческая система, более или менее талантливыми представителями которой в Англии в XVII столетии были Томас Мэн, Джошуа Чайльд, Чарльз Давенан и другие, как известно, являлась кажущимся освобождением от предшествовавшего ей культа благородных металлов, так называемой монетарной системы, практическим выражением которой было воспрещение вывоза золота и серебра, вернее было бы сказать, что монетарная система была теоретическим выражением действительности, соответствовавшей тому состоянию общества, при котором еще преобладало феодальное хозяйство. При феодальном хозяйстве вся внешняя торговля, в самом деле, заключалась почти исключительно в обмене излишка местных продуктов на иностранные. По мере разложения феодальных хозяйств и распространения денежного хозяйства внутри самих наций, внешняя торговля утрачивает черты первобытной меновой торговли и все более и более принимает характер купли и продажи. Поэтому запрещение вывозить деньги является для нее весьма чувствительным стеснением, и защитники ее борются против последнего, ссылаясь на то, что важны не отдельные фазисы операции, но конечный результат. Лучше всех устраивается тот, кто в конечном результате получает прибыль. В применении к целой стране нужно, чтобы торговля ее с другими нациями в конце концов дала благоприятный для нее баланс (теория торгового баланса); тогда вывезенные деньги вернутся с процентами и даже с процентами на проценты, подобно тому, как возвращается во время уборки высеянное зерно *). Не трудно понять, что эта теория, в сущности, заключает в себе еще гораздо больший культ денег, чем монетарная система, и в сущности, она действительно основывается на более широком господстве денег. Эта теория—суеверие, принявшее рационалистическую окраску. Однако, в тех случаях, когда она выступает против монетарной системы или, точнее, против монетарной политики, она подчеркивает важное значение производства—труда—для достижения благоприятного торгового баланса и провозглашает таможенную систему, рассчитанную на расширение производства—на развитие мануфактуры. Но этим подчеркиванием производительного труда, как источника богатства, меркантильная система и в самом деле пролагает путь идее освобождения от денег. В 1662 году Вильям Петти сводил ценность товаров к заключающемуся в них труду, а Беллерс был первым социалистом, который дал этой мысли практическое применение, т.-е. старался теоретически обосновать свою вражду к деньгам, которую он разделял со всеми коммунистами.

«Этот колледж-товарищество («colledge-fellowship»),—пишет он, сделает мерилом («standard»), с помощью которого будут оцениваться все предметы потребления («necessaries»), труд, а не деньги, и хотя деньги представляют некоторое удобство в обыденной жизни и, в виду недостатка доверия между людьми, являются своего рода залогом, все же они вызывают некоторые дурные последствия, и спаситель наш назвал их демоном бесчестности. Большинство мошенничеств и обманов без помощи денег совершались бы только крайне медленно. Затем, когда люди в своих деловых сношениях вполне зависят от денег, они при не-

*) Это сравнение употребляет Томас Мен в своем сочинении «Englands Treasure by foreign Trade».

достатке или обесценении последних, разоряются, и бедные (рабочие) остаются праздными, потому что у богатых нет средств дать им работу, хотя на-лицо имеются та же земля и те же руки, которые и прежде доставляли и средства к жизни, и одежду. Но они именно составляют истинное богатство нации, а не деньги, которыми она обладает, если мы не хотим так называть стеклянные бусы и блестки на том основании, что в Гвинее мы можем получить за них золото» (стр. 3). Деньги, по мнению Беллерса, так же не нужны стране, где царят нормальные порядки, как не нужен здоровому телу костыль.

«В настоящее время нередко и земледелец, и ремесленник погибают, несмотря на то, что первый получил хороший урожай, а второй изготовил много товаров. Когда мерилом являются деньги, а не труд, тогда земледельцу приходится постоянно платить одну и ту же ренту, хотя бы урожай его прежде имел вдвое большую ценность. Промышленнику (ремесленнику) живется не лучше, ибо содержит его не тот, кто нуждается в его товаре, а тот, кто может заплатить за него деньги, и нередко ему приходится брать деньгами половину той цены, которую другой, не имеющий денег, дал бы ему в виде труда» (стр. 12 и 13).

В заключение Беллерс рассматривает целый ряд возражений, которые могли быть сделаны против его проекта. Мы уже привели некоторые из них, и здесь приведем еще несколько наиболее характерных для миросозерцания Беллерса.

На возражение о трудности предприятия Беллерс отвечает, что невозможное для отдельного лица вполне возможно при совместной деятельности многих. При этом он приводит пример, цитированный Марксом в «Капитале» (т. I, стр. 258, изд. Поповой): «В то время, как один человек не может поднять тяжести весом в целую тонну, а 10 человек должны напрягать для этого все свои силы,—сто человек сделают это, действуя каждый лишь один пальцем».

Нужды в колледже нечего опасаться, так как в нем не будет соблазна продавать запасы для накопления денег. «Редко бывают неурожайные годы, которым не предшествовали бы годы изобилия» (стр. 20).

На вопрос, захотят ли примкнуть к колледжу лучше оплачиваемые рабочие в виду того, что колледж дает им только одно содержание, Беллерс отвечает:

Колледж дает гораздо больше, чем одно только содержание, ибо он снимает со своих членов заботу о детях, о болезнях и т. д.*). К тому же, за работу, превышающую среднюю норму, можно назначить особое вознаграждение. Кроме того, не все бедные так глупы, как пресловутая испанская нищая, которая не хотела позволить своему сыну поступить на службу к англичанину, потому что, благодаря этому, он потерял бы шансы сделаться в Испании королем. «Ибо, хотя иные бедняки и сколотили себе некоторое состояние, но гораздо больше их обнищало».

«Не будет ли тягостно для обитателей колледжа их обособленное положение?

Обособленность вовсе не должна быть абсолютной, и должна только оставаться в пределах, обусловленных надобностями хорошего управления

*) «От бедности они перейдут к богатству, ибо они будут пользоваться всем, что нужно человеку и в здоровом, и в болезненном состоянии, и холостому человеку, и женатому с детьми. Когда родители умрут, дети будут тщательно воспитаны, их предохранят от нищеты и будут поощрять к вступлению в брак, между тем как теперь их от этого удерживают». В колледже не надо будет бояться ни конкуренции, ни справедливости, и все эти выгоды будут оплачиваться «незначительным количеством ежедневного труда».

колледжем. И «я думаю, что изобилие во всем и удобства с избытком вознаградят за суровость некоторых правил колледжа».

Свое предложение относительно различия в одежде (см. стр. 294) Беллерс оправдывает замечанием, что оно соответствует только различиям уже существующим. Вероятно, Беллерс своим предложением хотел только сделать уступку более состоятельным классам, которые желательно было привлечь к делу. Впрочем, предписание одинаковой одежды было бы во всяком случае еще хуже.

Как ни старался Беллерс доказать рациональность своего предложения, все же оно, повидимому, не встретило ожидаемой или, по крайней мере, достаточной поддержки со стороны «детей света». Быть может просто не доставало средств, так как кассы квакеров несли в это время очень большие расходы *). Как бы то ни было, но уже в следующем 1696 году Беллерс выпустил второе издание Proposals, посвященное уже не квакерам, а обеим палатам парламента и «тем, кто думает и заботится об общем благе». Парламенту предлагается рассмотреть заключающиеся в этом сочинении предложения и осуществить их на пользу нации. Затем высказывается пожелание, чтобы сочинение это побудило парламент дать обществам, которые организуются согласно его проекту, некоторые привилегии: при этом Беллерс оговаривается, что он вовсе не хочет получить для них монополии; если другие лица пожелают осуществить аналогичные, или несколько измененные планы, то их следует только поощрять. «Тем, кто думает и т. д.», предлагается направлять взносы и подписку на предлагаемое учреждение двум гражданам Сити, названным по имени; один из них был купец, другой адвокат. Вообще же второе издание мало отличается от первого. Оборотный капитал в нем назначен больший, чем в первом: сверх 15.000 фунтов стерлингов на землю, скот и материал, 3.000 фунтов предназначаются на постройки. Размеры паев также увеличены. Затем рассматривается новое возражение, что колледж будет развивать леность и тунеядство, а в заключение, в отдельном воззвании к друзьям и читателям, их просят сообщить о подходящих для колледжа участках земли и т. под. Каких-нибудь принципиальных изменений в плане и мотивировке во втором издании нет.

Заслуживают внимания во втором издании следующие добавления: «Я думаю, что праздные в настоящее время руки нации в состоянии изготовить множество пищевых продуктов и мануфактурных товаров, которые дали бы Англии такое же богатство, какое дают Испании рудники, если бы эти предметы потребления были посланы за границу, конечно, в том случае, если бы это сочли более соответствующим интересам нации, вместо того, чтобы дать возможность, при помощи этих продуктов, прокормиться большему количеству людей на родине, что я считаю наиболее целесообразным способом для повышения ценности земли в Англии: ибо именно большее количество народонаселения приводит к тому, что земля в Европе дороже, чем в Америке, и в Голландии (дороже), чем в Ирландии»... Он—т. е. колледж—«скорее светское (civil) сообщество, нежели религиозное».

*) В приложении к одному сочинению Беллерса, изданному в 1697 году и обращающемуся опять специально к квакерам, имеется подписанное 45 единомышленниками воззвание к «друзьям», приглашающее сделать попытку учреждения подобного «колледжа». В числе подписавшихся встречаются имена Вильяма Пенна, Роберта Беркли, Томаса Эльвуда и Джона Годгскина. Это сочинение: «An Epistle to Friends concerning the education of Children»—представляющее собою увещание, направленное по адресу друзей и приглашающее их воспитывать детей в духе Proposals, находится в библиотеке лондонского центрального учреждения квакеров.

Роберт Оуэн рассказывает в своей недоконченной автобиографии, что около 1817 года известный Френсис Плэс, разбирая свою библиотеку и выбирая из нее неимеющий никакой цены старый книжный хлам, натолкнулся на экземпляр именно этого издания и сейчас же принес его Оуэну со словами: «Я сделал важное открытие; я нашел труд, который полтораста лет назад защищал ваши социальные теории». Оуэн выпросил себе памфлет и обещал Плэсу, что он издаст его в тысяче экземпляров для раздачи публике, и заявит, что заслуга первоначальной разработки идеи принадлежит автору памфлета, «хотя эта идея явилась у меня плодом привычки наблюдать и обдумывать факты и определять, насколько ими можно воспользоваться для обыденной жизни». (Life, etc, стр. 240).

Оуэн сдержал слово, и таким образом Беллерс, которого, впрочем, и Фр. Эден цитирует в своем «State of the Poor», сделался известен в широких кругах того времени. Потом он снова был забыт, и только Маркс вновь указал его место в истории политической экономии и социализма, цитируя как «Proposals», так и другое важнейшее сочинение Беллерса, «Essays».

б) «Опыты (Essays) и прочие сочинения Беллерса».

Приходится предположить, что и широкая публика не высказала достаточно интереса к предложениям Беллерса, и что против них были выставлены новые возражения и новые сомнения. Во всяком случае Беллерс, в 1699 году опубликовал новое сочинение, в котором трактуются, главным образом, изложенные в «Proposals» взгляды. Сочинение это носило заглавие: «Опыты о бедных, о мануфактурах, о торговле и промышленности, о колониях и безнравственности и о божественности и совершенстве внутреннего просвещения» *). «Опыты» эти во многих отношениях замечательны и могут выдержать сравнение с лучшими местами «Proposals».

Сочинение начинается посвящением обеим палатам парламента, и в нем указывается на восстание ткачей в Лондоне, происходившее во время последней парламентской сессии. Если нуждающиеся рабочие одной только отрасли промышленности осмелились временно противиться парламенту, то чего можно ожидать, если голодная толпа проникнет в дома имущих? Пусть законодатели подумают об этом; денежными штрафами можно подействовать на имущих, физическими страданиями на здоровых—«но какими средствами хотите вы держать голодных в почтительном страхе?»

Затем следует краткое рассмотрение трех вопросов, касающихся учреждений, которые доставляли бы занятия здоровым трудоспособным рабочим. На вопрос о том, кому должна принадлежать инициатива в этом деле, государству или частным лицам, Беллерс высказывается в пользу последних. Государство, по его мнению, невыгодный предприниматель и плохой администратор. Государство должно заботиться только о лицах, совершенно потерявших работоспособность. На вопрос, не лучше ли было бы давать бедным занятие в отдельных, определенных отраслях труда, и не лучше ли давать им работу в отдельных хозяйствах, Беллерс отвечает уже известными нам аргументами в пользу общего хозяйства и в пользу комбинации различных отраслей труда и производства.

---

*) Essays about the Poor, Manufactures, Frade, Plantatios and Jmmorality and of the Excellency and Divinity of Inwarad ight»
На наружной стороне заглавного листа напечатаны 1—3 стихи 41 псалма, на внутренней же стороне отрывки из тронной речи Вильяма III, из сочинения верховного судьи Галя и из сочинения Джошуа Чайльда — «могущественнейшего короля, почтеннейшего судьи и богатейшего купца, каких когда-либо видела Англия». Во всех этих отрывках говорится о необходимости серьезно позаботиться о бедных.

Затем Беллерс рассматривает вопрос: «Каким образом можно лучше всего удовлетворить потребности бедных, увеличить силу нации и поднять национальное богатство». Бедные страдают от четырех зол: от дурного воспитания в детстве, от недостатка регулярной работы, от отсутствия постоянного сбыта для продуктов их труда и от недостатка питания, несоответствующего трудности выполняемой ими работы. Все это могут устранить колледжи или колонии, предложенные Беллерсом. В то же время они повысили бы «значительно» ценность земли высшего дворянства и джентри, населили бы пустынные теперь округа и противодействовали бы скученности населения, например, отвлекали бы излишек населения из Лондона, который безусловно «перенаселен», так как число его жителей составляет 10 процентов всего населения страны. «Нация может содержать лишь известное число дельцов и богачей, пропорциональное числу рабочих, которые трудятся для них».

Первый «Опыт» доказывает, что 500 трудящихся регулярно рабочих ежегодно могут создавать продуктов на 300 фунтов стерлингов больше, чем может стоить их содержание». Рассчет, доказывающий это положение, начинается замечанием, что человечество давно погибло бы, если бы производительный труд искони не создавал больше, чем стоит содержание рабочих. «Не больше двух третей населения, или семей Англии производят все необходимое, для удовлетворения своих потребностей и потребностей остальной части населения, и если бы последняя треть, т. е. нерабочие, потребляла не больше двух остальных третей, то половины трудящегося населения или семей было бы достаточно для того, чтобы снабдить нацию всем необходимым». Беллерс говорит, что против его бюджета можно возразить, что согласно ему, каждый рабочий в среднем должен зарабатывать около 16 пенсов, между тем, как в действительности многие, даже при самой усиленной работе, едва могут заработать 6 или 8 пенсов. Это совершенно верно, но дело в том, что остальные 8 или 10 пенсов из 16 просто попадают в карман землевладельца или торговца. «Ибо за него (продукт) покупатель обыкновенно платит вдвое дороже, чем получает изготовивший его рабочий». Большое различие между платою, которую получает производитель, и ценою товаров также вытекает из дурной общественной организации производства. «Величайшим несчастьем наших рабочих является то, что они изготовляют товары, когда последние никому не нужны», следовательно, при хорошей организации труда, можно было бы даже еще увеличить вознаграждение или сократить рабочее время, и все-таки колония приносила бы прибыль.

Второй «Опыт» имеет целью доказать, «что 500.000 бедных в состоянии создать для нации на 43.000.000 фунтов стерлингов ценностей». Доказательство основывается на вычислении прибавочного труда, который могут дать бедные, и который Беллерс капитализирует из 5 процентов, а также на указании на то, что их труд вызовет повышение ценности земли, не имевшей в то время почти никакой цены. Однако интереснее этих устарелых вычислений те положения, которые Беллерс выставляет в защиту своего постоянно повторяемого тезиса, что «увеличение регулярно работающего населения является величайшим богатством, честью и силой государства!»

«Земля, скот, дома, всякое имущество и деньги представляют собою только остов богатства, без населения, они мертвы. Человек является их душою и жизнью».

«Удвойте наше трудящееся население, и мы будем в состоянии содержать вдвое больше джентльменов и дворян, чем в настоящее время, или их имущество будет иметь вдвое большую цену. Но если бы было воз-

можно так страшно умножить наши дома и богатства (без одновременного увеличения народонаселения), чтобы беднейший человек сделался миллионером, то из числа этих богачей должны были бы сделаться водоносами, дровосеками, пахарями и молотильщиками столько же людей, сколько теперь у нас есть таких рабочих: иначе на нас тяготело бы проклятие Мидаса; мы умирали бы от голода в то время, когда руки наши были бы полны золота».

«Нам скажут, что иностранцы за деньги будут ввозить к нам свои произведения, но ведь это сделают их трудящиеся классы». А так как они подчинены чужому государю, то, пожалуй, в один прекрасный день сами захотят воспользоваться своей долей, и предпочтут явиться в Англию для того, чтобы грабить, вместо того, чтобы кормить англичан. Невозможно, чтобы число богатых увеличилось, если вместе с тем не увеличится число бедных рабочих. Где нет слуг, там нет и господ» (стр. 8).

Переходя к вопросу об организации труда, Беллерс указывает на увеличение числа нуждающихся бедных, благодаря изменчивости моды. Эта тема ему, как квакеру, была особенно близка. Зимою, говорит Беллерс, многие промышленные рабочие остаются без занятий, потому что торговцы и предприниматели ткачи не хотят тратить деньги прежде, чем узнают, какова будет мода. Весною же вдруг оказывается, что рабочих недостаточно, и тогда массами набираются ученики и подручные, земледелие лишается рабочих рук, и в город привозятся будущие нищие.

Мы не будем здесь касаться довольно интересного рассуждения на тему, что «дорогой хлеб вызывает дороговизну всех продуктов и разоряет торговлю», в которой предвосхищается почти все евангелие фритредеров, и обратимся прямо к беллерсовой критике торговли вообще и внешней торговли в частности.

В «Опыте о торговцах» он пишет: Купцы и торговцы *) являются для нации тем же, чем являются для больших семей управляющие, ключники и смотрители погребов. Таким образом они так же полезны, как хорошо организованное правительство. «Но так как торговцы приносят пользу только в качестве органов распределения, то богатство нации увеличивается, следовательно, исключительно благодаря труду бедных, и хотя в нации не может быть слишком много рабочих, пока имеется достаточно сырья, требующего обработки, все же в стране может быть слишком много торговцев в сравнении с числом рабочих» (стр. 10). Торговцы могут обогатиться в то время, когда нация, благодаря расточительности, обеднеет. Приведенный, как доказательство, пример относительно потребления вина, служит переходом к «Опыту о внешней торговле». Эта торговля, говорит Беллерс, также полезна, потому что ввозит в страну, между прочим, произведения искусства и такие предметы потребления, которые в самой стране не производятся. Но «разнузданная эпоха», при этом, в одежде и развлечениях может впасть в эксцессы, между тем как, в сущности, «ничто не обогащает нации, кроме того, что увеличивает население... Может возникнуть вопрос, какая часть шелковых тканей и вин, получаемых нами из Турции, Франции, Италии и Испании, является эквивалентом за более прочные и полезные сукна и пищевые продукты, которые мы ежегодно отдаем за них и имеют ли они такую же потребительную цену, как и последние. Предположим, что ежегодно мы посылаем в эти четыре страны на 400.000 фунтов стерлингов английских мануфактурных товаров; пусть ввоз оттуда дает торговцам и посредникам на 30 процентов больше; таким образом ценность ввоза будет равняться 520.000 фунтов стерлингов, которые приходятся на долю Англии. При этом возни-

*) Мелкие и крупные.

кает вопрос, не составляют ли первые 400.000 фунтов стерлингов, в сущности, расхода для нации, а не те 120.000 фунтов, которые получают торговцы и о которых можно предположить, что они увеличивают капитал нации. Затем имеется еще и другой вопрос: какая часть ввезенных продуктов употребляется разумно, и какая служит роскоши и излишествам».

«Когда мы посылаем на 100.000 фунтов стерлингов мануфактурных товаров в Германию и Голландию, то получаем, обыкновенно, в обмен на них полезные продукты. Во всяком случае возможно, что если бы дали занятие нашим безработным беднякам, то они изготовили бы большую часть нужных нам иностранных товаров.

«Но тогда наши фабриканты сукон, которые вывозят свои продукты в эти страны, будут недовольны новыми мануфактурами». Беллерс приводит в пример ланкаширских граждан, которые подали в парламент петицию о свободном ввозе фламандских кружев в Англию, для того. чтобы сами они имели возможность сбывать свои сукна во Фландрию. «Таким образом,—пишет Беллерс, разрешая в сущности вечный спор о свободной торговле и покровительственных пошлинах,—мы и теперь, и впредь, пока развитие наших мануфактур не будет соответствовать развитию нашего сельского хозяйства, будем уподобляться людям с вывихнутыми членами, которые постоянно стонут, на какую бы сторону мы их ни положили. По этой причине различные законы, созданные для оживления торговли, вызвали только внутреннюю войну между ремесленниками, ибо выгоды одного ремесла служат к разорению других» (стр. 101). «Опыт» заключается «щекотливым вопросом» («query»): «не способствуем ли мы обезлюдению нашей страны, заставляя своих соотечественников терпеть нужду в продуктах, вывозимых нами за границу в обмен на произведения, питающие роскошь и надменность других». «На 120.000 фунтов стерлингов ввозных товаров для одного только потребления—добавляет Беллерс в пояснении—получаемые в обмен на вывозные продукты ценностью в 100.000, в конечном счете нисколько не обогащают нации»).

Затем следует «Опыт о деньгах». Беллерс развивает в нем мысль, изложенную уже в предисловии к (Proposals). «Деньги,—говорится там,—наименее полезный из всех предметов, составляющих богатство. Земля и скот дают своему владельцу продукты, здания и мануфактурные произведения приносят пользу, пока ими владеешь; деньги же сами по себе не увеличиваются в количестве, и приносят пользу только в тот момент, когда выпускаешь их из рук»... Все деньги, которые составляют излишек над тем количеством их, которое необходимо для внутреннего обмена в королевстве или в нации, являются мертвым капиталом... Деньги имеют два свойства: они представляют собой залог за то, за что их дают, и в то же время меру и вес, с помощью которых мы измеряем и оцениваем все вещи, ибо они прочны и удобопереносимы. И все же, с тех пор, как в Англии имелась только двадцатая часть тех денег, какие имеются теперь, ценность их, в сравнении со всеми остальными предметами, изменилась гораздо больше, чем относительная ценность этих предметов между собою... Ибо триста лет тому назад овцу и корову можно было купить за такое же число рабочих дней, как и теперь, и для перепахивания данного участка земли тогда надо было столько же труда, как и в настоящее время».

Не следует упускать из виду, что это было написано в то время, когда производительность труда в промышленности и земледелии, в общем, изменялась крайне медленно. Впрочем, даже в том случае, когда Беллерс исходил из ошибочных фактических предпосылок, мысль, которую он стремится доказать, все-таки верна.

К этому «Опыту» Беллерс прибавил еще «Слово к богачам», в котором он, отвечая на вечные жалобы последних, высчитывает, что в среднем на каждого человека в Англии приходится по 40 фунтов стерлингов капитала. Всякий имеющий больше должен бы молчать; и чем больше имеет какое-нибудь лицо, тем более ему следовало бы смотреть на себя, как на распорядителя имуществом бедных, и тем более следовало бы помнить о своей ответственности за это имущество.

В «Опыте об искоренении безнравственности» говорится, что все экономические усовершенствования не имеют никакой ценности, если они не связаны с нравственным под'емом. В этом случае, однако, Беллерс обращается не к низшим классам, а к высшим, требуя, чтобы они показывали пример. Если бы, например, говорит Беллерс, безнравственное поведение вело к лишению права занимать общественные должности, или, если бы за бранные выражения люди лишались этого права бы хотя на один год (квакеры, за принципиальный отказ от присяги, навсегда лишены этого права), то, может быть, мы слышали бы меньше брани и реже встречали бы безнравственность. Но «дети зла» парламент, ни на что не согласятся.

Замечательно хорош «Опыт» по поводу смертной казни, носящий заглавие: «Некоторые доводы против казни преступников» и предвосхищающий лучшие труды Беккарии и других на эту тему. Беллерс называет преждевременную смерть преступников, декретируемую государством, «кровавым пятном на религии» и сравнивает отношение между преступником и обществом, с отношением между дурным человеком и его семьей. «Если у кого-нибудь есть сын или близкий родственник, увлекшийся до совершения преступления, наказуемого смертью, то он, несмотря на все свое отвращение к преступлению, приложит все свои усилия для того, чтобы сохранить преступнику жизнь, в надежде, что он со временем исправится, особенно, если он имеет возможность изолировать преступника и лишить его, таким образом, средств совершать в будущем подобные ужасы. А каждое отдельное лицо по отношению к обществу представляет собой именно такого сына или родственника». Далее, не следует забывать, что ответственность человека ограничена. «Воспитание в безделья и грубой распущенности приводит одних к нужде и лишениям, а другим прививает привычки с которыми бороться они бессильны».

Беллерс высчитывает также, какие материальные потери для общества влечет за собою умерщвление преступника, который мог бы выполнять полезные работы в исправительном заведении, но он добавляет, что это соображение не имеет решающего значения. Беллерс ссылается на одно из прошений молитвы господней: «Но остави нам долги наши», и резко восстает против обычного в то время, но совершенно не соответствующего важности дела, наказания мелких краж виселицей и тяжелым тюремным заключением. Наконец, он требует упразднения отвратительных условий тюремной жизни и устранения спекуляторов-надзирателей, эксплоатирующих заключенных.

Книга кончается «Опытом» «О внутреннем просветлении». Все содержание этой книги показывает, что Беллерс был одним из самых свободомыслящих людей своего времени, хотя и не чуждым некоторых заблуждений своих современников, но зато далеко превосходящим даже наиболее просвещенных из них во всех остальных отношениях.

То же можно сказать и о следующем сочинении Беллерса, самое заглавие которого характеризует его содержание. Поэтому мы приводим здесь это заглавие полностью: «Несколько доводов, предлагаемых европейским державам в пользу учреждения европейского государства, посредством установления все-

общей круговой поруки и ежегодного конгресса, сената, законодательного собрания или парламента, долженствующего улаживать все могущие возникнуть в будущем споры о территориях и о правах государей и государств, с приложением соответствующего проекта, составленного королем Генрихом IV, французским . И затем: Проект генерального совета или общего собрания представителей различных религиозных течений в христианстве (не для споров о разногласиях, но) для установления общих принципов, на которых эти течения сходятся. Таким образом можно будет доказать, что они, несмотря на разногласия относительно пути к достижению небесного блаженства, могут быть добрыми гражданами и соседями, способными предотвратить внутренние беспорядки и междоусобные войны, если только будут уничтожены войны внешние». Лондон, 1710 год *).

Как в других своих проектах, так и здесь, Беллерс идет гораздо дальше своих предшественников и в то же время старается считаться с существующими условиями реальной жизни. Памфлет его представляет собой вовсе не абстрактное построение, он тесно связан с событиями и условиями того времени, и Беллерс опирается именно на них, для того, чтобы доказать целесообразность своего проекта. Начавшаяся в 1701 году война за испанское наследство стоила массы денег и крови, а между тем ей не предвиделось конца, и Беллерс иллюстрирует ею необходимость союза государств. В посвящении королеве Анне он указывает на принесенные жертвы и на союз, заключенный (между Англией, Голландией и Австро-Германией) для обеспечения прочного мира по окончании войны, а также на то, что этот союз дает очень мало гарантий, и что верность ему отдельных государств зависит от массы случайностей, ибо каждому из союзников приходится считаться с разными другими условиями. В обращении к державам он далее высчитывает потери в людях, деньгах и экономическом благосостоянии, понесенные европейскими народами, благодаря одним только войнам после 1688 года. Метод вычисления и в данном случае чрезвычайно оригинален для того времени. Наконец он приступает к изложению своего проекта. Европа должна быть разделена на известное число, примерно на 100, одинаковых по пространству областей (кантонов или провинций), и всякое государство должно посылать по одному представителю от кантона в парламент, иными словами, каждое государство должно быть представлено пропорционально своей величине и количеству населения. Этот парламент, обсуждению которого подлежат только внешние взаимоотношения государств, и который не в праве вмешиваться во внутренние дела их, устанавливает, сколько вооруженных войск или кораблей и денег каждое государство должно выставить от кантона в том случае, если бы оказалось необходимым предпринять что-либо против нарушителей мира. Сообразно с обязательствами, которые возьмут на себя в этом отношении государства, общий парламент определяет число голосов для каждого из них. Следовательно, на ряду с пространством, принимается также во внимание и степень дееспособности отдельных государств. Затем парламент устанавливает численность постоянной армии и величину отрядов, которые в мирное время должны постоянно держать под оружием отдельные кантоны.

Этот проект не имеет никакого прямого отношения к социализму; он в достаточной мере буржуазен, но он соответствует уже очень высокой степени буржуазного развития, когда мировая торговля, носившая отпечаток авантюризма, уступила место правильным торговым сношениям. Он является, так сказать, предвестником современной свободы торговли,

---

*) Английское заглавие этой книги начинается так: «Some Reasons for a European State proposed to the Powers of Europe».

а это для 1710 года было весьма и весьма не дурно. Но и в других пунктах этого памфлета Беллерс оказался также впереди своего времени. Как явствует из заглавия проекта, к нему приложен подобный же проект Генриха IV французского. В примечании к последнему проекту он говорит, что Генрих исключил из своего плана Россию («the muscowites») и Турцию; но это было сделано, по мнению Беллерса, лишь для того, чтобы доставить удовольствие римскому престолу. Ведь «московиты — христиане, а магометане — люди. Они имеют такие же способности и так же одарены разумом, как и другие люди, поэтому им нужно только дать возможность проявить свой ум, и они не отстанут от других. Разбивать им головы, чтобы снабдить их умом, было бы очень ошибочным приемом, который, к тому же, оставил бы большую часть Европы по-прежнему на военном положении. Напротив, чем больше удастся расширить этот государственный (civil) союз, тем больше будет на земле мира и во человецех благоволения» (стр. 20).

Для того, чтобы выразить такой взгляд в 1710 году, нужна была не только высокая степень духовной свободы, но также не мало и мужества. Другой проект, заключавшийся в этой брошюре: религиозный парламент, долженствующий не спорить о вопросах, разделяющих религиозные течения, но обсудить пункты, общие последним (а этими пунктами могли быть только известные этические положения), хотя и не имел шансов на успех, но все же представлял собою замечательное для того времени явление: он провозвещал новое интернациональное об'единение и был достойнейшим ответом на травлю всех не принадлежавших к государственной церкви людей, начатую летом 1709 года и помогшую в 1710 году коалиции ториев захватить власть в свои руки.

Одним из первых действий нового правительства было в 1711 году ухудшение системы избирательного права, путем установления определенного имущественного ценза. Против этой именно меры или, во всяком случае, по поводу ее, Беллерс в 1712 году выпустил памфлет в пользу реформы избирательного права, носивший заглавие: «An Essay towards the Ease of Elections of members of Parliament» — Рассуждение об облегчении выборов членов парламента». К сожалению, в Британском музее не оказалось ни одного экземпляра этого сочинения, так что невозможно установить, какой характер носит проект Беллерса *).

В 1714 году Беллерс опубликовал довольно об'емистый трактат, предвосхищающий идею, которую так же широко стали понимать лишь в последнее время: национализацию общественной гигиены. В этом именно и заключается сущность сочинения: «Сочинение об усовершенствовании медицины, изложенное в двенадцати пунктах. Благодаря чему каждый год может быть спасена жизнь многих тысяч богатых и бедных. С проектом занятия для трудоспособных бедных, благодаря чему можно было бы значительно увеличить богатство

*) Впоследствии мне, благодаря любезности господина Исаака Шарпа, секретаря лондонского центрального учреждения квакеров, удалось ознакомиться с экземпляром этого проекта, принадлежащим учреждению. Проект касается, главным образом, подкупов и злоупотреблений присягой во время выборов и т. д. За подкуп «искусители», т. е. подкупающие, должны нести впятеро большее наказание, чем подкупленные. Присягу Беллерс предлагает заменить показаниями, подтвержденными поручителями. Беллерс очень благоразумно рекомендует не забывать, что весьма большое количество людей больше заботится о земных благах, чем о небесных, и что поэтому совсем не следует ставить их в такое положение, при котором они сегодня вынуждены присягать комиссару по выборам в том, что имеют 40 шиллингов дохода от свободной земли (таков был избирательный ценз), а через некоторое время опять-таки присягать оценщику государственых налогов, что у них нет 40 шиллингов дохода. В другом месте этого сочинения Беллерс восстает против усиленной торговли спиртными напитками в местах производства выборов.

этого королевства. Почтительнейше посвящается великобританскому парламенту» *).

Самым важным в этом сочинении является предложение планомерно соединить изучение медицины и медицинскую практику с больничным делом, которое повсюду и систематически должно организовываться общественными корпорациями, сельскими общинами, графствами, государством и от них же получать содержание. Беллерс распространяется между прочим и об устройстве больниц, предлагает отдельно строить флигеля или госпитали для определенных болезней и, в конце концов, касается даже различных методов лечения. (Мы уже видели во введении к нашей статье, что он находился в самых дружеских отношениях с одним из известнейших врачей своего времени). Впрочем, рассуждения его по поводу последних, конечно, устарели. Очень мило введение Беллерса, в котором он, стараясь склонить парламент в пользу своего плана, высчитывает, сколько теряет страна, благодаря преждевременной смерти каждого бедняка в отдельности. В среднем, по его расчету, выходило 200 фунтов стерлингов. «Аристократии же нашей и дворянству,—добавляет Беллерс с юмором,—я предоставляю оценить себя самим, но если прав старый поджигатель, говоривший: «шкура за шкуру, и каждый отдаст все свое имущество за свою жизнь», то я уверен, что они составят весьма большой счет».

В приложении вкратце повторяется проект «колледжа», идею которого Беллерс неустанно проповедывал до последнего своего издыхания.

Еще в 1723 году он выпустил в свет новый «Проект, дать бедным прибыльное занятие» **) с эпиграфом: «если бы не было рабочих, то не было бы также и лордов, и если бы рабочие не производили больше с'естных продуктов и мануфактурных товаров, чем им нужно для собственного потребления, то каждому джентльмену пришлось бы быть рабочим, а все бездельники умерли бы с голоду». Аргументы здесь, в сущности, те же самые, что и в прежних сочинениях, только во многих случаях, напр., когда речь идет о деньгах и внешней торговле, они изложены точнее и определеннее. Беллерс все снова и снова указывает на случайности судьбы и апеллирует к могущественным «адвокатам»,—«долгу и надежде на прибыль», чтобы побудить богачей активно позаботиться о бедных. Замечательнее всего в этом сочинении отношение Беллерса к все более усиливавшейся в то время борьбе рабочих и ремесленников против технических улучшений и усовершенствованных орудий и инструментов мануфактуры. Беллерс, смотревший на последнюю настолько непринужденно, что считал одностороннее развитие ее, несоответствующее развитию сельского хозяйства, крайне ошибочным, решительно восстает против всех законов, ограничивающих машинное производство. Благожелательное отношение к рабочим ни на минуту не делало его слепым. «Издавать законы против уменьшения труда (т.-е. против машин и приемов), уменьшающих количество необходимого труда), — говорит Беллерс, — так же неразумно, как и привязывать каждому рабочему одну руку к спине, чтобы для каждой работы нужен был не один, а двое рабочих». В этом отношении Беллерс также держался безусловно современных взглядов.

В сочинении заключается просьба об учреждении парламентской комиссии для обсуждения этого и аналогичных проектов.

Весной 1724 года Беллерс опубликовал послание «Друзьям, собирающимся на годичные, четверть-годичные и ежемесячные совещания», т.-е. квакерским организациям. В этом послании он настоятельно реко-

*) An Essay about the Improvement of Physik, in 12 Proposals, Лондон 1714 г.
**) „An Essay for Employing the Poor to Profit".

мендует им позаботиться о лицах, находящихся в тюрьмах и госпиталях, отчасти ради пропаганды, отчасти же для того, чтобы по возможности улучшить их материальное положение. Лебединой песнью его было появившееся в том же году: «Извлечение из проекта и увещания, которое Джордж Фокс в 1657 году написал лондонским властям по поводу бедных, с некоторыми примечаниями и с рекомендацией искренно религиозным людям, особенно же лондонским друзьям и их утренним собраниям». Это «Извлечение представляет собою настоятельное и горячее увещание не терять из виду дела бедняков и не ограничиваться одной только раздачей милостыни. Первый план организации рабочих колледжей Беллерса был посвящен «друзьям», а с последним своим словом в пользу устройства особых учреждений, в которых бы давалось разумное и полезное занятие безработным, Беллерс опять-таки обращается «особенно к друзьям». В 1725 году смерть прекратила неустанную литературную деятельность Беллерса на пользу бедных.

В нашу задачу не входит перечисление того, что он сделал на практике для бедных и нуждающихся в помощи; достаточно сказать, что он был филантропом не только в теории. Исследование влияния, которое имели сочинения Беллерса на соответствующую литературу его времени и ближайшей эпохи, также выходит за рамки настоящего труда. Занявшись Беллерсом, мы и без того уже вышли за пределы эпохи которую имели первоначально в виду, но это было неизбежно, так как Беллерс не только хронологически, но и по идейному своему содержанию стоит на рубеже между коммунизмом XVII и реформаторским движением XVIII столетий. В Беллерсе соединяются все характерные черты коммунизма XVII столетия, который составляет предмет настоящей статьи. Мы видели, как борьба между двумя группами господствующих классов из-за политической власти вызвала выступление на арену политической деятельности наиболее развитых элементов трудящихся классов той эпохи и, таким образом, повела к провозглашению требований политической демократии новейшего времени. Мы видели далее, как еще более низкий слой рабочего класса выставил своих представителей и защитников из своих собственных рядов, как последние, присвоив себе политические лозунги и религиозно-коммунистические учения, принесенные в Англию из других стран, и несомненно также под влиянием отечественной коммунистической литературы (Мор), выработали коммунистическое учение, более радикальное, чем какое бы то ни было другое. Мы видели затем, что ухудшение материального положения беднейших классов, сопровождавшееся возрастанием богатства имущих, повело к возникновению буржуазно-филантропической литературы, предлагавшей всевозможные проекты для улучшения положения бедных с помощью всевозможных специальных учреждений: государство и общины, организованная частная деятельность должны были делать то, что прежде составляло задачу церкви. Мы видели, как пролагало себе путь новое понятие о государстве, которое из ассоциации господствующей аристократии или собственности одной какой-либо династии должно было превратиться в учреждение, способствующее всеобщему благу. Мы видели, наконец, как в ожесточенной борьбе церковных партий возникло новое, принципиально антицерковное, антидогматическое течение, которое повело, с одной стороны, к атеизму, с другой—к попытке создать антиритуалистическую религию квакерства. Филантропические проекты социальных реформ относятся к коммунизму также, как квакерство к атеизму. Однако Беллерс, как квакер и как сторонник социальных реформ, стоит далеко выше среднего уровня; и в том, и в другом смысле он был представителем лучших сторон движения. У него мы на-

ходим наиболее ясные и наиболее смелые идеи религиозных и социальных революционеров XVII столетия. Почерпнул ли Беллерс свои идеи из сочинений этих революционеров, был ли он знаком с ними? Это возможно, ибо в то время цитаты были не в обычае, цитировались только общепризнанные авторитеты; но Беллерс мог познакомиться с этими идеями и непосредственно, из сочинений писателей, находившихся под влиянием революционеров. Он мог воспринять эти идеи из окружающей обстановки, прямо из «атмосферы». Беллерс писал при такой же обстановке, как и революционеры XVII столетия, в эпоху голода, после политического переворота. В 1648—49 году можно было верить в демократическую революцию, совершенную вооруженными демократическими элементами нации. В 1688—95 годах такая иллюзия была невозможна, но в 1695 году была возможна более резкая критика буржуазного общества и его тенденций. Возможно было уже не только нравственное осуждение царящего в этом обществе неравенства, но также и указания на господствующие экономические силы, на возрастающую неспособность его направлять свои собственные производительные силы на благо общества. Величайшей заслугой Джона Беллерса было именно то, что он так рано сумел распознать эту сторону буржуазного хозяйства. Если можно сказать, что по отношению к частной собственности проект Беллерса относится к проектам Джерарда Винстэнли и даже Чемберлена, как революция 1688 года к восстанию 1648 года, то следует также признать, что его понимание экономической структуры общества вполне соответствует росту буржуазного богатства с 1648 года до конца столетия, и что его сочинения, имеющие своей целью защиту бедных, представляют собой достойнейший противовес панегиристам буржуазии той эпохи.

Все ссылки в тексте и примечаниях на «первый том этого издания» следует понимать, как ссылки на 1-й том «Истории социализма в монографиях», написанный К. Каутским. Изд. «Общественная польза». П. 1906 г. Переиздано Госуд. Издательством в собрании сочинений Каутского.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие 5

Глава первая.

Введение 7

Глава вторая.

Англия до средины XVII века. Экономическое и социальное развитие.—Политические и религиозные условия. Восстание Кета.—Утопия государственного канцлера Бэкона 10

Глава третья.

Первые годы правления Карла I, молодость Джона Лильбурна и начало преследований его 28

Глава четвертая.

Парламент и королевская власть. Пресвитериане и индепенденты. Опасные для государства секты. Народ и парламент. 35

Глава пятая.

Распадение индепендентов на левеллеров и „джентльменов" 47

Глава шестая.

Борьба за демократию. „Очистка парламента". „Народный договор" левеллеров „Истинные левеллеры" 56

Глава седьмая.

Атеистические и коммунистические тенденции в движении левеллеров 66

Глава восьмая.

Коммунистическая утопия Джерарда Винстэнли 79

Глава девятая.

Восстание левеллеров в армии. Дальнейшая судьба и смерть Лильбурна 90

Глава десятая.

Оценка деятельности Лильбурна и левеллеров. Различные течения, на которые распалось их движение. Заговоры. Чартисты—преемники левеллеров 105

Приложение. Орган левеллеров 117

Глава одиннадцатая.

Буржуазная государственная философия 17-го века „Левиафан" Гоббса и „Оцеана" Гаррингтона 120

Глава двенадцатая.

Квакеры до Джона Беллерса

Возникновение квакерства и его сущность. Джемс Нейлор, царь израильский. Социально-экономическая сторона квакерства.—Петр Корнелиус Плокбой. Джон Беллерс, адвокат бедных 135

